

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

Университет Культуры

Литературно-художественный альманах

Кемерово 2009

Редакционный совет

Е. Л. Кудрина – ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

В. И. Бедин – проректор по маркетингу и развитию образовательного комплекса, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Л. И. Гвоздкова – проректор по учебно-воспитательной работе, доктор исторических наук, профессор.

В. Д. Пономарев – проректор по творческо-исполнительской и международной деятельности, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционная коллегия

И. А. Куралов – редактор-составитель, член Союза писателей России, заместитель председателя Союза писателей Кузбасса, руководитель литературной студии КемГУКИ, лауреат премии имени В. Д. Федорова.

А. В. Шунков – заведующий кафедрой литературы и русского языка, кандидат филологических наук, доцент.

Е. Л. Мироненко – доцент кафедры литературы и русского языка, кандидат филологических наук.

Э. М. Афанасьева – доцент кафедры литературы и русского языка, кандидат филологических наук.

Ю. В. Подковырин – старший преподаватель кафедры литературы и русского языка, кандидат филологических наук.

А. А. Лушпей – старший преподаватель кафедры литературы и русского языка.

Издание осуществлено в рамках проекта «Русский язык в пространстве межкультурного взаимодействия», реализуемого кафедрой литературы и русского языка КемГУКИ.

У59 Университет Культуры: Литературное творчество студентов, выпускников, бывших и нынешних преподавателей Кемеровского государственного университета культуры и искусств [Текст]: литературно-художественный альманах / Кемеровский государственный университет культуры и искусств; сост. И.А. Куралов. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – 128 с.

ISBN 978-5-8154-0169-3

Впервые в истории Кемеровского государственного университета культуры и искусств издается альманах, который собрал под одной обложкой литературное творчество студентов, выпускников, бывших и нынешних преподавателей вуза. На внутренних сторонах обложки и цветных вкладках представлены работы студентов и выпускников кафедр графического дизайна, фотовидеотворчества, декоративно-прикладного искусства. Альманах подготовлен кафедрой литературы и русского языка и литературной студией КемГУКИ.

УДК 82-1/-9
ББК 84я43

ISBN 978-5-8154-0169-3

© Кемеровский государственный
университет культуры и искусств, 2009
© И. А. Куралов, составление, 2009

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, АЛЬМАНАХ!

Литература, вместе с музыкой, живописью, театром, другими видами искусств, является основой жизни человеческой души, ее постоянного развития. Жизнь человека без них может превратиться в унылое существование, не освещенное высоким и глубоким смыслом. Именно наш вуз с самых первых дней стал учебным центром, который выпускает создателей, собирателей и хранителей лучших проявлений человеческой духовности и душевности – музыкантов, хореографов, режиссеров, дизайнеров, художников, фотомастеров, библиотекарей. И, конечно, мы знали, что среди студентов и преподавателей КемГУКИ всегда были свои поэты и прозаики. Знали по публикациям в прессе, по выступлениям в аудиториях вуза, по различным литературным конкурсам, которые мы устраиваем ежегодно в университете. И по конкурсам городским, областным, региональным, всероссийским, международным, в которых наши студенты и преподаватели участвуют и нередко занимают призовые места.

Предметом нашей особой радости является тот факт, что несколько наших выпускников вступили в ряды Союза писателей, являются авторами десятков книг, лауреатами престижных премий, занимают серьезные позиции в литературе России и Кузбасса. А некоторые авторы выпустили свои книги или опубликовали свои стихи, прозу в известных литературных изданиях, являясь студентами нашего вуза. Это тоже не может не радовать.

И, конечно, радует то, что в стенах нашего вуза подготовлен к изданию литературно-художественный альманах. Славу КемГУКИ как авторитетного и престижного, полного творческих и научных сил учебного заведения снискали наши дела и достижения. Следует особо упомянуть среди них: деятельность высококвалифицированного, известного как в России, так и за рубежом, профессорско-преподавательского состава; сотрудничество с международными организациями (ЮНЕСКО, ИФЛА, вузами, научными и профессиональными учреждениями и организациями стран ближнего и дальнего зарубежья); внедрение новых профессиональных образовательных программ; разработку уникальных обучающих и исследовательских комплексов; участие в международных образовательных, научных и творческих проектах; организацию активного студенческого творчества и досуга.

Надеюсь, что и литературное творчество наших авторов будет способствовать упрочению этой славы и позитивного образа нашего университета.

Настоящая литература никогда не делалась по заказу. Не стали исключением и произведения, включенные в альманах КемГУКИ. Все они написаны по вдохновению, выдохнуты душой. Собственно и сам этот альманах – коллективный выдох творчества наших авторов. И хорошо, что этот выдох состоялся в год 40-летия вуза. В год очень значительный для университета. В год нашей творческой зрелости. В год, в который мы стали духовно богаче многим. В том числе и на эту книгу, которая, хочется верить, «томов премногих тяжелей».

Поздравляю авторов альманаха, его читателей и кафедру литературы и русского языка университета культуры и искусств, усилиями которой стала возможна долгожданная встреча авторов и читателей, со знаменательным событием.

В добрый путь, Альманах!

Е. Л. Кудрина,
ректор Кемеровского государственного
университета культуры и искусств,
доктор педагогических наук,
профессор,
заслуженный работник культуры РФ.

Содержание

Е.Л. Кудрина. В добрый путь, альманах!	3
И.А. Куралов. Собрание талантов	5

Поэзия

Марина Брюзгина. Я верю в чистую любовь	6
Елена Мироненко. Но где-то есть иные берега	20
Георгий Баранов. В мире есть невыразимое	24
Александра Гущина. Я живу на другом конце радуги	27
Елена Дубицкая. Я рисую небо на восходе	39
Людмила Тарасова-Чидилян. Все случилось до меня	56
Евгений Грибачев. Рвется на волю душа	74
Юрий Клейберг. Возвращаюсь к тебе	94
Юлия Мироненко. Вольною птицей расправила крылья свои	98
Константин Захаров. Я вспоминаю ценность бриллиантового неба	101
Николай Войтин. Поклон мой низкий людям добрым	104

Проза

Владимир Есенин. Счастливая Лиза. Белокурый ангелочек	10
Виктор Арнаутов. Лысые Романтики	44
Юлия Лавряшина. Свободные от детей	81

Истоки

Екатерина Сукорцева. Любовь к Слову прививается в детстве. Стихи воспитанниц Губернаторской женской гимназии-интерната. Юлия Петрова, Лариса Дмитриева, Елена Зорина, Елена Крыжановская, Анна Лоцманова, Ирма Гафнер, Нина Жинжина, Татьяна Колодина, Ксения Фалалеева, Надежда Торопова	68
---	----

Мы помним

Виктор Туев. Особенности моей любви	31
-------------------------------------	----

Свет духовный

Владимир Еременко. Горчичное зернышко	106
---------------------------------------	-----

История культуры

Юрий Светлаков. Театр одного актёра	113
-------------------------------------	-----

Литературоведение, критика

Эльмира Афанасьева. Невыразимое: Д.С. Лихачев и русская культура	61
Иосиф Куралов. Всё наполнено теплом. Я учусь познавать нераскрытое	96
Юрий Подковырин. «Азбука» кузбасской литературы	118
Александр Шунков. Читать или не читать?	122

Собрание талантов

Кемеровский государственный университет культуры и искусств – яркое собрание талантов. Талантов молодых – студентов, и всегда молодых – преподавателей, профессоров, мастеров культуры. Постоянно находясь в сотрудничестве друг с другом, старшие и младшие не только учат и учатся, но вместе создают то, что вошло в определение нашего вуза, – культуру и искусство.

Творческие коллективы, солисты, художники, дизайнеры, мастера прикладного искусства, фотомастера из КемГУКИ известны в Кузбассе и в России, а иные имеют и международное признание.

Есть еще один вид творчества, который пока не является учебным предметом КемГУКИ, но приобщаются к нему многие, а в детстве и в юности, наверное, каждый записал хоть несколько строк собственного сочинения. Речь идет о литературном творчестве. Я занимаюсь им не только как профессиональный поэт, но и как руководитель и член жюри различных литературных конкурсов, и знаю, что пишут стихи, прозу, публицистику многие. Некоторые – всю жизнь. Есть люди, наделенные литературным даром, и среди студентов, преподавателей, выпускников нашего вуза.

Когда-то я тоже закончил наш вуз. Правда, тогда он назывался институт культуры. По специальности я режиссер массовых представлений. Но тяга к литературе победила. Тем более, что стихи мои стали публиковаться еще со школьных лет. И кстати, именно мое раннее начало занятий стихосложением до сих пор подсказывает мне, что к литературным пробам юных надо относиться так же ответственно, как к творчеству людей зрелого возраста.

С тех пор, как мое поколение вышло из стен института культуры, прошла целая эпоха. Совершенно очевидно, что сегодняшний вуз многообразнее, интереснее, мощнее, того, который был тогда. И мне, с моими коллегами с кафедры литературы и русского языка, которые вошли в редколлегия издания, хотелось как можно шире представить творчество студентов и преподавателей. Из этого стремления возникли цветные вкладки с работами наших художников, дизайнеров, фотографов. Очень хотелось рассказать о творческих коллективах, о работе некоторых кафедр, но пришлось погасить эти порывы. Потому что их осуществление в корне поменяло бы замысел и привнесло в литературно-

художественный альманах элемент газеты, которая, вполне возможно, будет иметь место, но уже как другой проект вуза и нашей кафедры.

Однако из этих непростых хождений между желаемым и необходимым возникло название нашего издания «Университет Культуры». Оба слова с большой буквы. Поскольку несут в себе огромные смысловые объемы (университет – не только вуз, культура – не только сфера деятельности наших выпускников), которые в сочетании придают нашему изданию желаемое значение, формируют его внутреннюю суть и внешний облик.

Идея создать сборник литературных произведений авторов, имеющих отношение к нашему вузу, – студентов, выпускников, нынешних и бывших преподавателей и сотрудников – возникала неоднократно. И вот она реализуется. И что замечательно и знаменательно, реализуется в год 40-летия нашего вуза, который встретил юбилей в полном блеске своих талантов, в том числе и литературных.

И. А. Куралов,
редактор-составитель альманаха
«Университет Культуры»,
руководитель литературной студии КемГУКИ,
член Союза писателей России,
лауреат премии в области литературы
и искусства имени В. Д. Федорова.

Марина Брюзгина

Брюзгина Марина Валерьевна родилась в 1986 году. Окончила Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Автор двух книг: «Тревога кочующих птиц» и «Музыка пчел», публикаций в литературных изданиях России и Кузбасса. В 2008 году, будучи студенткой нашего вуза, принята в Союз писателей России. Работает в Топкинской районной библиотеке.

Я верю в чистую любовь

Июньские бабочки
От того, что устала
Беспробуднее сны.
И не жду ни начала,
Ни ухода весны.

Средь земных пересудов
Вспомню зимней порой
Предзакатное чудо –
Синих бабочек рой.

Память в лето вернётся,
Станет грустно чуть-чуть...
Эту просинь на солнце
Ни забыть, ни вернуть.

2005

На Красной Горке
Из-под шапки вязаной
Волосы струятся.
На щеках указаны
Островки румянца.

А следы наснежные
Будто бы оконца,
Робкие и нежные
В переливах солнца.

В это утро синее
В гармоничном мире
Всё укрыто инеем.
Хорошо в Сибири!

2005

Живу, подвешена на нитку,
И день сменяет день другой.
Ищу забытую калитку,
Чтоб, отворив, попасть домой.

Не знаю, чем он обернётся,
Мой день, что счастьем небогат.
Но я дышу, и сердце бьётся,
И нить прочнее, чем канат.

2005

Бесповоротно в меня влюблены
Берег песочный, четыре сосны.
Ветви колышет в зелёной тиши
Ветер, пробившийся сквозь камыши.

Шепчет мне что-то, листьями шуршит
В этой знакомой до боли глуши,
А в вышине почему-то видны
Как в отраженье изгибы волны.

В том голубом океане небес
Прячет верхушки застенчиво лес.
Как ни посмотришь – везде глубина,
Облаком тихая заводь полна.

Берег песочный, седая волна,
Я как ребёнок в неё влюблена.
Нет на планете чудесней чудес,
Чем эти облако, озеро, лес...

2005

Душа молчит или бунтует,
Ну как тут не сойти с ума...
Наш город плаво атакует
Пушистым облаком зима.

А строки бродят хороводом,
Но не идут из-под пера.
И в стёкла превратила воду
Морозно-вьюжная пора.

И стёкла эти, и тревога
Везде преследуют опять,
Лишь старым книгам и дорогам
Приходится меня спасать.

И Муза вновь садится рядом,
И выхожу на миг из сна.
Бумаги лист милее взгляду,
Чем снеговая белизна.

2005

Когда опять к себе помянут
Чужие дальние края,
Я знаю, в нашем парке станет
Чуть-чуть грустнее без меня.

Когда ж вернусь из долгих
странствий
В начале солнечного дня,
Хочу, чтоб каждый листик
«Здравствуй!»
Кричал, приветствуя меня.

2006

Границы

Границы, границы, границы...
Вся жизнь состоит из границ.
И наши окрашены лица
Огнём непослушных зарниц.

Мне кто-то из предков оставил
Тревогу кочующих птиц.
Хочу исключений из правил,
Хочу нарушений границ.

Читаю себя постранично,
Смотрю полюбившийся сон.
Я с кем-то серьёзно граничу,
Но это до лучших времён.

2005

Дом большой, большая печка,
Всё наполнено теплом.
Вот и счастье человечка
Неожиданно нашло.

Отдохну душой и телом,
Подождут мои дела,
Лишь бы мама не болела,
Лишь бы бабушка жила.

2006

Ни строчки, ни буквы, ни слова.
Сижусь и молчу в пустоту.
И день завершается снова,
И нечем ответить листу.

Оденусь и выйду из дома,
А там, за порогом, весна,
Ручьёв неглубоких изломы
Прозрачны до самого дна.

И я, одиночества ради,
Стерев городскую печать,
Вернусь к неизбежной тетради,
Чтоб тихо над ней помолчать.

2006

Я отграничила его,
Оторвала, перекричала.
Но струны сердца моего
Просили всё начать сначала.

Я очертила пальцем круг
И сердце в центр поместила.
Но утонуть в изгибах рук
Звала неведомая сила.

Когда взорвался телефон,
Когда небрежно полдень замер,
Тогда я вышла на балкон
И небо выпила глазами.

Но, замирая у черты,
Как у последнего причала,
Душа боялась высоты,
Хотела всё начать сначала...

2006

Я выжгла заветное имя
На маленьком сердце своём.
В тебя превращаясь незримо,
Теряю себя день за днём.

Смолчать бы суметь, раствориться,
Исчезнуть за дальней горой...
Но смотрят весёлые лица,
Не могут понять, что со мной.

Ты ходишь по тем же дорогам,
У тех же заливов стоишь.
Прости ты меня ради Бога
За глупые слёзы мои.

Пытаюсь спастись в разлуке,
Спешу становиться сильнее.
Но сняты усталые руки
И нежность улыбки твоей.

2006

Я помню тебя и приехать хочу,
Но всё же про это упрямо молчу.
Какая ещё мне нужна тишина,
Чтоб чашу раскаянья выпить до дна.

Я помню тебя и увидеть хочу
И через пространство к тебе долечу.
И чувства свои превращая в слова,
Останусь с тобой и останусь жива.

2006

Приснись мне сегодня,
пожалуйста,
Ну хоть промелькни вдалеке.
Ты мне не отказывай в малости –
К твоей прикоснуться руке.

Во сне, среди бликов и солнышек,
Не знаю, ты есть или нет...
Мне хочется выпить до донышка
Твой тёплый и ласковый свет.

2006

Я не скучаю в осеннем лесу,
Листьев охапку домой принесу.
А для чего, и сама я не знаю.
Просто хожу и листву собираю.

Небо полощется в нежной реке,
Птицы лесные кричат вдалеке.
Рыжие, жёлтые, красные листья
Чем-то похожи на мордочки лисьи.

2007

Заболела мама.
Где же сил найти.
Я стою у храма
И хочу войти.

Милосерден Боже.
Знаю наперёд:
Кто-нибудь поможет,
Что-нибудь спасёт.

2007

Жизнь поэтична без прикрас.
И лепестки своих сомнений,
Как это было, и не раз,
Вплету в канву стихотворений.

На небе солнце расцвело,
А на ветвях набухли почки,
Впущу весеннее тепло
В свои распахнутые строчки.

2007

Как не бояться ничего
В часы непрошенной метели,
Когда ветра уже отпели
Остатки счастья твоего?

Отправишь мысли на закат,
Чтобы печаль свою не множить,
И оттого грустней и строже,
Ещё мудрее станет взгляд.

Но тихо сердце запоёт
По свежеевыученным нотам,
Когда ты вспомнишь для чего-то
Глаза, холодные как лёд.

2007

Марина Брюзгина

Затеряться однажды мне бы
В переулках твоей души.
Надо мною обрывки неба
Проплывают в ночной тиши.

Бродят в тёмном лесу медведи,
Снег на чёрных ветвях лежит.
Мы с тобой из зимы уедем,
Мы с тобой от зимы сбежим.

Будет солнышко на планету
Проливать свой волшебный свет,
В белоснежных ромашках лето
Станет сказочнейшим из лет.

2007

Я ощущаю слишком остро
Всю нескончаемость разлук.
А ты, как будто тёплый остров,
Убереги меня от вьюг.

Ты знай – без ласкового слова,
Без леса с ленточками рек,
Я, может, самый бестолковый
И самый жалкий человек.

2007

Автобиография

Я смотрю, как призрачные лилии
Лепестками плавают в воде,
Я люблю красивые фамилии,
Я люблю весенний тёплый день.

Говорю, прощаясь: «До свидания».
Не умею плакать на свету.
Я люблю красивые названия,
Вообще лелею красоту.

Ничего не значащие линии
На руке разглядываю вновь.
Я люблю красивые фамилии,
И я верю в чистую любовь.

2007

Владимир Есенин

Есенин Владимир Иванович родился в 1948 году. Окончил Кемеровский государственный институт культуры. Выпускник первого набора нашего вуза. В 1980 году окончил филологический факультет Уральского государственного университета. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Счастливая Лиза

Сказал я в сердце своем о сынах
человеческих, чтобы испытал
их Бог и чтобы они видели,
что они сами по себе – животные.

Экклесиаст. Глава III, 18

I

Вроде причин, по крайней мере явных, для тоски не было, но она грызла Владислава Озолина уже которые сутки. Бессонница, верный признак душевной грозы, подступила вплотную, как ни отлеживал бока, а ночи напролет паялся то в поток, то на стены. Все валилось из рук, хоть ложись и помирай, так ведь и это лень.

Чтобы, в самом деле не помереть, собрался прогуляться: может, полегчает. Сполоснул лицо и поизучал его в зеркале – от улыбочивого Озолина ничего не осталось. Как на недопроявленном фотоснимке – тусклые глаза, в вилке углубившихся морщин – бледные слипшиеся губы. Только брови по-прежнему черные и вразлет, будто крылья собирающейся подняться птицы. Хмыкнул и отпер дверь холостяцкой квартиры.

В открытом подъезде, точно картина в допотопной раме, как обычно на скамейке сидела женщина и смотрела на него. Солнце, размазанное вонючей дымкой, стояло высоко, высвечивая в тамбуре косой квадрат. Дальше, угол песочницы, тополя в бородавках, сбоку от женщины – сирень, у ног – собачонка Лиза. Эта картина так примелькалась Владиславу, что не замечал бы ее да Лиза каждый раз бросалась под ноги, исходя на нет от злобного лая, когда он нарисовывался во дворе. Безрассудная свирепость не знала краю, и Владислав всегда вздрагивал от напора Лизы, озирался: куда бы ретироваться? Однако не бежать же от моськи сломя голову.

– Тьфу! – с благородным негодованием отвечал ей.

Волей-неволей накопил немало злости на Лизу. Хотя уголком здравого смысла понимал, это также глупо, как обижаться на скамейку под Лизиной хозяйкой. Отругать женщину? Он мужчина! И собака не даст. Но почему она не осаживает Лизу?! Однажды, когда Владислав плюнул в очередной раз, старуш-

ка, из вечно дежуривших на скамейке, констатировала: «Кобель с сучкой друг дружку всегда затронут!» Слова прибавили злости к Лизе, мол, довела, что уравнили с собакой. Он уже ненавидел эту дрянь. Страстное желание рывкнуть на Лизу так, чтобы от страха влипла в землю, раз и навсегда осознала, кто есть кто, гнобило Владислава при одном воспоминании о ней. А вспоминал всегда, когда собирался выйти из дому.

На этот раз Лиза прихватила в тамбуре подъезда. Остроморденая, с прижатыми ушками, широкогрудая, на коротких ножках, наконецником копы метнулась к нему. Остервенело лаяла, грозила острыми зубками. Озолин крутился, подпрыгивал, отдергивал поочередно ноги, будто босиком на раскаленных углях. Неизвестно, как долго он, гремя мелочью, исполнял бы этот танец, но когда стрельнул взглядом на женщину, показалось – она наблюдает за ними подобно болельщице на стадионе: укусит, не укусит, пнет, не пнет! «Узнаете, как изгаляться надо мной!» И в тоже время радовался, что появилось хоть какое-то желание, всегда служившее трамплином, выбрасывающим из душевного застоя, – так запустить эту гнусь, чтобы мячиком врзалась в физиономию хозяйки.

Ноги женщины под подолом разведены, губы округлились вроде подгоревшего бублика, пальчики правой руки сжаты в кулачок, другая – прижата к груди. Мол, вот-вот засвистит от азарта. И, вспомнив футболистскую молодость, поддел носком собачонку, мощно направил ее полет в цель. Пока Лиза летела, пружинисто переворачиваясь и продолжая рычать, Озолин пожалел и ее, и себя: футбол остался лишь приятным воспоминанием. Собака летела совсем не туда. К счастью Лиза упала на цветущую сирень. Подпрыгнув как на батуте, к несчастью, угодила в подол хозяйке, та завизжала и резко сжала ноги – на виду остался лишь кончик хвоста. И Владислав тоже перепугался, подскочил к ним, желая извиниться. А женщина задервенела, побледневший лоб и щеки заискрились бисером, губы намертво слиплись и посинели. Владислав пошлепал по щекам, потряс за округлые плечи, ее забила дрожь. У нее нежная кожа, утонченные черты и замутненные слезами, как небо дымом, глаза. Рванул за водой, проклиная себя, едва попал ключом в замочную скважину, набрал стакан и выскочил на улицу.

Переход от яркого света в полутьму и обратно вымыл остатки злости, словно самого, измазанного по уши, сполоснули в

воде. Лиза уже освободилась и сверлила его взглядом, выставив мордочку из-под подола. Женщина оживала – щечки зарозовели, в ямочке на шее стеклянным медальоном горел пот, руки прижаты к груди, словно о чем-то молила.

– Вода! – согнувшись в «Г», протягивая стакан и косясь на Лизу, сообщил он и подумал: «Если выпьет, то простит!»

Она взяла воду и, отбивая о стекло дробь, попила:

– Благодарю.

Озолин облегченно вздохнул.

Лиза совсем выбралась из укрытия и тоже вела себя не так, как положено – спокойно лежала, мирно положив голову на лапы.

– Простите, как вас зовут? – поинтересовался он.

Лицо ее явно не знало косметики, чуть побитое веснушками, оно волновало, притягивало взгляд.

– Тамара.

– А я Владислав, – виновато сказал он. – Может, за лекарством сбегать?

– Есть, – Тамара положила под язык таблетку.

Лиза взялась обнюхивать его туфли, и у Озолина противно защекотало под животом. «Хоть бы не цапнула!» Собака – почти без усов, с проплешинами на боках, когти основательно изношены.

– Ли-и-иза, Ли-и-зонька, Елизаве-е-е-та! – не узнавая себя, подхалимским голосом произнес он.

Вежливо попрощался и, потихоньку набирая ход, двинулся дальше. На расстоянии оглянулся – они смотрели вслед.

В Озолине-то ничего особенного: рост средний, русский, глаза серые и одет неброско. Правда, стал излишне задумчивым, мрачноватым после того, какшибанула мысль: на середине жизни остался одиноким, точно детдомовец, не сумевший создать семью. И улыбался по-стариковски, глядя на собеседника как бы из далека, словно уже не от мира сего. Подобное уловил и в глазах Тамары – заныло под сердцем: зачем обидел ее?!

«Обзавестись, что ли, тоже – собакой, думал он, шагая неизвестно куда и зачем. – Лиза только с виду свирепая. Не укусила же. Это я пнул... вместо мячика». Он знал, что собакой не обзаведется, что это для очистки совести трепыхается его земное «я», а сам он просто тыкается в жизненный тупик, как слепой щенок в поисках соска. А вот в неясных мечтах, где Бог – есть смысл. Иначе, зачем создал нас по Образу и Подобию

своему? Зачем окружил тварями всякими? Не для того же, чтоб прозябать и мучиться? «Тамара-то хоть Лизу любит, а я?! Даже себя не люблю!» — размышлял Владислав. Озолин вспомнил, этим летом часто видел Тамару. Все говорило об одиночестве, обособленности — общалась лишь с Лизой. «А я вообще ни с кем не общаюсь, — констатировал он. — Сам с собою... Господи, до чего дошел! Надо что-то делать, а что?!»

Тамара в первый же теплый весенний день заняла место на скамейке — укутанная, сутулая, угрюмая: мол, мне все равно. Отрешенность, равнодушие к самой себе, — а ведь красивая, — вселяли подсознательный страх, лишали Озолина тех маленьких радостей, которые нет-нет, да и появлялись. «Что ж это такое, женщина и не желает нравиться? Не по-человечески!». Изредка слышался голос: «Лиза-а, Лизонька, пошли кушать. Лизонька, перестань!» Сюсюканье с какой-то там собачонкой раздражало Озолина и он, выходя на улицу, бросал на них презрительный взгляд и облаянный — продолжал путь.

Сквозь прошлогоднюю траву пробивалась робкая зелень. Лишь на клумбе уже штопором лезли ростки. Тополя в миниатюрных брошах-почках, в своей бижутерии клены и единственная красotka-молодуха рябинка. Отмытые после зимы окна и прохладные небеса сияли. Птички, смех и визг счастливой ребятни наполняли воздух радостной какофонией. Только Тамара была молчаливым укором, вызовом всеобщему весеннему настроению. И Лиза не разделяла настроения хозяйки. Прыгала, пытаясь лизнуть солнце (оно, видимо, казалось ей вкусным, как блин), бешено вертелась за своей каралькой, переворачивалась на спину, то вдруг вскакивала и рыла носом землю. Видать, правда, маленькая собачка до старости щенок.

— Совсем сдурела! — упрекала Тамара.

«Это ты сдурела!» — подумал Владислав, как раз сопровождая к себе очередную пасию. Собачонка, приняла боевую стойку — на холке вздыбилась шерсть.

— И правда сдурела! — согласился он.

Посмеялись: «Не ешь нас, мы невкусные!»

В гневе Лиза была смешной и жалкой — махонькая, — уместится в полиэтиленовом мешочке, — а, поди, ж ты, характера на трех кобелей с избытком. «В первый раз увидела и набросилась? — отметил тогда Озолин. — Нет, хоть и собака, а все равно причина есть. Наверное, хочет, чтобы дружил с хозяйкой!»

Он вдруг поймал себя на том, что это «чучело» на скамейке, нравится как женщина. Ей бы одеться, личико подкрасить, при такой фигуре надо от ухажеров отбиваться, а не с собакой возиться. Греховная мысль мелькнула и забылась: к такой не подступишься, и Лиза разве даст познакомиться.

Он брел, вспоминая Тамару, радуясь, что пробудился хоть какой-то интерес к жизни. Слава Богу, проклятой хандре приходит конец. Походка стала легкой, мир обретал все многообразие красок, но тем острее воспринималось происшедшее во дворе. Он решил купить цветы, колбасы для Лизы и явиться с дополнительными извинениями.

Решил и удивился. Еще вчера о таком и подумать-то было стыдно — его облаивали, а он должен извиняться! И неважно, что бросалась на него Лиза, значит, хозяйке это нравилось. К тому же в почете нынче любые: хоть хамоватые, хоть умные, хоть тупые — лишь бы крутые. Сам недавно был крутым владельцем ларька, кого раньше называли торгашами, еще раньше мелкими лавочниками, а нынче мелкими бизнесменами. Он долго боялся, что отберут заведение или нагрянет рэкет, считал — завидуют, что он удачлив, другие нет. Для фасона без конца жевал резинку, держал равнодушно-тупое выражение на лице: мол, в упор ничего не вижу, кроме денег и товара. Изю дня в день: товар — деньги — товар, а из глубин памяти выныривало имя — Маркс, появлялась его бородатая физиономия. Уматываясь со своим бизнесом, без выходных и отпусков, Владислав костерил и Маркса и марксистов: мол, все бы так пахали, как мы — эксплуататоры. Зачем Россию кровью залили, царя убили, Бога забыли... Сейчас все снова да ладом — возрождаем! На работе Маркс, во дворе — Лиза. Эти два имени, похоже, намертво склеились в сознании. Начнет торговать — вспомнит Маркса и сразу — Лизу. Зайдет во двор — наоборот. Жизнь текла по формуле: «Ты мне, я тебе!» Наконец серое существование так обрыдло Владиславу, что плюнул на киоск, заодно на весь бизнес разом. Сложнее было с другим — внешняя напускная злость успела пустить свои корешки. Чуть что, Озолин свирепел с ходу, как Лиза при его появлении с дамами. «Нет, — думал он. — Все-таки была своя прелесть в том, когда за бутылку можно было решать вопросы, еще и товарища для души приобрести».

Сейчас шагал с букетом роз довольный собой и миром, вдыхал аромат, любовался нежными лепестками и размышлял, что во-

круг так много прекрасного, чему можно радоваться и, конечно же, смысл в этой жизни есть. Иначе, зачем и для кого красота – улыбка Бога.

Он издали начал искать их взглядом. Ни Тамары, ни Лизы во дворе не было. Владислав расстроился, снова почувствовал себя неуютно, по-дурацки: стоит перед старухами на скамейке с цветами и колбасой, злой, но теперь уже – на себя. Хотел было сунуть розы в урну, как женщины сообщили: мол, опоздал, Тамара дура наглotalась таблеток – увезли на скорой.

– Дура?!

– А разве умная? Из-за мужика... Бросил!

Через три дня Владислав увидел у соседнего подъезда обитую красной материей крышку гроба...

Вечером у окна задумчиво глядел на увядающий на подоконнике букет, много курил и вздыхал: жизнь лишь добавляет печалей. Вот еще груз на душе – два женских имени Лиза и Тамара. Чего же раньше он не прислушался к сердцу, не подошел, не познакомился, не помог человеку добрым словом... Дожились! Вдруг за дверью послышалось повизгиванье. Он отпер, и Лиза протрусила в квартиру. По-хозяйски обнюхала углы и улеглась на коврик, будто дома. Она потянулась и зевнула, а он сказал:

– Живи!

А Лиза и не подозревала, что бывает смерть, жила в вечности, радуясь своему предназначенью.

II

Пожалуй, это особая форма хандры – месяцами, а то и годами планировать что-либо и не ударить пальцем о палец. Собственное «я» делается смыслом жизни и душа чахнет подобно цветку без воды. Озолин мечтал и мечтал о ремонте квартиры, прокручивал в воображении, как и что надо сделать. Однако по-настоящему хотелось чего-то другого, чего – не понимал. И однажды с грустью вывел: давно прозябает в придуманном им же убогом мире иллюзий. Смирился с паутиной по углам, выцветшими и засаленными у кровати обоями, вечной пылью на подоконниках и мебели. Ничего не надо, все надоело. «А еще упрекаю Тамару, что не следит за собой, – думал он. – Сам давно уже не тот, выродился в Бог весть кого. Сам по себе, несет – куда ветерок дунет! Эх, хорошо дуракам. Им не дано тупеть – не знают, что такое хандра! Жить бы как Лиза – никаких проблем».

А Лиза оказалась дамой весьма чисто-плотной: чихала от пыли, рычала на пау-

тину, брезгала грязной посудой. Аккуратное существо смотрелось в его квартире укором неряшливому хозяину. Владислав, удивляясь, почему потекает этой козявке, вымыл посуду, налил в тарелку молока, крошил хлеба, поставил еду под раковину на кухне и уселся наблюдать, как Лиза будет кушать. Она обнюхала пищу, подозрительно посмотрела на него: мол, от такого грязнули всего можно ожидать, отпробовала еду быстрым язычком и еще раз обратила взор на Озолина – на этот раз благодарный. И приступила к трапезе, в конце которой тарелка оказалась чистой до блеска. Он повертел посуду, словно диковинку и похвалил: «Молодец!»

Надо погладить рубашку, побриться, просмотреть газеты. Но тут выяснилось, Лиза не выносит тараканов. Стоило представителю неистребимого племени усатых осмелиться при свете дня переменить одну щель на другую, как она проявляла крутой нрав. Квартира взрывалась оглушительно-звонким лаем. Бедный Озолин вздрагивал, закрывал уши ладонями и бросался на помощь, чтобы скорее замолчала. Изредка удавалось прилепнуть быстроногую тварь, тогда он радовался воцарившейся тишине и покою: «Хорошо-то как, Господи!» Ах, как давно не произносил этих слов. А Лиза, взъерошенная и счастливая, оттого что помог ей, долго не могла успокоиться.

Неказистая, с мордочкой как летучая мышь из-за огромных ушей, с глазами навывкате цвета ягод черноплодной рябины, Лиза вызывала у Владислава умиление, как любимая игрушка у малыша. Со стула следила, как моет полы. А когда он водружал швабру на свое место в туалете, Лиза тщательно обследовала еще влажный линолеум: если все нравилось, одобрительно виляла хвостом. «Бывшая хозяйка, видать, была чистюлей», – делал вывод он. Понемногу привел жилье в порядок. И сам будто родился заново.

– Пр-р-р-а-вильно лаяла на меня, – подражая Лизе, говорил он. Трепал собаку за загривок и перед ним появлялась Тамара.

Гладко уложенные волосы, черточка пробора и едва проступающие звездным хаосом милые веснушки. В ее глазах ни укора, ни злости. Только ресницы вспархивают крылышками испуганной птички то, открывая, то, пряча бездонно-синий взгляд. Озолин не мог отделаться от впечатления, что девушка жива, что она такая же простая и ясная, как Лиза. Только вот одиночество исказило ее характер.

Лиза стала спать в ногах – лишний раз не шевельнешься. Это неудобство ему больше нравилось, чем тяготило. Собачонка ложилась лапами к краю постели, всегда готовая бросить свое упругое тельце на его защиту, уютно укладывала на них мордашку и уходила в мир чутких грез. А Владислав не спал. В подлунное время, когда отстают липучка дня, а миром владеют тонкие материи, Озолин делался по-особому чутким. Оказалось, Лиза, как и люди, видит сны. Виляла хвостом, оскаливалась, напрягалась и дергалась – порывалась куда-то бежать. Принимала видения за реальность. И то, и другое для нее одной природы. «То-то по утрам она сразу соскакивает, будто не спала, – подумал он. – А мне полчаса надо, чтобы проснуться». Лиза жила непрерывно, а его существование подобно штрих пунктиру. Сон – смерть, день – жизнь. Да и какая это жизнь!? Утрами Лиза всегда была веселой, если и тьякала, то от самопроизвольной радости. Выходит, ночами проживала свою естественную, первородную жизнь. Он же нередко вступал в день с полнейшими провалами в памяти, бывал злым и раздражительным.

Сейчас косой луч падал на Лизу. Вся из серебряной седины, она, казалось, светила изнутри. Владислав подумал: «Собаки воют на ночное светило от тоски по вольной охотничьей жизни, утраченной навсегда. Только луна, вечное фото на память, осталась им от тех благословенных времен. Чего же они потянулись к людям, чего захотели от нас? Квартира для Лизы – не рай, а для меня, где рай? Для чего живу? Животные и не думают, есть Творец или нет? Живут такими, какими Он их создал – счастливыми. А от нас ждут чего-то, вон, сколько претензий ко мне у Лизы! Требуется возвращения в первозданную жизнь, а мы-то куда стремимся!?»

Утренний солнечный луч густо-малиновым цветом дошел до него сквозь веки. Светило было там, где ночью висела луна – неподвластное глазу, оно гасило всякую свободную мысль: мол, бранный, твой удел смотреть под ноги – небо не для тебя. Но Озолин чуял – его собственное «я» лишь наполовину в нем, нет никакой «черной дыры» в душе и стоит только внять внутреннему затаенному голосу, соединиться с высоким, как на вроде бы пустом месте забьется, запульсирует плоть. Он думал о вере. Она жила в нем тихо и незаметно, как сладкий детский сон. Люди-то сплошь и рядом говорят одно, а делают другое. Для чего

и зачем словесный иллюзион, разве жизнь всего лишь кино?! По-настоящему-то, оказывается, можно любить только Бога. Но наступал день, и все исчезало, взгляд искал радости в сиюминутных удовольствиях.

...С Людмилой они познакомились до появления Лизы. Покупал лекарство соседке-пенсионерке и узрел через окошко стройные ножки в белых колготках, – кто из нас, грешных, не терял из-за них голову, тот не знает силу инстинкта.

– Здравствуйте, милая девушка, – произнес Владислав, лелея надежду, которая не умирает никогда.

С продавцами почему-то не принято здороваться, и она ответила с любезной улыбкой:

– Здравствуйте.

– Владик.

– Людмила.

– Самый красивый цветок, какой есть на Земле, я бы назвал Людмилой!

Комплимент понравился. Оставил ей телефон, выдал стандартный набор: мол, самая обаятельная в мире, если не придет в гости, он засохнет и будет пригоден лишь для гербария. Молол языком, не подозревая, что сам попадет в этот словесный капкан, на самом деле станет сохнуть по Людмиле, ласкать ее образ и проклинать несправедливую судьбу: почему эта ангельская красота принадлежит не ему? Он-то может по-настоящему любить и страдать. Своя страсть, видно, что и болезнь – самая-самая. Однако все быстро угасло.

Так бы и текли дни в заботах о Лизе, но однажды в трубке зазвучал насмешливый голосок:

– Здравствуйте, Владик.

Людмила! Каждое ее движение, улыбка, вся, вплоть до завитка волос – снова оживило в памяти.

– Это Люда. Как поживаете? Вы один?

Владислав хотел, было сказать, что с Лизой, но передумал – долго объясняться. А ее желание встретиться казалось таким ненадежным – каприз.

– Один, один! – выпалил он.

Она хохотнула, попросила адрес и положила трубку. Из замешательства вывела Лиза, которая тьякнула и уставилась в глаза. «Отвяжись!», – бросил Озолин, словно перед ним была рядовая собачка. Пока лихорадочно приводил себя в порядок, Лиза сделалась какой-то не такой, как бы посуровела, звук ее лапок стал тверже. Погладил собаку, под ладонью – бездушная мягкая игрушка. «А», – отмахнулся он,

чувствуя, как страсть охватывает его от пяток до корней волос.

Весь горел, когда звонок в дверь окончательно загнал остатки мыслей о Лизе в подсознание. Людмила стояла с улыбкой и искорками в карих глазах. Брови, ресницы создавали ощущение бархатистости. Загар, вишневые губы, длинная шея, короткая стрижка... Она была из красавиц, которые хороши в любой одежде. Но Людмила умудрилась иметь все атрибуты, полагающиеся женщине, однако в таких минимальных размерах, будто бы их не было. Кофточка – мелкаячеистая сеть, начиналась на плечиках, кончалась под мышками, бюстгальтер не прикрывал даже сосков, живот обнажен значительно ниже пупа, на бедрах пояшнурок придерживал нечто, что никак не назовешь юбкой – кисея с четверть в длину. Ну и грех был прикрыт непонятно чем.

– Можно? – хохотнув при виде ошеломленного Владислава, спросила гостя.

Он открыл рот, но услышал грозное урчанье. В этом звуке была такая яростная и неколебимая воля, решимость, что он вздрогнул и свыл, прислонился к проему двери. Жалко и растерянно улыбнулся, развел руками – понял, что не в силах предотвратить драму.

– Можно или нет!? – с раздражением повторила Людмила, и в это мгновение Лиза плотным комком брякнулась на лестничную площадку. Визг полоснул прохладный воздух и вонзился в перепонки Озолина. Казалось, вся ярость мира сфокусировалась и заклокотала в ней. Не кусая, бросалась на девушку, и та, взвизгивая, отдергивала стройные ножки, цокая каблукками. Лай и рык Лизы сопровождал дикий, на сей раз женский, танец.

– Пни ее, пни! – закричала Людмила.

Но Владислав, согнувшись, лишь попытался поймать упругое стремительное тельце, неуловимое, как рыба в воде. Он помнил последствия пинка и, несмотря на всю драматичность положения, в этот момент понял: больше никогда и ни за что не обидит Лизу. Людмила резко втянула воздух и вдруг так громко и зло закричала, что даже Лизу взяла оторопь:

– Пошла вон, сука! Тварь! Убью! – и попыталась пнуть собаку.

Лиза фыркнула, обрадовалась, что получила моральное право проявить себя на полную катушку и принялась рвать зубками малиновые туфельки, настолько аккуратно, что не касалась тела – кусочки кожи в слюне падали на пол каплями крови. Людмила и

Владислав, раскрыв от страха рты, глядели на туфли, которые будто бы хорошо обрабатывали теркой. Когда от обуви остались лишь подметки, Лиза уgomонилась – наблюдала за ними. Собака пребывала в полной уверенности, что Владислав свои любовные дела должен согласовывать с ней. Людмила фыркнула, повернулась и пошла.

– Я заплачу! – крикнул Озолин. Но ее и след простыл.

Впустил Лизу, уселся на диван и сокрушенно вздохнул: «Какой облом! – простонал он, усиленно массируя лоб, и глядя в преданные глаза, добавил. – Ну, какое твое собачье дело до моей личной жизни?!» А Лиза поскребла дверь, просясь на улицу. Выпустил и призадумался о новых обстоятельствах жизни. Так он долго сидел в полной прострации, пока снова не услышал характерное поскребывание. «Даже твякнуть не считает теперь нужным, – отметил он. – Совсем уже...» Нехотя встал и отпер, собираясь прочесть мораль собаке. Но Лиза за порогом была как никогда радостной и дружелюбной, можно сказать счастливой – в зубах у нее была детская дудочка.

– Ага, скоро родители разбираться нагрянут! – сокрушенно вздохнул он.

III

Владислав сидел в кресле, похожий на факира, надувал щеки, играл на дудочке, смотрел на подвывающую на разные лады Лизу и ругал про себя всех четвероногих друзей человечества. Предвкушение интимной встречи еще владело им. Казалось, навсегда забытая злость на четвероногую даму снова ожила – прорывалась в звуки: резкие, бессмысленные – лай Лизы в сравнении с ними ласкал бы слух, не говоря уж о пении новоиспеченной артистки. Он злился еще и на то, что ему «слон на ухо наступил», в собачьем пении улавливалась мелодия и вселенская печаль. Он быстро убедился: Лиза совершеннее его в искусстве... и вообще, если рассуждать по-человечески, то она права. К ней ведь кобели в дом не приходят...

Лиза исполняла древнейшую песнь собак, а он для пробы несколько раз сменил ритм: «Какотреагирует?» Лишь скосила глаза. Тогда зачем ей аккомпанемент?! Озолин заиграл бессмыслицу плавней, подражая звукам пения Лизы, и в ее вое проявилось удовлетворение. Она учила петь на своем языке, а дудочка – своеобразный переводчик. Собачонка, существо – с высот гордыни человеческой ни в какой микроскоп не

видимое — что-то давала знать: наверное, ее тяготил груз непонимания.

Похоже, Лиза выводила последние ноты, когда в дверь позвонили. За порогом — депутация от детской дворовой общественности (Лиза взвизгнула от радости) — двое мальчиков и девочка:

— Здласите, — сказала она.

— Здласите, — ответил Озолин.

— Вот она, вот она! — закричали дети, показывая на Лизу, стоявшую между ног хозяина и всем видом выражавшую гостеприимство.

— Васа собатька насу дудочку заблала. Мы тозе хотим петь и иглать.

— Понятно, — кивнул Озолин, хотел, было извиниться и вернуть инструмент, но счел долгом загладить вину. — Проходите. Чай с конфетами пить.

— И с Лизой!

— Какой чай без Лизы!

Дети шмыгнули в кухню, за ними Лиза. Хозяин обслуживал шумное застолье, которое продолжалось недолго — компания рвалась во двор, в свободный придуманный в играх — мир. Лиза была явно ближе к детям, увязалась за ними. Вскоре из форточки слышались звуки дудочки, собачье пение, смех, визг. А Владиславу мнилось: дух Тамары поселился в доме вместе с ее четвероногой подругой. Женщина, которой так неосторожно сократил жизнь, словно из всех углов смотрела на него, заполняя неуловимым напряжением квартиру. Он представил Тamarу во плоти, как бы хлопотала по дому, о чем вела речь... Кто сказал, что сердце простой насос, если оно ноет и ноет, и ни один врач не ставит диагноз болезни! Владиславу вдруг захотелось завывать от своего бессилия перед случившимся, завывать так, чтобы услышали на небесах. Не может быть такого, что Бога нет. «А что, если б Тамара увидела как я вою от тоски? — с горькой усмешкой, подумал он. — Неужели только собачий вопль принимается небом?!»

А Лиза покорила талантом двор. Вечером того же дня явилась в сопровождении оравы поклонников с пышным бантом на шее и заработком — конфетами, печеньем, кругляшками колбасы. Пришлось с благодарностью принять. Вооруженный до зубов Петя заявил: «Я Лизу охланять буду!»

— Молодец! — сказал Озолин и подумал: «Все-то цивилизация поставила вверх тормашками... — усмехнулся. — Вот тебе и ответ!»

В долизин период существования он пребывал в чувствах как бы огрубленно, они

давно утратили свежесть подобно засушенному цветку. Сейчас, глядя на отдыхающую Лизу, он размышлял: все вокруг вроде тончайших кружев — выдерни ниточку и вместо гармонии будет хаос, безобразный клубок. Вот и Лиза нужна, чтобы померить гордыню — она умеет петь, он нет, ее Бог — луна, он же поклонялся земному — женским ножкам.

Лиза, утомленная концертом, возлежала на коврике, весьма довольная успехом. Владислав хмыкнул и улыбнулся. Собака насторожилась — хозяин впервые показал зубы, но мгновенья понадобилось ей понять: он и не помышляет обижать ее. Лиза запрыгала у ног от счастья, а он вздохнул, беззаветная преданность воспринималась им, как лакейство. Значит, грош цена такой дружбе. Позже пришлось пожалеть о таком мнении. Было так. В форточку залетела отливающая зеленью перекаленного металла, муха, с противным жужжанием носилась туда-сюда. Лиза ноль внимания. Это возмутило и удивило Озолина. Лично он мух не любил гораздо больше, чем тараканов. К тому же, он помогал Лизе в войне с усатыми. Мухи-то напрочь выбивали из колеи, когда садился за пишущую машинку. Тварь вьется перед носом, заигрывает с литерами, принимая за собратьев. Вся сосредоточенность запутывалась в причудливых и хаотичных зигзагах полета, кроме злости — ничего. Она накапливалась и била в черепную коробку. «Пришлепну гадину!» — шипел он, беспорядочно нажимая на клавиши. Удары оставляли абракадабру на бумаге и были слабым оружием. Поиздевавшись вдосталь, муха садилась на машинку чистить лапки и крылышки. И тут гибла под газетой.

Лиза отдыхала, пока незваную гостью не угораздило присесть ей на спину — резко мотнула головой: «Клацк». Увы, залетная снова зажужжала по комнате на недоступной высоте. Час поджидала Лиза, пока обидчица полетит мимо, чтобы навсегда закончить замысловатый путь в желудке. «Гордая, — отметил Озолин, посмеиваясь про себя. — Значит, к этой мадаме с уважением... Зря изливаться в чувствах не станет!»

...Ранняя весна быстро согнала снег, обнажила всю мертвящую силу зимы: мусор, грязь, пыль на асфальте. Но животворящие соки быстро давали о себе знать. Почки набухли, проклюнулись листочки, дружно зазеленела трава. Озолин, откинувшись на спинку скамейки, блаженствовал под солн-

цем и наблюдал за Лизой. Отчаянный гулена, пестрый ободранный кот наслаждался лежа под тополем – голова, хвост и лапы раскинуты по земле. Перед носом кота расхаживала трясогузка, птичка-балеринка, что-то склевывала, вспархивала. Хрупкая, утонченная, грациозная, словно созданная показать прочность живого вовсе не в размерах или мощи, а в красоте, нежности, в способности любоваться и любить. Лиза, набегавшись, напрыгавшись, свернулась каралькой неподалеку от кота. И кот, и собака, и трясогузка явно держали друг друга в поле зрения. Им, заклятым врагам, надо было побыть рядом. Наверное, так действовала весна, добрые начала пробуждавшейся природы. Однако идиллия не поглянулась вороне, пролетавшей мимо. Громко выразив недовольство установившимся по ее мнению непорядком она взгромоздилась на тополь и принялась вертеться и орать на птичку, Лизу и кота. Однако и ухом не повели. Птица совсем взбесилась, сорвалась с ветки тяжелой секирой, приземлилась рядом с котом. «Карр-карр», – заблажила на разные тона, нахохлившись и сделав крылья, как у орла перед взлетом. Увы, для троицы вороны будто и не существовало.

Озолин наблюдал за происходящим и думал: «Вот – все как на ладони. Есть добро, и есть зло. Это среди людей не поймешь, кто за что бьется». А ворона онемела от возмущения, пошире расставила крепкие ноги, оперлась на хвост и оцепенела, точно чучело. Тогда кот стал поигрывать хвостом. Трясогузка уже наблюдала представление с ветки сирени, а Лиза, положив голову на лапы. Ворона принялась прыгать за кончиком хвоста, пытаясь клюнуть, мимо и мимо. Уже клюв и голова в земле – все долбит и долбит, напрочь забыв, что ей положено стремиться ввысь. «Клюнет, не клюнет!» – болел Озолин. Незвестно, сколько бы продолжалась эта опасная игра, да трясогузке все это надоело. Она стала порхать над землей и тонко пикать. Кот мгновенно ожил и припустил за ней, петляя за замысловатым полетом. За ними понеслась и Лиза. Ворона в полном отупении взгромоздилась на сук. Вся компания следом за птичкой скрылась за углом. Только тут заметил Владислав, что сдерживает дыхание, затекли руки и ноги. Вдохнул полной грудью.

– Лиза-а! Лизавета-а-а, кушать пора! – позвал он.

Лиза появилась из-за угла, за ней такая же собачонка на длинном натянутом по-

водке, за ними тянулась молодая женщина. «Ну, Лиза дает! – подумал Озолин, глядя на песика. – Маленький, а кобель».

Женщина присела рядом и отцепила собаку.

– Ваша? – кивнула на Лизу.

– Моя.

– У меня кобелек. Весна. Невесту ищем «Еще не было печали...» – подумал он, но тут же переменял мнение: женщина была хороша собой.

– Да-а, – промычал он. – Надо. Только куда щенков девать?

– А зачем заводили сучку?

– Сама завелась.

– Интересно... У вас же редкая порода. Щеночки-то дорогие.

– Собаководом еще не был, – сказал он, подумав: такое сцепление обстоятельств не иначе, как рок. И с долей мистического страха спросил: – Как вас зовут?

– Тамара.

– Тамара?!

– Да, а что?

– Я согласен.

Она рассмеялась:

– Они нашего согласия спрашивать не будут. Для нас важно, чтобы жених с невестой были по породе достойны друг друга.

– У меня дама с характером, с кем пошло, не дружит.

Тамара вздохнула:

– А мой Тепа... – она сморщилась, будто проглотила что-то противное. – Глаз да глаз нужен. А вас-то как звать?

– Владик.

– Ну, вот, – сказала Тамара. – Решили?

– Они уже без нас... – Кивнул на кусты Владислав.

Болтали о том о сем, а Озолин думал, как же это приятно посидеть, пообщаться.

– Приглашаю, Тамара на чай, – произнес он с трепетом, какого давно не испытывал. И видя ее смущение, добавил. – Просто поговорить. Свадьбу отметить.

– А Тепу?

– Его уже Лиза пригласила.

– Решено, – рассмеялась Тамара.

– А ворона, длинно скрипуче, завопила на них: кар-р-раул!..

– Не нравится, – хмыкнул Озолин, и вопросительно посмотрел на Тамару.

– Ну, не ей это решать, – улыбнулась Тамара, и вся компания подалась к Озолину.

БЕЛОКУРЫЙ АНГЕЛОЧЕК

Анастасии Краснухиной

Мы угощались на кухне пирожками, когда в коридоре хлопнула дверь и детский голос звонко возвестил: «Мир этому дому!»

– Внучка! – сказал дед и подхватился на встречу, я гость – следом.

В сопровождении родителей явился ангелочек во плоти, белокурая девочка, трех-четырех лет. Настя.

– С миром принимаем! – встречая родных, ответил дед.

А Настя пыталась одновременно снимать шапочку и пальтецо. Энергия бурлила в этом создании, и пока я сообразил, что надо помочь, она уже стягивала крохотный сапожок. Принял у нее одежду, обувь. Взрослые были заняты ее младшим братиком Ванечкой и собою, и я как бы про себя, сказал:

– А мне эта девочка очень даже нра-авится. Возьму-ка ее себе.

– Нет!

– А что? – вроде расстроился я.

– Родители!

Настя была в длинном до пят платье, одна ножка в носочке, с другой – снять за-была.

– Ладно, – сказал я. – Тогданими носок, либо надень второй.

И говоря, проследил за взглядом ее васильковых глаз – на нее из моего рваного носка (когда успел?) в упор уставился большой палец. М-да, сейчас последует заслуженная отповедь, мол, прежде чем делать замечание, сначала на себя посмотри.

Однако – промолчала.

Мы удалились на кухню, и ее седобородый дедушка, потеплев лицом и заметно оживившись, продолжал угощать меня пирожками, когда внучка зашла к нам.

– Анастасия, значит, воскресенье, – сказал он и указал на меня, – а это дядя Володя.

Она забиралась на стул, на ее ножках порядок – обе без носочков. Едва сев, Настя глянула на меня:

– А почему ты – не дед?

– Видишь ли, дети у меня есть, а внуков... увы.

На ее личике промелькнула жалость, а я предложил отведать пирожков, но она заявила:

– А внучки любят сок!

Пришлось пожалеть, что нет с собой сока.

– А ты лично, какой любишь?

– Бабин. Русский.

– Смородина с водой, – пояснил дед. (Морс – прим. автора).

Он, как большой «знаток», продолжил было разговор о витаминах, но кружево беседы причудливо, весело и непринужденно сплелось у нас с Настей, и я подумал: «Слава Богу! Анастасия судит обо мне не по носкам!»

За окном белизна и бездонная синева. Дерево в снежном сверкающем наряде. Только нахохлившаяся ворона чернеет на суку, взирая на нашу веселую компанию.

– Варрона! Она кырркает, – сообщила Настя.

– О, как! А-то думал, что это кыррка – варронит.

Голубые глазки вскинулись на меня. Такой вариант, похоже, Настю заинтересовал.

– Ты должен завязать бантики, – потребовала она, подавая две длинные ленты. – Только узелок развязать надо.

Ленточки взял дед, развязал узелок и, иронично улыбаясь, передал мне. Я-то даже галстук не научился завязывать, а тут ответственное поручение. Подставил меня друг. «Хорошо-о-о!» Но деваться некуда. Пошли с Настей в комнату и, стараясь изо всех сил, сделал что-то наподобие бантиков. Одна ленточка свисала почти до пола, другая заканчивалась у пояса. Доверие не оправдал! Но она снова промолчала. Принялась играть в своем уголке с многочисленными куклами, а мне показалось, что ленточки, спадающие с ее головки, смотрятся очень даже миленько. Тут с видом экзаменатора пожаловал дед, внучка что-то щебетала своим игрушкам, и его лицо по-маленьку окрашивалось улыбкой, а у меня легчало на душе. За ним показалась бабушка, глянула на хлопотавшую внучку, рассмеялась, подошла и подвязала ленточки в бантики. Заглянули родители: что за смех?

– Бантики! – в один голос сказали я, дед и бабушка.

«А-а-а», – тоже одновременно, произнесли они.

Все ушли. Экзамен сдал на «удовлетворительно».

Но и в куклы играть не умею. И вообще, замечания делаю, соку для внучек нет, с бантиками ни то ни се... Однако на удивление

дружба наша крепла с каждой минутой. Не заметил, как стал носиться за Настей по квартире. Она смеялась и пищала, а я, растопырив пятерни, издавал что-то наподобие рычания:

– Вот щас поймаю! Схвачу! У-у-у, какой я...

Дед махнул рукой и улыбнулся. Включил мультики. Настя, я и совсем маленький Ванечка остались смотреть. Мы с Настей смирно сидели на диване, и я со страхом наблюдал, как Ваня, держась ручками за книжную полку, подбирается к телевизору. Подумал, человеку надо учиться ходить, пусть преодолеет полтора метра, а у кнопок-то я его подхвачу. Настя, приоткрыв ротик, погрузилась в фильм. Там, девочка, которую злая царица хотела накормить отравленным яблоком, блуждая по лесу, нашла дом и стала в нем жить. Она начала прибираться, когда Ваня почти достиг цели и я, растопырив руки, уже привстал с дивана, но Настя, – охнуть не успел, – опередила, и в объятиях быстренько усадила его на ковер подальше от телевизора.

– Нельзя!

А я подумал, что для Ванечки слово «нельзя» сейчас означает объятие сестры. Он не проронил ни звука, я снова облегченно вздохнул и опустился на диван. Мы опять смотрели кино, а я думал, как бы закрепить и развить маленький успех с бантиками. А то так себе, наелся с дедом бабушкиных пирожков, получил всего-то «удовлетворительно», ничего умного сказать не могу, а только гоняться, рычать да ворон передразнивать умею...

Тут осенило. Я-то без бороды, пребывал в убеждении, что этот атрибут не красит. Лишние заботы, неудобство, колется, да и бантик не завяжешь, а значит, Насте она не должна нравиться. И другу подначить в отместку надо.

– А зачем деду борода? – спросил я, когда, закончив просмотр, в очередной раз за-

бежали на кухню, где он ополаскивал посуду.

Тот насторожился.

Вопрос оказался серьезным. Настя притихла и призадумалась. Ее личико с синими, как бездонное небо глазами, окаймленное ковыльными волосами, поднялось на меня, а из-под платица выглядывали миниатюрные пальчики. Цветочек, белокурый ангелочек.

– Чтобы дергать за нее, – подсказал я, уверенный в ее поддержке и глянул на бородку деда, мол, это тебе за бантики. К моему удовлетворению, вопрос его зацепил, и он в напряженном ожидании опустил взгляд на внучку.

– Нет! – решительно отрезала она. – Для красоты!

Дед расхохотался и милостиво разрешил:

– Ну, дергать тоже иногда можно.

Ворона за окном каркнула, просыпав радугу снежинок, снялась с ветки, а я поскреб затылок:

– М-да-а...

Настя молчала. Только смотрела теперь на икону, с которой благообразный старец благословлял ее.

Пора прощаться.

Ангелочек проводила до порога и сказала:

– Ты мне конфеты принесешь, а я тебе пряник состряпаю.

– Стряпает! Вместе с бабушкой. – Похвалился дед.

«Ну, уж тут-то я смогу отличиться!» – подумал с радостью и сообщил, что пряники очень даже люблю, как и тех, кто их умеет стряпать, и добавил, глядя на Анастасию:

– Мир этому дому!

– Ступай с Богом, – напутствовала она.

... Постоял у подъезда. Погода чудесная. Солнечно. Ворона на соседнем дереве, заглядывает в другое окно, а я погладил подбородок: «Отпущу-ка бороду!»

Благодарь!

2007

Елена Мироненко

Мироненко Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Сценарист цикла видеофильмов «Россия. Удел Богородицы» и цикла телевизионных передач «Беседы Иоанна Златоуста» (информационное агентство «Дорога к Храму», г. Кемерово). Автор книг «Знаки солнца» и «Белый город мечты», имеет публикации в коллективных сборниках.

Но где-то есть иные берега

Бессонница. Стихи.
Созвездия над миром.
Неспешной дымкой – свет
прозрачных детских снов,
Струящийся в ночи...
Как незаметно вырос
Пушистый ворох слов
негаданных стихов!..

Не думать – не гадать, не ждать,
а просто вылить
Сокрытых родников утаенную суть –
Так льется через край
живительная сила,
Собою до краев наполнивши сосуд.

Сударыня-судьба сама ли знает меру,
А может, это ночь подарит облака?
И сужденный поток Любви и светлой
Веры
Прорвется сквозь заслон –
и потечет строка...

Все давно просчитано не нами
И всему отмерены аршины.
Почему же плачут под ногами
Травы в той усадьбе соловьиной?

Оттого ли в повседневной муке,
Не сдержав ветвей, листвою ясьень,
Словно исполин немой сторукий,
Жемчуга отряхивает наземь?

Беззащитны капли, осыпаясь,
Им удел назначен – раствориться.
Под ногами лишь трава сырая –
Из ее ладоней не напиться.

Но послушно вечному закону,
Чуть лучи – взмывает пар воздушный.
И, воскреснув облаком, запомнит:
Все свершится так, как небу нужно.

Неведом Промысел Судьи,
Непостижимы Божьи тропы.
В ветвистой линии судьбы
Есть и Синаи, и потопа.

Есть заповеданный исход
В края Любви обетованной,
И покаянья крестный ход,
И дар змеи для Иоанна.

И недохоженных дорог
В пустыне той, сорокалетней,
Надежд случайный островок
Манит нас, как приют последний.

Чертой запретной Иордан
Не преступить – все в Божьей Власти.
Но для чего, скажи, мне дан
Свой голос и стремленье к счастью?

А Путь, как линии руки,
Так прихотлив, непредсказуем.
Ты помнишь, ветхая Рахиль
Омыла сердце в слезных струях...

Но ей неведомы маршрут
И цель разлуки и скитаний –
Она хранит священность пут
И сладость мудрого незнания.

Затем-то расставанья час
(Да разве мы такое стерпим!)
Предначертал Творящий Глас –
Но скрыл от нас из милосердья.

Так и идем. Распятые за распятым.
И каждый день как с чистого листа.
За откровенье отреченьем платим,
Вдруг осознав: цена невысока.

Смиренный крест – опора восхождению –
Пронзит стрелой Непознанную Высь.
На все вопросы, боли и смятенья
Душе он даст один ответ: «Молись!»

БЕРЕГА

Но где-то есть иные берега –
Им непонятны ветхие желанья,
И нам, как боль утраты, дорога
Неясная тоска воспоминанья.

Когда в разгаре упоенных дней
Внезапно память настигает сердце,
Мы неотступно думаем о ней –
Мерцающей Стране иного детства.

За занавесью солнечных лучей
Вдруг различит проснувшееся зренье
Младенческую чистоту ночей
И губ, еще не знавших искушенья.

Но мудро и сурово рассудив
(Да не сорвется слезное прошение!)
Они нас провожают, оплатив
Надеждой неизбежность возвращения.

Шатер шиповника над кромкой
Неспешных вод, к заре текущих,
И облаков летящих кровлей
На волю парусник отпущен.

Он отплывает. Зову ветра
Разлеты паруса послушны.
Но все же знает: рядом где-то
Шатер пристанища зовущий.

На сердце Гефсиманский сад
Картины складывает в строфы.
Ты Победил Страстной закат
И мрак Взорвал Крестом Голгофы –

Так почему же так болит
Неискупленное Распятые,
И память возвращает дни –
Их покаянье не оплатит.

И каждый год, за веком век
Мы бередем архивы хроник,
И снова из распухших век
Любовь распятая нисходит,

И пламя пурпур рвет завес,
И гонит прочь велеречивых,
В наследье нам оставив Крест
И даль небес мироточивых.

КАЛАХАМСА

*Калахамса (санскр.) –
Лебедь Вечности, титул Брахмы*

Всколыхнулись гулкие пространства,
Вздрогнула молчавшая струна.
Плавно развернула Калахамса
Радостью звенящие крыла.

Это ветер льется Ниоткуда,
Брызги света с крыльев отряхнув,
Белый Лебедь Вечности минуты
Отправляет в новый Млечный Путь.

Угадав в чарующем размахе
Возрожденных космосов полет,
На своей груди читает знаки
Вечность – Ночь и звездами поёт.

Два крыла... Вселенной перекрестье.
Два Начала – и один Исток.
Торжествует в лебединой песне
Вечность – День: слиянье и итог.

Купол розового неба
Покрывает храм,
И струится в сердце лето
В такт колоколам.
Лики в линиях воздушных –
Белый цвет.
Льются облаками души
В сон церквей.
То ли сон ли, пробужденье?!
Где тут явь?! –
Лепестки своих прозрений
Вглубь направь,
И почувствуешь свечение –
Даль миров,
Светлой чашею спасенья –
Отчий кров.
Белой маковкой украшен
Храм души,
Где вкусить сумеет каждый
Тишины
И цветов многоголосье
Слить в груди
В многоцветное безмолвье –
Белый гимн.
Преклони колени сердца,
На алтарь
Белой радугой пролейся,
Светлый дар,
Эхом песенных созвучий
Претворя
Сон небес – не знаю лучше
Яви я!

Ты видел радугу в глазах?!
Ты слышал пенье паутинки?!
Ты *здравствуй* солнышку сказав,
На небе рисовал картинки?!

А если ты в июльский дождь,
По лужам шлепая зеркальным,
Вдруг разглядел не старый дом,
А замок в небесах хрустальный –

Тогда с тобой нам по пути,
И путь короче станет вдвое,
Затем, чтоб радугу найти –
Ее таит в ромашках поле!

СОН

А мне сейчас приснилась скрипка –
Не контрабас и не гитара.
Она в ночи мерцала зыбко,
И я на ней едва играла.

Как струны непривычно тонки
И грифа контур необычен!
В руках неопытной девчонки
Чуть слышен звук, но переливчат.
Смычок отвергнутый не нужен,
Лишь ветер нить перебирает...
А знаете, бывают души –
В них небеса лучом играют!

НА СВЯТОМ КЛЮЧЕ

Май разбрызгал по веткам черемух
Аромат полноценной весны,
Он доносится зовом знакомым
Через даль, через день, через сны.

Переборами ветер играет,
И колышется веток шитьё.
В мерном плеске листвы угадаю
Тихий Свет – приближенье Твоё.

Так наполнен сиреневый воздух
Дуновеньем струящихся дней,
И земля, забывая свой возраст,
По-девически рада весне.

Подари мне поэму, закат!
Пусть в ней будет неброская свежесть.
Льются волны твои наугад,
В облаках на прощание нежась.

Так прозрачно притих горизонт,
Протянувшись немим ожиданием,
И торопит спасительный сон
Прикоснуться серебряной дланью.

Отойдет в невозвратную тишь
Шумный день, по закату скользящий...
Ты в ответ, как всегда, промолчишь –
Но в молчании слово обрящем.

СОЛЬВЕЙГ

Сонное солнце клонилось в закат.
Верная Сольвейг смотрела вослед:
«Милый, единственный! В чем виноват
Нежный, тобою потерянный Свет?!

Есть ли за тем рубежом темноты
Новое солнце и радостный день,
Если на запад склоняешься ты –
В чем оправдание этих потерь?!

Я подожду тебя... Долго ли ждать –
Знает о том неизбежный рассвет.
Только сумеешь ли ты разобрать
Светочем сердца оставленный след?»

Сольвейг все так же стоит у черты,
Взором бессонным взывает восход –
И на востоке, свой круг очертив,
Милый, как новое солнце, взойдет.

Георгий Баранов

Баранов Георгий Самуилович родился в 1954 году. Окончил исторический факультет Томского государственного университета. Доктор философских наук, профессор. В девяностые годы заведовал кафедрой истории нашего вуза. Автор публикаций в различных литературных изданиях. Живет в Иркутске.

В мире есть невыразимое

В мире есть невыразимое,
Миром правит несказанное,
И в душе живет глубинное
Это знание спонтанное.

Знание чуда космогонии,
Ощущенье понимания
Той мистической гармонии,
Что таится в мироздании.

В мире есть непреходящее,
В мире есть благословенное,
В них тоска моя пропащая
И любовь моя нетленная.

Всю ночь шел снег —
парной, пушистый, белый,
Снежинки с неба сыпались чуть вкось.
Который день у сына мать болела,
И падал снег, и сыну не спалось.

Снег шел и шел, всю землю укрывая
Торжественной невинной чистотой.
И грезил сын: как мама молодая,
Любила снег, смеясь, ловить рукой.

Что было в этом сказочном паденье?
В нем, может, был какой-то
высший знак?
Какая-то надежда на спасенье?
Шел тихо снег, и не спалось никак.

Шел снег. Сын встал
с сереющим рассветом,
Его ждал день, обычные дела.
Кружилась в космосе уютная планета,
И жизнь текла... А мама умерла.

Сажу я на завалинке,
Гляжу я на проталинку,
И наслаждаюсь солнышком,
И радуюсь: «Весна!»
Сосульки звонко капают,
И шумно машет лапами
Под ветерком весенняя
Зеленая сосна.

Сижу я на завалинке,
Сменив на чуни валенки,
Гляжу я в небо синее
И мыслю: «Ляпота!»
Мир тихо улыбается,
И взору открывается
Извечная, безбрежная
Земная красота.

Сижу я на завалинке
И, как ребенок маленький,
Испытываю благостно
Всю прелесть бытия.
Заносы тают снежные,
В душе рождая нежное,
И тает, истончается
Зимы печаль моя.

Сижу я на завалинке
Мне хорошо и славненько,
И в то же время грустно мне,
Что в горький прошлый год
Судьба меня ударила –
Любовь меня оставила,
И лишь спасает правило
«Все время перетрет».

Сижу я на завалинке
С занозой грусть– печалинкой
И жажду лишь покоя я,
Но вешний воздух вновь
Мне сердце сладко мучает
Надеждою на лучшее,
И на вершины новые,
И новую любовь.

ТОСКА

Чуть в прошлом приоткроешь дверцу,
Как хлынет времени река,
И начинает грызть мне сердце
Гнездо в нем свившая тоска.

Она такая не больная,
Она светлее, чем печаль,
В ней есть и удаль молодая,
И зрелых горизонтов даль.

Она на вес неошутима,
Но сердце сдавит, как тиски –
И тут уже не стать незримым
Для той непрошеной тоски.

Приходят лица дорогие,
Построятся в единый ряд
И смотрят, смотрят как живые,
Со мной глазами говорят.

А ближе к утру блекнут лица,
Не различить издалека,

И только длится, длится, длится
Моя вселенская тоска.

Её лелея, я хмелею,
И сам себе твержу: «Держись!»
И прозреваю, и мудрею,
Она и есть – любовь и жизнь.

Неверный год,
Неверный век,
Пустой неверный человек,
Неверная во взгляде грусть,
Неверная жена – и пусть!
Часов неверных ложный ход,
Неверный век,
Неверный год.

Никчемных лиц водоворот,
Никчемный творчества полет,
Никчемный о пощаде крик,
Никчемный счастья краткий миг.
В итоге – снег седых волос,
Ночное тленье папирос,
И на исходе жизни страсть,
Чтоб только вовсе не пропасть.

Когда за полночь давно, а ты не спишь,
Ночь темна, бездонно мирозданье,
То Вселенной легкое дыханье
В упованье чудном ощутишь.

Ты лежишь, а сна все нет и нет.
Комната молчит, лишь огонечек
Телевизора во тьме кромешной ночи
Источает красноватый свет.

Эта точка красная во тьме-
Знак какой-то тайный мирозданья,
Место обоюдного слиянья,
Там, где я во всем, и все во мне.

Символ благодатной полноты
Той любви, что все же побеждает.
Я лежу, с Вселенною на «ты»,
И в ночи душа благоухает.

На душе покойная истома,
Солнышком просвечена листва,
И ласкает кожу невесомо
Августа прозрачная жара.

Я иду по тенистой аллее
Сквозь ангарских сосен хоровод,

И рябины гроздьями алеют,
И синеет ясный небосвод.

Позади печали расставанья,
Позади пожараща измен,
Позади дороги, расстоянья,
Страстное желанье перемен.

В прошлом все, и подступает осень,
Робкий желтый лист уже летит,
Ни о чем душа моя не просит,
Ни о ком впервые не грустит.

На душе покойная истома,
Время замирает на века...
Я один, я в августе, я дома,
И плывут по небу облака.

Несказанен и непостоянен
Солнца луч, на миг застыв в мольбе,
Вновь дрожит, напуган или ранен,
И стремится спрятаться в тебе.

Так и я: молюсь и обмираю,
И дрожу,
или злюсь,
Охраняю, обнимаю, отторгаю-
И тянусь к тебе,
тянусь к тебе,
тянусь...

Сам себя порой не понимая,
То ликую, то испытываю грусть:
Не ревную, но всегда скучаю,
Не страдаю, но всегда боюсь.

То веселье без конца и края,
То хандра в раздумьях о судьбе,
Но живет и тайно нарастает
Это притяжение к тебе.

Дни бегут, нам годы прибавляя,
В буднях, хлопотах, заботах и труде.
С первым юбилеем, дорогая!
С новым притяжением к тебе.

Это много, парень, или мало,
Что сбылось сегодня, что настало,
И что чувствуешь ты у себя внутри
В полста три?

Ничего не чувствуешь. Химеры.
Без надежд, иллюзий и без веры,
Ты глаза усталые протри –
Посмотри.

Посмотри сквозь век своих забрало,
Было что, и что с тобою стало,
Что ночами плачет до зари,
Там – внутри.

Утоли молчанием печали,
На которые тебя венчали,
И в ночах бессонных раствори.
В полста три.

В полста три – в день твоего рожденья
Ты отбрось тревоги и сомненья,
И на жизнь себя заговори-
В полста три.

Полста три – не так уж это много,
И зовет, зовет еще дорога,
И все лучшее, возможно, впереди-
Так иди.

Александра Гущина

Гущина Александра Алексеевна родилась в 1990 году. Студентка четвертого курса Кемеровского государственного университета культуры и искусств (кафедра фотовидеотворчества). Участница и призер поэтических конкурсов КемГУКИ.

Я живу на другом конце радуги

Иду на рассвете
в белом платке.
Несу с собою
хлеб с водой
и песни света
в моем узелке.

Я жизни рада,
мне много не надо.
Синего неба
свободный глоток,
солнечных трав
зеленый клубок,
бубенчик-луч,
оброненный звездой,
всегда со мной.

Детство

Самые грозные враги –
зеленка и крапива.
Самый радостный день –
когда приходит папа.
Арбуз можно есть
только на море.
Вся жизнь – солнце.
Вся жизнь – лето.
Если пришли гости,
у мамы день рождения,
и кругло шуршит пластинка,
хрипит навсегда Высоцкий.
Если меня нет дома,
значит, я убежала
в шиповника королевство,
в небесно высокие травы.
Я мечтаю летать,
и чтобы все были счастливы.
Для этого есть одуванчик,
свечки в торте и звезды сирени.
Мама всегда рядом.
Мама – солнечный зайчик.
Если я ложусь спать,
мне поют колыбельную.
Если про тонкую рябину,
то я в одеяле плачу.
Если день бесконечный,
значит, мне пять лет.

Тополиные сандалии,
Тополиная рубашка,
Одуванчиковый ветер.

Мы за летом убежали,
Мы для неба родились,
Снова дети.

Костерок на берегу,
Костерок наших рук
На рассвете.

И трава у дверей,
И окно всех дорог
Светом встретят.

В шапке птичьего свиста стоят березы.
Крыши домов с улыбкой роняют слезы.
Солнце гуляло по улицам и промокло,
Теперь оно просится в гости – стучится
в окна.

Осталась только тишина.
Сердцебиение часов.
Тепло. Темно. Дыхание снов.
И смотрит сквозь окно зима.
Шаги снежинок.

Я родилась,
чтобы слушать капель,
с травой прорасти
и растаять со снегом,
у неба прощенья
спросить на прощанье
и вместе с ручьями
бежать.
На мне оперенье
чуть-чуть скomorошье,
но все же из листьев.
Живу понарошку,
но все же по правде.
Пою не напрасно.
Лечу не случайно.
Качаюсь.
Начало –
прекрасная тайна.
Я сбросила
лед скорлупы,
лед отчаянья.
Я просто
цыпленок
весны.

Сиреневые облака повисли над землей,
Гулять в вечерней тишине
пойдем скорей со мной.
Смотри, как ночь крадется к нам
предзвездной синевой.

Вдыхай черемуху и тень,
и шелесту внимай
Бессонных трав. В цветах, в сердцах,
живет-струится май.
Глаза и душу распахни
и вечность обнимай.

Я уже даже не знаю, где трава,
где подошвы.
Мои пальцы, ладони,
неразделимы с ветром.
Отражение в росинке будущего
или прошлого?
С добрым утром, лес!
Это просто глаза плачут светом.

Если я обернусь, не знаю,
что там увижу:
Небо, землю, дорогу, объятья зелени.
Справа, слева, рядом – мои ближние:
Брат, сестра, тополь, дожди весенние.

Во мне даже кровь
живого зеленого цвета –
Трава, молоко одуванчика,
сок берёзовый.
Я родилась недавно – когда-то летом,
Чтобы пораньше утром
пойти за звездами.

Полк листьев,
орда листьев –
тысячелистник

Облака облакают гром
в наволочку,
вытягивают молнию
в проволоку

Дует Ванька
на одуванчик –
ветер и мальчик

Летом
легко
летать

В листьях
лисичного дерева
прячутся
белые белки

Дружба
застольного стула
и надстольного стола

Тебе хочется меда?
Иди
и дыши солнцем!

Ливень, мокрень, каплень,
тучень, сырень, лужень –
одним словом – осень

На крышах
Прорастает
ледяная трава

Весна нам подарит небо
И два крыла.
Отчаянно бьется под снегом
Сердце-трава.

Аэтопорт-варежка
Встречает
снежинку-самолет

Тихо падают
будущие
сугробы

Я иду, куда глаза плачут

Небо достаточно синее,
чтобы солнце
казалось желтым

Боярышник думал,
что он похож
на розу и огонек –
такой же колючий
и рыжий.
А он был похож
на ежика и белку –
такой же колючий
и рыжий.

На всякий наводненческий
не буду брать зонтик.
Лучше надену
резиновые сапоги,
чтобы лужам
не было одиноко.

В моем окне
вместо стекла
хрупкое небо
и зеленокрылая береза.
Не разбивайтесь!

Вместо сердца – солнце
Вместо глаз – трава
Вместо души – ветер
Вместо дома – небо

Деревья ловят птиц
и снежинки.
Лебединая зима

Стоял дом
и не знал,
что у него
крылатая крыша

Тишина –
колыбельная
для ветра

Летний конь

В стране нестареющих трав,
В стрекочущей песне дорог,
Под стук деревянных мечей
Родился зеленый конь.

Он подорожника щит.
Он вечный колодец надежд.
Он верный хранитель детей.
Он мчится сквозь стрелы тревог.

Скачущий лучик тепла.
Солнце горьких цветов.
У детства в руках облака
И звон от зеленых подков.

И убегая на год,
Конь тучи доводит до слез.
В желтеющей гриве берез
Он прячет сны летних звезд.

Я живу
на другом конце радуги.
Я хожу
в мягкотравой рубашке.
Я смотрю
из окошка радости.
Стерегу
солнцежелтых барашков.

Ты грустишь?
Похищены песни?
А печаль
разбила ответы?
Приходи!
Мы сразимся вместе.
Победим
и попьем чай со светом.

Виктор Туев

Туев Виктор Владимирович, доктор педагогических наук, профессор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности с 1973 года, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Один из авторов идеи этого альманаха. В 2008 году ушел из жизни. Преклоняемся перед светлой памятью прекрасного человека, педагога, поэта. Публикуем его стихи и воспоминания коллеги о нём.

ОСОБЕННОСТИ МОЕЙ ЛЮБВИ

Романтика Грина

Кто в молодости Грина не читал,
Под алыми не плавал парусами?
И о своей Ассولي не мечтал,
О Фрэзи Грант, бегущей над волнами?
И мне его романтика близка.
Я как читатель ею был пропитан.
Она не только в грезах моряка
Вести корабль, всем штормам открытый.
Грэй, алые поставив паруса,
Своим открытием делился с моряками:
«В том истина, что делать чудеса
Уметь должны своими мы руками».
И пояснил открытие он так,
Найдя пример для этого ближайший:
«Коль человеку нужен лишь пятак,
Легко ему дать тот пятак дражайший.
Когда ж душа его в себе таит
Зерно растенья пламенного – чуда,
То сделай чудо для него. Твори.
У вас обоих душа новой будет».
Не знаю, получается ли, нет.
Но людям я полезным быть пытаюсь.
И разделяя гриновский завет,
Я в жизни с этим принципом сверяюсь.
Творить не каждый может чудеса.
Труд мысли, сердца, тела здесь огромен.
Как Грэю, не поднять мне паруса.
Но на добро и отклик я подьёмен.

Другу

Я рад как ребенок, успехам его.
А он? Да, не надо мне ничего.
Достаточно мне, чтоб хотя бы звонил
И горе, и радость со мною делил
Он разное имя может иметь
Учить меня жить он может посмечь.
Геннадий, Егор, Анатолий... Я рад,
Что был Николай и был Эдуард.
Валерий, Георгий, Альберт, Алексей...
Немного же их, настоящих друзей.
С годами сужается дружеский круг
Таким раритетом становится друг.
Достаточно мне, чтобы он позвонил,
«Ну, как ты, старик?» –
всего лишь спросил.

Моя родная Томь-Уса

Я давно уже тут не работаю,
В этом городе я не живу
Позагружен другими заботами,
Я на помощь тебя не зову.
Но была ведь пора молодая,
Без тебя не прожил бы и дня.
Томь-Уса, моя стройка родная,
Ну, а ты как живешь без меня.
Молодым инженером-электриком
Каждым утром на стройку спешил.
Не был ни бесшабашным, ни ветреным,
Как монтажники, ветер любил.
И по трапам железным взлетая
На вершины твоих корпусов,
Томь-Уса, моя стройка родная,
Как счастливый, не знал я часов.
Жизни миг, ты был упоителен.
Мне казалось, что я полюбил:
Садоводу-озеленителю,
Ей, черемуху в мае дарил.
Сам за будущий свет отвечая
И в поселке, и в будущей ГРЭС,
Томь-Уса, моя стройка родная,
Я еще был зеленый балбес.
Я давно сменил эту профессию
Свет как будто другой я несу,
Педагогом я стал и профессором,
Но я помню свою Томь-Усу.
И теперь, иногда проезжая
Мимо труб, что дымят и дымят,
Томь-Уса моя, стройка родная,
Как влюбленный, дарю тебе взгляд.

Жена

Это ЖЕ НАдо:
Адаму награда
И каждому мужу дана
От Бога в награду ЖЕНА
И все ЖЕ НАша
Подруга всех краше.
Нам кажется отраЖЕНА
В ней женской души глубина
А так ЖЕ НАм ясно:
Она так прекрасна
Нежна так и слоЖЕНА
Что нам только и суждена.
И что ЖЕ НАйден
Как будто не на день
Тот смысл, который сполна
Дает нам в жизни она?
Да! Когда обнаЖЕНА,
Со вкусом наряЖЕНА,
В гармонии сопряЖЕНА
С мужем своим ЖЕНА.

Наше поколение

Наше поколение
Сталина и Ленина.
Парадигмой гения
Все увлечены.
Нам идеи нравятся
Дружбы, братства, равенства.
В бой за них отправятся
Родины сыны.
Мальчики и девочки,
Юноши и девушки
Не ценили денежки,
Был марксизм в цене.
И конечно, где уж там
Будничным, простым мечтам
Романтизм присущ всем нам –
Так внушали мне.
Пионеры бодрые,
Комсомольцы гордые.
Награждали орденом
Авангард земли.
Пели, пили, строили
И рядами стройными
Ленина достойные
В партию текли.
Бодрыми и бойкими,
Верными и стойкими
Были и на стройке мы.
И на целине.
Были мы поэтами
Нашими воспетыми
И страной согретою
Млели при луне.
Вслед за коммунистами
Шли мы оптимистами,
Разрушая истово
Льды и облака.
Все казалось просто нам
Перспективы роста нам
Планами и Гостами
Задавал ЦК.
Сами тоже пели мы,
Барды с менестрелями
Вешними апрелями
Оттепель несли.
Постепенно зрели мы,
Кто оброс портфелями,
Мы ж с другими целями,
Новыми пошли.
Наше поколение.
В стройках по колено мы.
Но девиз нетленен наш –
Сердцем не стареть.
Из путины массовой
Из пучины классовой
Вышли мы. И ясно нам:
В них не будем впредь.

Две музы

Две музы, две стихии,
Две страсти, два огня,
Как сестры молодые,
Влекут к себе меня.
Одна велеречива,
Спокойна и строина.
Другая так игрива,
Так ветрена, буйна.
Одна слов знает негу,
Другой подвластен звук.
Слетают песни в небо
Как соколы с их рук.
Но нет меж ними битвы,
Ночь – продолжение дня.
Как волны, рифмы, ритмы
Спадают на меня.
То гладь морской лагуны,
То горная река,
То трепетные струны,
То прочный ствол древка.
Меня как сети вяжут
Они наперебой
«Пиши!» – одна прикажет,
Велит другая: «Пой!»
А мне не надо смелость
Себя преодолеть.
Мне вечно бы хотелось
И говорить, и петь!
И я навстречу вышел
Святому мне дню.
Я рад ярчайшей вспышке
И стойкому огню.
И слушать бесконечно
Мелодий долгий лад
И видеть в Пути Млечном
Звучащий звездопад.
И нет покоя снова
И свет бьет по глазам.
И музыка, и слово
Рвут сердце пополам.

Пристрастия

Напрасно людей не обижу,
Напраслины злой не стерплю.
Я знаю, кого ненавижу,
И знаю, кого я люблю.
Найти в жизни смысл философский
Пристрастия мне помогли:
Любимый поэт – Маяковский,
Любимый писатель – Грин.
Пристрастиями движим до смерти,
Мне с ними не нужен уют.
Чайковский, Бетховен и Верди
Мне гимны при жизни поют.
И к людям, душою богатым,
Всегда у меня интерес:
Друг юности Эдька Филатов
И первый союз – СДС.
Мечтал, ждал любви, словно чуда,
Она же реальна как боль.
Любимая женщина – Люда,
Дождавшаяся Ассоль.
В поэзии, в музыке, в спорте
И в сонмище нашем людском
Сонеты, аккорды, рекорды –
– Все звучное в сердце моем.
Высокого духа культура,
Входи – сердца вместит объем
Рождественский и Винокуров,
Я счастлив, что с вами знаком.
Моя прекрасная леди,
С Ламанчи – мой человек.
И в музыке чудной передан
Мне душ ваших трепетных бег.
Людмила Касаткина, знаете,
Как Вы укротили меня.
Наташа Успенская – знаменье
Любовью восшедшего дня.
Мое сердце точно не камень
На зов я иду и зову.
И разумом, и страстями,
Пристрастиями живу.
Напрасно людей не обижу,
Напраслины злой не стерплю.
Все реже я ненавижу.
Все больше люблю и люблю.

Люблю

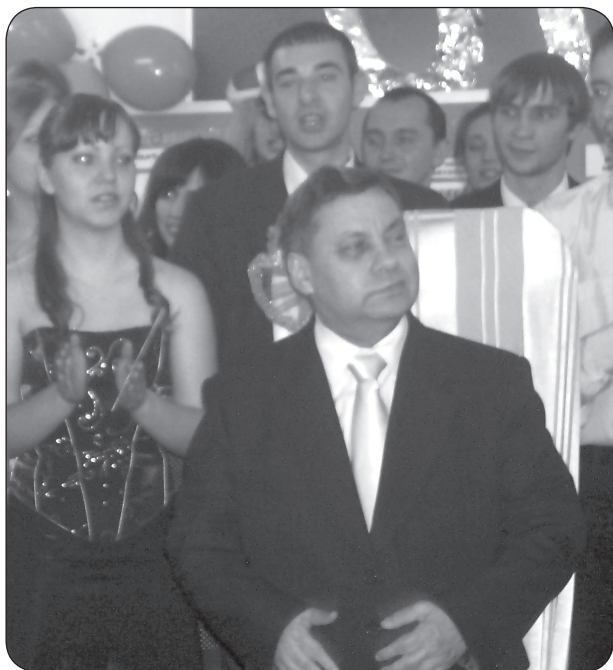
Люблю,
Когда мечтаю.
Люблю,
Когда творю,
Люблю,
Когда вздыхаю,
Люблю,
Когда горю.

Люблю
Безумной ночью.
Люблю
Палящим днем.
Люблю
В истоме очи.
Люблю
Бровей излом.

Люблю
Когда я молод.
Люблю
Пока не стар.
Люблю,
И настезь ворот
Люблю,
И в сердце жар.

Люблю.
И не устану.
Люблю,
Не замолчу.
Пою любви
осанну.
Люблю.
Любить хочу!

22.12.1996 г.

И пусть говорят

Пусть говорят, что я ученый муж,
Наука, мол, удел мой и предел.
А я смеюсь. Наука? Почему ж?
Быть комментатором

спортивным я хотел.
Я Фан, болельщик. Перед спортом ниц.
Футбол и теннис. Шахматы. О, спорт!
Мильон турниров, тысячи таблиц
Я провожу и заполняю до сих пор.
Пусть говорят: «Он лектор, педагог,
Преподавать – стихия, мол, его!»
Стихия – музыка. Она мой Бог.
Она одна венец блаженства моего.
И в этом море, что ласкает слух
В ансамбле мне понятных голосов
Я никогда не буду сердцем глух,
Я камертоном чутким быть готов.
Пусть говорят: «Какой он однолюб,
Как верен, увлекаая всех, одной».
А я прильнул бы к миллионам губ
И ублажал бы женщин

страстью неземной.
Фантазии, воображенью нет конца.
Покою телу жаждущему нет.
Но я в личину очень робкого юнца
Моралью времени, среды своей одет.
Я в сонме муз, в объятиях стихий.
Пусть говорят, ведь я не протестую:
Я не поэт. Я не пишу стихи.
Я ритмы сердца слышу и рифмую.

Ода клубу

Я прошу за нескромность прощения:
Я пришел в этот свет от общения,
От общения двух, от сращения
Двух сердец, как от акта творения.
И с тех пор мне общение любо.
Из всех форм век любил бы одну бы
Не овала, не круга, не куба
– Совершеннейшую форму Клуба!
Где все люди в общении равны,
В рамках клубных уставов вольны,
Где посты и чины не важны
И вожди, паханы не нужны.
Не случайно, душою оттаяв,
Шли в клуб Пушкин и Чаадаев.
И Некрасов писал о нем:
«Клуб снабжал всю Россию умом».
И Шекспир в клубе с Джонсоном спорил,
Робеспьер свои речи так строил,
Чтобы клубные аудитории
Якобинство зажгло для истории.
Сколько клубов и я в жизни видел,
Был участник я в них и лидер.
И, на диспутах клубных сидя,
Был всегда в полемическом виде.
Что ж, когда-то, порой беспросветной,
Вспоминая свой путь многолетний,
Я хотел бы сидеть, незаметный,
Как Крылов, в кресле,
в клубной «газетной»!

Голос

*Анне Павловне Литвиненко
посвящается*

Жизнь – дня и ночи полосы,
Для двух цветов клавир.
И только в звуках голоса
Разнообразен мир.
И только голос может
Мной завладеть в момент.
Из всех творений Божьих
Он лучший инструмент.
Он в зове, в плаче, в крике
Он инструмент любой:
Виолончель и скрипка,
И флейта, и гобой.
И звонкий звук свирели,
И трели соловья,
И песнь у колыбели,
Что с детства слышал я.
И голос всей Вселенной,
Как эхо между скал,
Властительной сиреной
Мне душу наполнял.
И я рождался заново,
Когда являлись мне
Обухова, Нежданова,
Любаша и Лакме.
И чтобы чувство выразить,
Что выше всяких мер,
Писали вокализы ведь
Рахманинов, Глиэр
И мне пластинки старые
Ценней машин и дач.
Где дивной Джильды ария
И Маргариты плач.
Где песни и романсы,
Где голосов не счесть,
Где Милаканти стансы
И Риголетто месть.
Ценю я в жизни соло!
Ценю я также свой
Не внутренний мой голос,
А звонкий и живой.
Пророков сильных много.
Но глас певца сильней.
Как воплощение Бога,
Звучи, звучи Орфей!
О, пенье, ты Нирвана!
Ты – сад Эдемский мой.
О, Литвиненко Анна
Божественная, пой!!

10-11.12.1999 г. г. Кемерово

Как объясниться музыке в любви?
Ее поклонников на нашем свете много.
Из всех властей, владеющих людьми,
Она одна, наверное, от Бога.
Как мне свою ей выразить любовь?
Она венчик признаний носит многолетний.
Как у красивой женщины любой,
Ее поклонник я не первый, не последний.
Как говорить о музыке в словах?
Как молнию запечатлеть

с раскатом грома.

Поэзии прекрасный альманах –
Мелодии застывшая истома.
Как ей про чувство рассказать мое,
Что ей внимая,

грудь так беспокойно дышит.

Я слышу музыку. Я чувствую ее.
Как жаль, что вот она меня не слышит.
Она мой сон, живущий наяву,
Она родник, что я ищу повсюду.
Без сердца, может, я и проживу,
Без музыки живым навряд ли буду.
Как объясниться музыке в любви?

Особенности моей любви

Моя любовь – девятый вал.
Навал на гладь залива.
Но никогда я не искал
Ответного порыва.
Я взглядов томных не ловлю,
Не жду признаний, млея.
Достаточно, что я люблю:
Моя любовь сильнее.
Я счастлив небо увидеть
В твоих глазах бездонных.
Я счастлив сам тебе сказать,
Как страсть моя огромна.
А ты, как и жила, живи.
«А я?» – не вопрошая.
Достаточно моей любви:
Моя любовь – большая.

22.12.2000 г.

Песни Дунаевского

«Народ спешит и весело хохочет.
 Всем солнце улыбается в стране
 Счастливым быть сегодня каждый хочет»
 – Такие тексты его песен мне
 Запоминались и входили в душу
 И я любил, как все, их петь и слушать,
 Хотя на этот радостный мотив
 Звучало: «Нелегко найти
 В большой стране счастливые пути».
 Страна большая. Выйдите на Невский,
 На Красной побывайте майским днем:
 Везде звучит, как праздник, Дунаевский,
 Всех заряжая песенным огнем.
 И до сих пор огонь тех песен, маршей
 Для всех моих ровесников постарше
 В сердцах любовью к Родине горит
 И с ними наше утро в мае краше
 И их заряд нам душу веселит.
 И ежели любовь к Отчизне свята,
 Не сломится, не сдастся та страна,
 Где все вокруг – «Веселые ребята»
 И людям «Светлый путь» торит «Весна»
 Любимый «Цирк», родная «Волга-Волга»
 Я с песнями из фильмов буду долго
 И хорошо на этом свете жить,
 И никогда не должен быть оболган
 Тот, кто умел так искренне любить.
 Сегодня модно ярлыком «советский»
 Вмиг обесценить то, что манит глаз
 Уверен, композитор Дунаевский
 Российский, наш. Он с нами и сейчас.
 Ведь, как в его песне поется
 «Ну, где еще в мире найдется
 Такой небывалый народ»,
 С которым так солнце смеется
 За то, что он песни поет.

Как женщин, феминисток не люблю
 Они мужчине, мне неинтересны.
 Свободу женскую, конечно, я стерплю
 Но с ними быть,
 что спать с женщиной вместе.
 Я не приемлю женскую борьбу,
 И женский бокс,
 и женский кетч потешный.
 Сегодня нет запретов и табу,
 Но мне претит любой запрет на нежность.
 Изящный дворник раннею весной
 Чтоб лед дробить,
 тяжелый лом вздымает,
 А он на лавке грязный и хмельной
 Не в силах встать за этим наблюдает.
 Или когда она с парнями вниз,
 Чтоб пиво пить, идет и сквернословит
 Вы что такой хотите феминизм
 Эмансипе такой вот вас устроит?
 Зовите ретроградом и ханжой,
 Но лишь источник чистый – мне награда.
 Не за стеной Она, а за межой,
 Которую переступить не надо.
 В мужчине – феминистский идеал?
 Его подобием хотите стать и тенью?
 Мужчина умный же считает и считал,
 Что Женщина намного совершенней.
 Позицию я разделяю ту,
 Что Ева нынче, да, партнер Адама.
 Но равенство в обмен на красоту
 Не слишком ли большая жертва, дамы?

Как женщин, феминисток не люблю.
 Моя ориентация привычна.
 Арбатову с бравадою терплю
 И то лишь потому, что симпатична.

Крик души

Когда начинаю я утренний путь
 И в добрый лик неба с надеждой смотрю,
 Никто и не видит
 (где в спешке взглянуть?),
 Какую улыбку я солнцу дарю.
 Когда Божий промысел на день мне дан,
 И я приступаю к нему в тишине,
 Никто и не знает, какой океан
 И мыслей, и чувств закипает во мне.
 Когда раны дня вздохом я залечу
 И в море людей глаза устремлю,
 Никто и не слышит, как я им кричу:
 «Эй, милые, знайте, я вас люблю!»
 Когда я работой насыщусь сполна,
 Хоть жизненный голод мой неутолим,
 Как прожил я день, спросят дочь и жена,
 И я понимаю, что нужен лишь им.

С 2003 года в рамках государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 053100 «Социально-культурная деятельность» осуществляется подготовка специалистов по специализациям «Педагогика детско-юношеского досуга» и «Постановка и продюсирование художественно-публицистических программ», с 2007 года началась подготовка специалистов по специализации «Социально-культурная анимация». За годы руководства кафедрой В.В.Тугевым было подготовлено

более двух тысяч специалистов социально-культурной деятельности, которые успешно трудятся в учреждениях культуры, искусства, образования Кузбасса и Западно-Сибирского региона.

В.В.Туев являлся одним из лидеров отечественной научной школы по истории и теории социально-культурной деятельности, автором более 200 научных, учебно-методических и публицистических работ по актуальным проблемам культуры, методологии социально-культурной деятельности, истории и теории клуба, культурного строительства в Кузбассе, автором 2 уникальных монографий «Феномен английского клуба» и «История клубов Кузбасса» и 3 учебных пособий, рекомендованных для вузов культуры и искусства Российской Федерации: «Технология организации инициативного клуба», «Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах» и «Клуб в истории культуры». В 1998 году в Московском государственном университете культуры и искусств им защищена докторская диссертация по теме «Феномен клуба: историко-педагогический анализ».

В 2000 году на базе кафедры социально-культурной деятельности была открыта аспирантура по специальности 13.00.05. «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности», руководителем научного направления которой был доктор педагогических наук, профессор В.В.Туев. Под руководством В.В. Туева выполняли свои диссертационные исследования 12 аспирантов и соискателей, 3 из которых успешно защитили кандидатские диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук.

Значительный вклад внес профессор В.В. Туев в подготовку специалистов социально-культурной деятельности, в течение многих лет работы в вузе он вел основные общепрофессиональные курсы «Социально-культурная деятельность», «Социально-культурная деятельность за рубежом», спецкурс «Клуб в истории культуры». Учебные занятия проводил на высоком научном уровне, восхищая студентов широтой кругозора, эрудированностью, начитанностью, глубоким знанием исследуемой проблемы.

В.В. Туева отличал новаторский подход к учебной работе, постоянное стремление к использованию новых педагогических технологий, таких как теаметы, блиц-клубы, терминологические аукционы, эвристические и социометрические игры. Конструктивно занимался В.В. Туев курсовым и дипломным проектированием, тематика его дипломных исследований отличалась новизной, практической значимостью и тесной связью с деятельностью учреждений социально-культурной сферы. Под руководством профессора В.В. Туева было защищено около 200 ди-

пломных работ по актуальным проблемам социально-культурной деятельности.

Активно востребованный в научных кругах России В.В. Туев являлся инициатором, программистом, организатором многочисленных Всероссийских, региональных и межвузовских научных конференций, редактором и составителем многих научных и учебно-методических сборников по актуальным проблемам социально-культурной деятельности.

Он руководил научно-исследовательской лабораторией социально-культурных проблем, эффективно работающей в структуре научно-исследовательского института прикладной культурологии, научные исследования этой лаборатории способствовали совершенствованию деятельности учреждений культуры Кузбасса, развитию инициативных клубов в городах Западно-Сибирского региона. На протяжении многих лет он являлся членом научно-методического совета Учебно-методического объединения Министерства культуры Российской Федерации.

В.В. Туев известен в Кузбассе как активная творческая личность, автор многочисленных поэтических произведений. Его перу принадлежат тексты 30 песен, написанных на музыку сибирских композиторов, песни на его стихи исполняются на Всероссийском радио, записаны на пластинку. В 1999 году в Кузбассвузиздате издана сюита «Сибирская ярмарка» для хора и оркестра на музыку композитора В.М. Пипекина, которая вошла в репертуар многих художественных коллективов Сибири. В честь 70-летия со дня рождения В.В.Туева издан авторский сборник стихов и песен «Сердце расширено влево», в котором размещены стихи, посвящения и тексты песен.

За многолетний плодотворный труд В.В. Туев награжден медалями «За освоение целинных и залежных земель», «Ветеран труда», «Юбилейной медалью в честь 60-летия Кемеровской области» и многочисленными Почетными грамотами и Благодарственными письмами Администрации Кемеровской области.

Крупный ученый, неутомимый исследователь, увлеченный педагог, блестящий лектор, умелый организатор, самодеятельный поэт, человек-клуб, яркая творческая личность – таким был заслуженный работник культуры Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор Виктор Владимирович Туев.

Светлая память о замечательном человеке, талантливом ученом, прекрасном руководителе, любимом педагоге навсегда сохранится в наших сердцах.

Наталья Коргожа,
заведующая кафедрой социально-культурной
деятельности, кандидат педагогических наук,
доцент

Елена Дубицкая

Дубицкая Елена Сергеевна – студентка Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Стихи пишет со школьных лет. Неоднократно занимала призовые места в литературных конкурсах разного уровня. Публиковалась в литературных изданиях. Автор книги стихотворений «Голубые журавли».

Я рисую НЕБО НА ВОСХОДЕ

Дым

Посмотри на меня – разве я не похожа
В темноте на сандаловый дым?
Чем же пахнет твоя золотистая кожа,
Как не бархатным шлейфом моим?..

Прогуляйся по синему сумраку ночи –
Не найдешь ни южней, ни нежней.
Посмотри на меня – и в оазис цветочный
Мое дымное тело налей.

И любой, и чужой, и капризною ночью
Ты поешь и сжигаешь меня,
Забывая, что видишь и слышишь воочью
Только розовый дым от огня.

Бокровенное

Дом опустел, и дом забыт –
Я удаляюсь по дороге.
Безгласных окон хмурый вид,
И горстка пепла на пороге...

Ноябрь здесь, ноябрь рядом:
Тревожно тени ждут во мгле.
Окончен вечер звездопадом,
И звезды близятся к земле...

И путь открыт, но он молчит
О цели, и о расстоянии,
И песня странника звучит
Как давнее воспоминанье.

Она уходит в дождь
И ее след зарастает травой.
Она – сердце радуги,
Полуденная звезда.
Ветер разорвет тучи,
И Она вспыхнет,
Как роса на листьях,
В единственном луче света;
Протянет руку
И умрет на моих губах.
Мы снова вместе.
Я танцую в сердце радуги,
В солнечном круге.
Я ухожу в дождь,
И мой след зарастает травой.

Не доверяй моим словам –
Они на кольца дыма так похожи.
Не доверяй моим рукам –
Как часто нас обманывает кожа!

Пусти с ладоней горсти лепестков –
Они летят рекою между нами.
Мы заблудились в царстве облаков,
Забыв уменьшить солнечное пламя.

Как листья обгоревшие – к земле –
Как два крыла с разбитым опереньем –
Мы движемся в предутренней заре,
И радостны случившимся движеньем.

Не доверяй моим больным глазам,
Не доверяй тому, что между нами.
Мы движемся по этим небесам,
И ткань лазури рвется под ногами.

Пока над нами солнечный огонь,
Он будет нам вином. И до рассвета,
Пока ладонь не выпустит ладонь,
Продлится обжигающее лето.

Я есмь стрела, что пущена без цели,
Я словно путь, ведущий в никуда.
Последний вздох предмартовской метели,
Что пред весной отступит навсегда.

Я есмь в тебе, я непослушна слову,
Нет имени, нет радости борьбы.
Вы сотни судеб мне дарить готовы,
Но нет среди них действительной судьбы.

Как зеркало, живу для отражений,
Как зеркало, докучливо-чиста.
Но будь моими сотни измерений –
Мне не сойти с зеркального листа.

Я – зеркало. И, может быть, однажды,
В моих отполированных глазах
Увидишь свет неуголенной жажды,
Сухую пыль и неусопший прах.

Тогда прошу: склонись к реке великой,
В которой задержался мой февраль,
И передай приветствие безликой,
И передай накопленную даль.

Голубые журавли

Это тайна, это песня
В замирающей дали –
Как летели в поднебесье
Голубые журавли.

Разметались занавеси
Прошлой жизни, прошлых лет.
Ближе все, и все чудесней
Неразгаданный ответ.

Я распахиваю окна,
Выходящие в поля.
В вышине сияют стекла
Голубого хрустала...

Как беспечна в своей вере
Постаревшая земля!
Ворошу в потухшем сквере
Листья цвета янтаря...

Дальше все, и все чудесней
Песни Неба, день Земли...
Если б жили в поднебесье
Голубые журавли!

Среди всех чаек Пустоты –
Вороньих чаек –
Мне повстречалась только ты –
Из звездной стаи.

Литые крылья вышины –
Сиянье стужи –
И бесконечные мосты
Разбитых кружев.

И бастионы крепостей
В обрывках флагов,
И крест из сложенных костей
Глядит из мрака.

Литые крылья вышины –
Дороги радуг –
Где семь ветров врачуют сны
В высоких травах...

Среди всех чаек Пустоты –
Вороньих чаек –
Мне повстречалась только ты –
Из звездной стаи.

Радио «Весна»

Включилось радио «Весна»
И над трубой витают глюки.
О, это радиоволна –
К теплу протянутые руки!

Жду не дождусь – придет апрель,
Начавшись с солнца в понедельник,
И я на все пятьсот рублей
Куплю кулек забавных фенек.

Открылся радиоканал
Внезапной директивой свыше:
От сердце к сердцу – филиал,
И песни, и коты, и крыши...

Включилось радио «Весна»,
И я иду по перекрестку;
И надо мной – голубизна,
А город в ней – зеленый остров.

Прощание

Я прощаюсь с тобой, я прощаюсь
У холодной подъездной стены.
День уходит, но я – улыбаюсь,
Звездам, первой такой глубины.

В тишине как направленный выстрел
Хлопнет форточка в желтом окне.
Но чужие и глупые мысли
Никогда не вернуться ко мне.

Я спою тебе – вдруг ты заплачешь –
Как в моем неудавшемся сне.
Но отныне все будет иначе –
Только звезды сгорают на дне.

Я прощаюсь с тобой. Мне не больно,
И созвездья не движутся вспять...
Я прощаюсь с тобой, ведь сегодня
Я хочу научиться прощать.

Я рисую небо на восходе,
Только получается луна,
Алая луна на черном фоне,
Небо – как отвесная стена.

Линия песка насквозь промокла,
Расползлись границы черноты.
Лишь сияют ледяные окна:
Звезды недоступной высоты.

Я лежу во сне на дне колодца,
Наслаждаясь полной темнотой.
День заставит небо расколоться
Серою рассветною чертой...

Но об это я узнаю позже,
Слушая, что звезды говорят.
А сегодня пей, пока возможно,
Из ладоней ночи алый яд!

Я рисую небо над востоком,
Там, где появляется луна,
Там, где над ее багряным оком
Небо как отвесная стена.

Бьются над миром бескрылые ласточки
В редких глазницах разорванных туч.
Веки усталые нежно и ласково
Тронет расплавленный в зеркале луч.

Бьются над миром бескрылые ласточки,
Падают под ноги мертвым дождем.
Жди меня ныне под новою маскою –
Первою ласточкой с черным крылом.

Темною тушью в окне заштрихованы
Голые профили тонких ветвей.
Жди меня, но не весною зеленою,
Жди меня, но не под снег тополей.

Бьются над миром бескрылые ласточки.
Брежу на жесткой, как лед, простыне.
Жди меня вслед за последнею сказкою –
Солнечным сном в запыленном окне.

Семь тысяч лет
Пролетело над вечным покоем;
Семь тысяч слов
Из порожнего влилось в пустое;
Семь тысяч фаз
Умирала от горького взгляда;
Семь тысяч раз
Оживала, но больше не надо!
Семь тысяч снов
Я бегу за тобою по кругу.
Семь тысяч – вздох –
Не сестра, не любовь, не подруга –
Судьба.

Пусть на кухне не гасят свет,
Пусть по комнатам ходит кто-то
И читает ночной сонет
Из старинного переплета;

Пусть никто не задернет штор
В тесноте городского уюта –
И за стеклами будет простор,
И окно твое вспыхнет кому-то;

Пусть не вспомнит никто вины,
И не выпьет вина без друга...
Половинки луны равны
Очертаньем фонарного круга;

Но на кухне не гасят свет,
И пускай уже тихо и поздно,
Все горят – миллионы лет –
Над домами мосты и звезды.

Танцующая богиня
 Ликует в огне луча.
 Золотой колокольчик – имя,
 Золотая ладонь – свеча.

Золотые зрачки не остынут,
 И, когда я однажды усну,
 То один – превратится в долину,
 А другой – в молодую луну.

Мы пойдем, не касаясь дороги,
 И никто не услышит рассвет...
 Только белый цветок на пороге,
 Белокипенный яблочный цвет.

Дерево роняет звезды. Осень.
 Жаль растаять в солнечной пыли.
 И Принцесса белая уносит
 В небеса все золото земли.

Небеса роняют звезды. Осень.
 Жаль растаять в заводи речной.
 Дерево листву свою возносит,
 Умывает искренней росой.

Дерево роняет звезды. Осень.
 Каждый лист становится звездой.

Навстречу белой звезде нарцисса
 По серебристой траве – летела! –
 Дикая мята, шалфей, мелисса,
 Желтые венчики чистотела.

Навстречу черной стреле полыни –
 Грудь мне пронзило ночное зелье –
 Сладко уснуть мне в речной стремнине,
 Горько проснуться в русальем теле.

Горечь пройдет: голубеют росы,
 Звонко поет молодое тело.
 Я распустила тугие косы,
 По серебристой траве – летела!

Тростник

Есть люди словно деревья –
 Укореняются прочно.
 И долгое, доброе время,
 Для них благодатная почва.

А я – пустотелый и голый –
 Над омутом зеленооким,
 Мечтаю быть нежной виолой,
 Качаясь в поющем потоке,

Который несет воды к морю...

Правда

Правда – это осколок льда

А. Сапковский

Правда – это осколок льда.
 Правда? Ветер, огонь, вода
 И земля...колыбель земли
 Принимает в себя – моли...

Правда – это осколок льда,
 Мне твоя рассказала птица.
 Птица может родиться, да,
 Но к рассвету умрет, сестрица.

Правда – это осенний прах,
 Что в ладони моей кружиться,
 Правда – это последний страх,
 Это времени колесница.

Что в ладонях моих? Когда
 Я успела с тобой проститься?
 Правда – это осколок льда.
 Слово «вечность» спешит сложиться.

Убиваю своих любимых –
 На тетрадных листах хранимых,
 На оконных крестах распятых,
 На чужих простынях помятых.

Как внезапно стянуло горло –
 Я вдруг вспомнила – память стерла
 Всех, кто шел по моей дороге,
 Всех, кому омывала ноги,

Всех, кому целовала лица...
 А сегодня – я твой убийца.

Я верю в то, что ты меня дождешься.
 И вот сижу, перебирая листья,
 Тетрадные, цветные. Бисер строчек,
 Ваниль и мёд. Нет запятых и точек.
 Есть только ты и я:
 Прелюдия, либретто,
 Две бабочки свободного балета.
 Свой блюз мы написали наяву.
 Что будет если ты не обернешься?

Прощай

Прощай. За завтра и вчера
 Тебя обнимет
 «Очей унылая пора»
 И хрупкий иней.

Я – одинокий чародей.
 А ты – синица.
 В моих руках крик журавлей
 Тебе приснится.

Есть те, что приносят
Из странствий дальних
Цветок огненно-голубой,
Белоснежно печальный.

Весенний цветок
Из пустого осеннего леса –
Последний зарок
От с тобой танцевавшей Принцессы.

Причудливый дар
В этот миг и случайный, и тайный.
Он высек пожар
Из гряди беспечальной – нечаянно.

Прощальный урок.
Только то, что не будет печальным –
Звонящий цветок,
Заповедный цветок, обручальный...

Песня путника

Равноденствие сомкнутых век,
Полноводие белых озер.
Я иду по извилинам рек,
И холодными тропами гор.

Там, где сумерки теплят восход,
Встанут Солнце, Луна и Звезда.
В небе тают, как утренний лед,
Города, города, города...

Горизонт еще держит туман,
Под долинами дышит земля.
Я иду. Впереди – океан,
И дрожит силуэт корабля.

И с верой в высокое слово,
И слову сему вопреки –
Веди меня, небо, я снова
Все линии стерла с руки.

Гляди, как сгорают страницы.
Тепло у ночного костра.
Стихи улетели как птицы,
Стихи улетели вчера.

Неси меня, небо, на встречу
Со Словом, словам вопреки.
Веди меня, небо – мне легче
Когда наши узы крепки...

Но вижу я: те, кто остались,
Теньями стоят вдалеке.
Печалюсь, печалюсь, печалюсь...
С горячей свечою в руке.

Виктор Арнаутов

Арнаутов Виктор Степанович родился в 1951 году в селе Пудино Томской области. Окончил Кемеровский государственный институт культуры. Служил в ВМФ.

Автор книг прозы: «Вокруг рыбалки», «Кольцом едины», «От Ленинграда до Курил», «Где Чузик мой коричнево змеится...», «На рифах памяти...», «Деревья обрастают мхами с северной стороны», сборника стихов «Клад вдохновений», соавтор коллективных сборников «След от полёта» и «О тех, кто шёл в передовом ряду». Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Красная горка» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Тюмень литературная» (Тюмень). Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Лысые Романтики

-1-

Какие только планы не строишь зимою на летние отпуска. Особенно, если отпуск почти два месяца. Планы планами, зима зимою, а придет лето...

Первый инфляционный виток демократических преобразований начисто опустошил, и без того не очень тугие, кошельки бюджетников да вкладчиков. Отъездили по заграницам да домам отдыха с санаториями, к родичам по Союзу. Да что Союз? В соседнюю, Томскую область, куда летал самолетом каждые студенческие каникулы, нынешнему доценту стало добираться куда как накладно.

Но не в городе же всё лето париться? — Дача, огород, рыбалка в Берёзове. Можно уговорить Темнова или Лукина и на Обь сгонять. Ладно, где наша не пропадала. Обойдемся и без заграниц — дальних и ближних. Если уж по-честному, то и в лучшие времена не так часто там бывать приходилось. А уж природа Кузбасса ни в чем не уступит нашим соседям по Сибири. Да и не только по Сибири...

А тут ещё Толков, старый бродяга, вторую зиму за чашкой крепкого чая в своей лаборатории на сплав подбивает. Сначала всё на Кондому агитировал, потом на Кию переключился. Ходили с ним даже в университет, в водный клуб, общались с водными туристами, взяли уже и карты лоции Кондомы с Кией, а я с них и ксерокопии снял.

Прошлым летом Толков вдруг подкалывать надумал, чтобы за кооператив расчитаться. А весной нынешнего и вовсе отмочил: из института уволился, в фермеры подался. Тридцать гектаров земли в аренду взял да дом строить в деревне надумал. Плакали наши сплавные планы.

Николаенко перехватил инициативу. Как и положено старшему по должности и званию, насел Веня на нас с Ларионовым. Вениамин Алексеевич наш ровесник, но успел первым и «остепениться», и кафедру получить. Молчун и скромняга Веня. Голос не повысит даже на лаборанта-первогодка. Зато уж на Советах к его мнению все прислушива-

ются. Всё таким же тихим голосом, как бы стеснясь, зардевшись девицей красной, такие замечания и рекомендации выдает Вениамин Алексеевич — откуда что и берется. Вот вам и Веня!

С Саней Ларионовым у нас давняя дружба. Второй десяток лет уже знакомы. А всё «манжерокинг» виноват, за туманами гонялись с ним вместе. Опять же — дома не сиделось. Еще до начала перестройки занесло нас, семнадцать романтиков-педагогов, по путевке комсомола вслед за своими студентами в стройотряд, в Чумай. Третий трудовой семестр параллельно со студентами спины горбатили, мозги проветривали. Там и познакомились.

Ларионов в стройотряде всей семьей оказался: с женой да шестилетним сыном. Жена кашеварила, «боец» Жека в огромных верхонках, на «мельтонке» — верхом на палочке — гонял по просторному двору да аэродромно-му полю.

Мы с Ларионовым в паре ходили: траншеи вручную копали, по столбам-опорам лазали — траверсы глухарями крепили, «лапшу» пробрасывали да «азушки» в жилых домах ставили. Одним словом, телефонизировали село. Там и подружились. Зимами на кафедрах да в курилках между парами встречались — вспоминали дни стройотрядовские, планы на лето строили.

А между тем по сороковнику обоим стукнуло. Пора бы и взрослеть начинать, передав детям эстафету. Ан нет — «Романтика, фантастика, наверно, в этом виновата...»

Так уж жизнь распорядилась, а мы особо не перечили: шесть стройотрядовских лет у меня — от Стрежевого до Шикотана, да три артековских — у Ларионова — с пионерским галстуком на послеармейской шее и удостоверением ЦК комсомола в кармане.

«Лысые романтики, воздушные бродяги,

Ваша жизнь — мальчишечья вечная года...» — распевали мы с Ларионом у Чумайского костра под гитару. Это про нас с ним. Ну, в том числе, и про нас...

Впрочем, лыс-то только я. Да вот — Веня Николаенко. С ним наши шевелюры соревнование объявили. Похоже, моя с опережением идет. У Вени с боков да сзади длинные белокурые волосы слегка вьются и как-то скрывают его сократовский лоб и убегающую на взгорье полянку. А сединой я его да-а-а-но обошел...

Не таков шатен Ларионов. На голове — шапка густящих жестких волос. С этим одеянием и в мороз не страшно. Рыженькая, под всесоюзного старосту, аккуратная

бородка. Живые глаза да залиvistый смех. Так, как умеет смеяться Саня, у нас с Веней не получается: открытым ртом, трелью, до слез в глазах, до книксенов глубоких.

А ещё Александр Дмитриевич — живая киношная энциклопедия. Институт кинематографии закончил после филфака педагогического. Такие байки нам выдаёт про артистов да режиссеров — сам Руденский Виктор Яковлевич позавидовал бы. Гуманитарий Ларионов — до мозга костей. Впрочем, как и мы с Веней.

Николаенко — непосредственный начальник Ларионова, но меж ними никаких должностных субординаций и в помине нет, не то что на нашей кафедре... Ну, а у нас с Веней тем более, вовсе на разных факультетах. Так что афоризм Козьмы Пруtkова, что «всякое начальство — сволочь» к Вени никакого отношения не имеет. Ларионов так и вовсе зовёт его Веничем. Ну, между нами, разумеется...

... Перехватил инициативу тихушник и очкарик Веня Николаенко. Несколько раз уже собирались вместе и обсуждали предстоящий сплав за кружкой пива после авансов и получек в пивбаре — «Жигулях» да в «Мышке».

— Ну, что, сплаваемся по Кие? — риторически вопрошает Вениамин Алексеевич. — Добираемся поездом до Тяжина. Оттуда до Тисуля автобусы ходят и дальше — попутками до Белогорска. Я уже всё просчитал: дней десять должно хватить на сплав до Мариинска. Что ж, обойдемся и без Толкова... В крайнем случае, в Чумае маршрут завершим. Соорудим плот из камер автомобильных, десятка достаточно будет. Всё лодки не обдирать по камням...

Ни я, ни Ларионов по горным рекам ещё не сплавливались. Обь с Томью — не в счет. Интригует Веня невиданными красотами горной тайги, перекатами пенными, скальными ущельями. А пуще — на рыбалку нажимает. На хариусов! Это ль не аргументы? Обещает даже щук с налимами. А всё потому, что сплавливался Николаенко с Толковым и по Кие, и по Томи — от самого Осинового Плеса. Как ему не поверишь по поводу рыбалки? Уж мелочишки-то надергать на уху — без проблем. Это мы и сами с Саней знаем — рыбачили в Чумае, на Кее. Хариусов, правда, не ловили...

-2-

«На- Ки-ю! На- Ки-ю!», — вагонными колесами стучит в голове.

«На Кию! На Кию!», — вторит сердце романтика.

Договариваемся на начало августа – комарья поменьше в тайге, да ягоды с грибами подойдут. Черникой с голубикой хотя бы полакомиться. Смородина с малиной – само собою. Шишки, кедровые орешки уже можно будет пощелкать, с твердеющими ядрышками.

«На Кию, на Кию!» – подпевает струной виолончельной кормушечный шнур в нашей березовской Мекке, под высоковольткой, напротив распада.

«На Кию? На Кию...» – поддразнивая, передает привет язь, сошедший с крючка, буруны лишь оставив на воде...

– Приходили Ларионов с этим, как его – Вениамином Алексеевичем, – сообщает мне жена после возвращения моего с ночной рыбалки, – сказали, что срывается у вас сплав по Кие...

– Как это срывается? – реагирую я на ошарашивающее известие. Настроение моё падает как у солдата-дембеля, которому вдруг объявили за день до увольнения в запас о том, что его отъезд домой задерживают ещё на две недели. – Как же так! Ведь всё уже решено, договорились...

– Ну, не знаю... Николаенко сказал, будто бы наводнение там или что ещё...

– Какое наводнение? При чём тут наводнение? – нервничаю я.

А ведь и в самом деле. Дожди у нас уже вторую неделю по-осеннему зарядили. Вода в Томи на подъем пошла. Помутнела, мусор тащит, кольцо забивает. Течение – что на Оби – такие буруны из-под лодки гонит, как весною.

– Сказали, чтобы ты к Ларионову домой съездил.

Переодевшись в городской наряд и наскоро перекусив, поникший, я еду к Ларионову, а от него, вместе, к Вене.

Николаенко встречает нас виноватым видом. Даже большие очки с толстыми стеклами не скрывают его смущения. Веня щурится и морщит нос:

– Сманил я вас, мужики, да, видно, не получится. Разговаривал я с одним вчера – дожди там все дороги поразмыли. Порасквасило всё, только на гусеницах и пробираются. А пешком там километров двадцать топать, киселя хлебать по грязи. Да ещё с такой поклажей. А у меня ещё, – Веня берется рукой за спину, – радикулит обострился. Спину переламывает. Не могу ничего тяжелого поднимать... Синоптики погоду обещают. Если установится, через недельку можно будет рискнуть... В общем, переждать надо.

Вот уж и впрямь: ждать да догонять... Тем более, если ты не флегматик, как наш Веняч, а холерик или сангвиник. Тут надо, чтобы всё было быстро, скоро – терпелу не хватает. Срывается надуманное мероприятие – почти трагедия вселенская. Так уж устроен, не переделывать, не перевоспитать.

Ларионов поспокойнее себя ведёт, похоже, смирился уже с этим.

– Афанасьич! – шлепает он меня по плечу. – Да не переживай ты! Где наша не пропадала? В Чумай поедem. «Слёзы Мичурина» попьем... А там и до Марининска сплавимся.

В Чумай мне не хочется – там я уже был. Всё видел и рыбачил. Даже хариуса ни одного не поймал. Разве что по Кожуху подняться? Так опять – поклажу на себе волочь... Да и будет ли там ещё брать-то хариус? Тогда уж лучше на Яю, в Марьевку...

Николаенко предлагает нам по рюмахе. Не отказались и от второй. По третьей, на посошок, приняли. Вроде, как-то поспокойней на душе стало.

«Прочь тоску гоните, выпитые фляги, Ты, метеослужба, нам счастья нагадай», – вспоминаем мы с Саней строчки из песни Городницкого, что пели чумайскими вечерами.

-3-

Дожди и впрямь захлебнулись своею мокрой атакой. Солнышко проглядывать стало. Дня за два воздух прогрелся до тридцати градусов – лето, как-никак, хоть и августовское. Вода в Томи на убыль пошла.

Да не заладился путь нам на Кию, будто кошка черная дорогу перебежала. Не рискнул старшой наш туда направиться: а вдруг там, в тайге, до сих пор всё расквашено? Куда ж нам тогда с его радикулитом? Уговаривал Веня нас по Томи сплавиться от Салтымакова. Я заупрямился:

– От Салтымакова до Кемерова пару недель вёслами махать придётся. Течения-то почти совсем не стало – вода на убыль поперла, упала до летнего уровня уже почти. Надоест... Да и продуктов с собою сколько тащить надо...

Порешили автобусом добираться до Зеленогорска, а оттуда, если не застанем «Зарю» на Салтымаково, идти сплавом до Кемерова.

Маковки зеленогорских многоэтажек, посреди дымчатой тайги, открылись ещё километров за двадцать, на подъезде к Крапивиному. Белеют панельные коробки, обрамленные хвойными пиками пихт, нарушая гармонию природного ландшафта.

Перед Крапивиным – затяжной спуск. С самой верхотуры далеко просматривается обширнейшая панорама. Прямо по ходу нашего «Икаруса», в несколько ярусов, как на голограмме, проступают низина – пойма реки, сама Томь; повыше – первая гряда прибрежных холмов, затем другая, а в самой дали, в синеве, просматриваются треугольники сказочных изломов Салтымаковского хребта – отроги Кузнецкого Алатау. Это ли не красотища!

Автобус идет накатом, ровно, плавно покачивая нас в мягких креслах. Перепад высоты такой, что у меня начинает уши закладывать.

Совсем спустились в низину. Катим по нешироким извилистым улочкам деревянного одноэтажного Крапивина. Минуем автостанцию, приостановившись на минутку, чтобы высадить пассажиров. Проезжаем торговый центр, мостик через Каменушку. Почти к самой Томи выводит петляющая асфальтовая дорога. Пересекаем по невысокому мосту мутный Мунгат. Говорят, в его верховьях когда-то стоял острог – один из первых кузнецких форпостов России.

От Мунгата в гору зазмеилась асфальтовая трасса. Всё выше и выше. Слева – Томь поблескивает внизу, а за ней, километрах в четырех, огромная пологая лысая гора – вторым ярусом грудится – будто кто по кучерявой голове пару раз, ото лба до макушки, прошёлся машинкой для стрижки. Вот где слаломом заниматься! А можно и дельтопланеризмом...

С натугой идет наш автобус. Наконец взобрались на самый перевал и – под горку, под горку. Котарой довольным замурлыкал двигатель.

Справа, вдоль трассы, стали попадаться первые недостроенные дачные домики зеленогорцев, с тепличками под пленкой да темно-зеленой картофельной ботвой, обнесенные оградками из штакетника и сеткой-рабица.

Круто, в распадок нырнул наш «Икарус». И опять Томь оголилась. Минуем бурный ручей, мутный, как и Мунгат. Катим по широкому невысокому мосту. Ниже моста, по обеим берегам ручья, вплоть до самой реки – по всему распадку громоздятся друг на

друга уже обжитые дачные участки. Даже на косогоры взбираются, теснят друг друга. И снова крутой затяжной подъем.

Вот и Зеленогорск!

Современный поселок городского типа. И поселком-то назвать язык не поворачивается у меня – изначально сельского жителя. Всё, где встречались хотя бы трехэтажные каменные дома, по моим меркам, городом считалось. Так и осталось где-то в подсознании это основным критерием города.

Десятка два-три панельных высотных дома с телевышкой на горе, обрамленные со всех сторон хвойной тайгой. Пихты – что огромные узкоконечные рукотворные пирамиды. По песчаному грунту проложены асфальтовые дороги и тротуары. В центре – клуб-кинотеатр, торговые ряды-магазины, автостанция да трехэтажная школа – совсем к тайге прижалась. Вот и весь он, Зеленогорск – городок энергетиков, городок под несостоявшийся проект Крапивинского гидроузла. Город безработных...

Ни о каких побочных, сопутствующих предприятиях архитекторы да проектировщики гидростроя не позаботились. Это ещё в ту пору, когда всё было плановым, а теперь...

А почему бы не запланировать тут какую-нибудь чулочно-носочную или швейную фабрику? Сырья-то от кемеровских КШТ и ЗХВ полным полно было. И рядом совсем. Можно было бы и макаронную продукцию освоить, кондитерские изделия. А колбасно-консервный цех или сгущенного молока? Район-то полностью сельскохозяйственный, сырье свое, возить издалека не надо... Эх, Россия-матушка с её, прости Господи, пофигистским менталитетом...

Доводилось мне встречать пустые деревни, но чтобы умирающие города... Не слишком ли роскошно и безответственно? А сколько средств из бюджета ушло да разворовано под видом строительства: на очистку поймы Томи под ложе водохранилища, строительство гидроузла, его консервацию? Из чьего кармана? Кто посчитал? Кто понёс наказание и возместил? Нет ответа. Да и не пытался никто даже и искать его.

У автостанции выгружаем из бокового багажника свои увесистые рюкзаки – пришлось даже билеты дополнительные брать – на каждого по парочке приходится. А тут ещё радикулит Веныча.

Беру на себя вьючную обязанность: две лодки в рюкзаках до реки донести. Как когда-то, в юности, по дороге на Мирное, становлюсь «парашютистом» — рюкзак спереди да рюкзак сзади. Килограммов шестьдесят, не меньше. Ничего, до берега, точнее, спуска к реке всего метров четыреста. Хорошо, что на Белогорск не решились. Как бы эти двадцать километров пешком с такой поклажей?

Подходим к самому крутояру, покрытому деревьями да всякими кустарниками с травой. Даже древние каменюки обросли.

Сбросив ношу и полюбовавшись минут пять красотами, делаем первые снимки. Жаль, что не на цветную пленку.

Между остроконечными высоченными пихтами, в окнах-прогалинах, фрагменты панорамы раскрываются, достойной самых искусных мастеров пейзажа. Внизу Томь голубеет, отражая безоблачное небо, с узенькими желтыми полосками галечника вперемешку с песком вдоль воды, разрезанная повдоль островом. За высоколесным островом протоки не видно даже сверху. По правую сторону, вверх по Томи, к югу, сплошные горно-таёжные массивы. Как раз над Саниной кучерявой шевелюрой коричневатая плешинка пробивается на склоне мохнатой горы. Где-то за излучиной реки возвышаются два гигантских крана гидростройки. Самой плотины не видать. По левую сторону, опять же за Томью, две пологие безлесые горы — зелёные-зелёные. «Так вот откуда название пошло — »Зеленогорск« — догадываюсь я. И впрямь, стопроцентно оправдывает свою топонимику.

«Ну, с Богом!» — начинаем спуск к реке. Тропинка узенькая, извилистая, крутая. Местами, в небольших тенистых ложбинках, стоит ещё грязь. Скользко. Ноги спотыкаются о корни да торчащие повсюду острые каменюки: не дай Боже оступиться — кубарем покатишься с такой поклажей. Можно и руки-ноги переломать запросто. От тяжести ноши и напряжения подрагивают колени — и впрямь, как в песне у Высоцкого; давит плечи лямками рюкзаков. Шаг за шагом, остороженько цепляясь руками за каждое деревце, кустик, обнаженный змеевидный корень; метр за метром вниз, вниз, к воде.

Ну вот, и до реки добрались. Обошлось без приключений. А берега-то, как такового, и нет. Сразу с крутояра — и вода. Едва удастся отыскать небольшую площадку между крупными и острыми камнями,

чтобы лодки накачать да уложить в них поклажу.

Кроме нас, у воды, с десятков купающихся зеленогорцев, да ребятня с удочками телескопическими сидит неподалёку.

Вода в Томи после дождей похолодала. Да и по всем приметам — положено ей остыть: Ильин день неделю, как миновал. Течение здесь, как и везде, где имеются острова, достаточно ощутимое. Русло по нашей стороне, протока за островом.

Пять часов пополудни. Самый разгар дня. Жарко. Мы, вспотевшие, снимаем с себя одежду, споласкиваем речной прохладной водицей лица, головы, руки, плечи. Водичка бодрит нас.

— Ну, как? — спрашивает нас Николаенко.

— Третий сорт — не брак, — отговариваюсь я.

— А почему — третий?

— Не Кия с Кондомой... Однако, лепота! — иду я на попятную.

— А выше, к Салтымакову, ещё красивее. Может, всё же туда махнем? Сейчас «Заря» подойти должна.

— А «Заря» теперь туда не ходит, — подсказывает нам кто-то из местных. — Да она уже полчаса, как назад отчалила.

— Ну, вот и решилось всё само собою, — по-третейски, разводит нас Ларионов.

— Да какой смысл такую даль забираться? — всё ещё пытаюсь я возражать.

«Мавр», однако, сделал своё дело. Остается одно: сплавляться вниз, отсюда. Как-то само собою, на время сплава, избираем Вениамина Алексеевича нашим капитан-командором.

Всю поклажу распределяем по трём лодкам. У нас с Веней новенькие «Уфимки». Ларионову достается моя старая «Омега», что-то совсем плохо воздух держать стала. Где и пропускает — понять не могу. Течение подхватывает наши резиновые суденышки и уносит от места сбора всё дальше и стремительней. Идем сплавом, слегка пошевеливая веслами, метрах в сорока друг от друга.

«Раз, два, три — зелёное и голубое,

Раз, два, три — и мы на лодках — трое...», — напеваю я, слегка переделав, Арика Круппа.

Выходим на самый фарватер — то удаляясь, то приближаясь.

Пологий берег острова резко контрастирует с крутоярами. Вот уже едва различимы становятся головы купающихся. Проходим мимо распадка с дачными домиками и сбегającego по каменюкам горного ручья.

Всё ближе две зелёных горы, медленно разворачиваются другим боком. Минут тридцать нас тащит вполне приличное течение, покуда не заканчивается остров. Нас почти прибывает к правому берегу, на мелководье. Мелководье сменяется ямами, где совсем теряется течение. Мы почти стоим на месте. Разбежавшиеся, было, наши лодки, начинают сближаться – вёслами работаем. Ларионов берётся за насос-лягушку. Делает десятков пять хрюкающих качков. Опять оживилась, помолодела сморщившаяся старушка «Омега».

Мы с Ларионовым сидим низко: он – на подушках надувных, я – на матрасе. Удобно, как в кресле. Веня возвышается над лодкою почти всем туловищем – взгромоздился на деревянную вставную лавочку-банку. Помахивает себе потихоньку вёслами. Очки дымчатые поблескивают на солнце. Длинные волосы, выбившиеся из-под белого тряпичного картуза, треплет легкий ветерок. А торс-то у Вени не хилый! Это он в одежке кажется худосочным, а обнаженный – бицепсы на зависть нам с Саней. Хотя и мы не из последних дохляков.

Зеленые горы повернулись к нам своим правым боком. Их отделяют лесистые холмы, постепенно снижающиеся. А вдоль воды – как будто кто выложил большие ровные, отшлифованные плиты, слегка наклоненные и сбегаящие в реку.

Вверху, над нами парит с полдюжины темно-коричневых хищников, распластав свои мощные крылья. «Кли-и-ик! Кли-и-ик!» – доносятся до нас пронзительные крики. Откуда-то появляются ещё четыре. Кружат над водой, перелетают с берега на берег, рассаживаются на ветвях деревьев, теряются из виду.

– Гагары! – однозначно определяет Саня всё, что летает над водой и рассаживается вдоль берега. Мы с Веней подыгрываем ему, называя «гагарами» и вороньё, и чаек, и коршунов, и кликающих соколов.

Промеряем глубину: и три, и четыре метра встречается – самое то для кольцевики. Попадают ямки и поглубже.

– Может, здесь остановимся? – предлагает Ларионов.

– Пройдем ещё немного, место надо поискать для стоянки поинтереснее.

По левому берегу, ставшим совсем пологим, всё чаще виднеются подступающие к реке дачки и турбазы. В одном месте полно ребятни: шум, гам, брызганье воды. Нет,

здесь останавливаться не хочется, хотя для рыбалки место должно быть весьма пригодным.

Пониже турбазы и детского дома отдыха протока пошла вдоль левого берега – Утячья, отделяемая лесистым, с тополями, островом.

Помня обские рыбалки и стоянки на островах, я предлагаю спутникам спуститься немного пониже и остановиться на острове. Молчит наш командор – лоб хмурит, щурит глаза под очками да нос морщит – недоволен моим предложением.

Я и сам вскоре понимаю несостоятельность моей затеи. Поравнявшись с лесистым мысом – началом острова – что-то уж слишком резво стали удаляться от нас береговые гагары, рассеявшиеся вдоль воды. Бурунчики сменили водную гладь – явный признак мелководья и каменистого дна.

«Да, оплошку дали, не получится, похоже, стоянка на острове – рыбачить негде будет».

С правой, материковой стороны, встречаются рыбацкие стоянки. Стоят столбиками рыбаки с удочками в руках, в проводку рыбачат. На стремнинках и закидушки забрасывают. Местами сочатся струйками глинистые обнажения – ручейки, распластавшись, скатываются.

Минут тридцать идем вдоль острова. Всё влево закругляет, заворачивает река своё русло. Нет-нет, да и мелькнут со стороны Зеленогорска то крыши удаляющихся панельных домов, то краны вытянут свои гусиные шеи.

Ещё одна гора замаячила за Томью. Та, что была видна ещё с трассы, с подъездов к Крапивину. Правостороннее разнорельефье вдруг оборвалось, и на чистом плато, в проеме распадка-балки, виднеется несколько полуразвалившихся хибарок. Две корявые кедёрки стоят рядом с ними почти на берегу. Чуть выше, на косогоре голубеет крестами сельский погост. То Фомиха берёт «на караул». Вымирает окончательно. Лишь обосновавшийся фермер – новое веяние, вроде нашего Толкова – поддерживает едва теплящуюся в ней жизнь.

Ещё левее забрала Томь и выскочила на прямой длинный, километров в пять, плёс, до самого Крапивина. Ещё через полкилометра закончился наконец-то остров.

Ровная тополиная гряда пошла вдоль левого берега от выхода из Утячьей протоки. Течение выровнялось, исчезли мелководные бурунчики. Удаляемся от острова метров на триста.

— Командор,— говорю я Вене,— пора стоянку искать. И чем быстрее, тем лучше. А то в Крапивине ночевать придется. Давайте-ка к правому берегу. Видишь, вон там кусты тальника молодого. Правь на них...

Подгребаем к правому берегу пониже наклоненной березы. На ней торжественно восседают пара черных «гагар». Место тут оказывается не ахти какое: вдоль галечного пологого берега едва заметная дорога обозначилась. Дорога проходит и сверху, над глинистым обрывом, метров в пять высотой.

Наша первая стоянка оказалась ниже Фомихи, километрах в полутора. Впереди, по ходу Томи, километрах в четырех, рассыпались одноэтажные дома Крапивина. Да водозабор белеет на самой излучине, у левого крутояра.

-4-

В отличие от джеромовской аристократической троицы, стоянку разбили быстро. Даже капитан-командору покомандовать не пришлось: действовали ловко, без суеты, будто заранее где тренировались.

Выбрали местечко поровнее да посуше для двухместной Вениной палатки. Из лесочка, что был сразу за полянкой, над нами, натаскали сушняка на костер. По берегу плавни пособирали. Даже пару бревёшек подкатали — и сидеть можно, и в костре лишними не будут. Соорудили таган на двух талиновых рогатинах. Сварили кашу на прикорм, чаёк вскипятили из Саниного фирменного сбора — двенадцать компонентов в сборе. Вот аромат! А вкус...

Ещё на берегу, по подобию Темнова, я растолмачил моим доцентам принцип ловли на кольцо. Выдал им свои запасные комплекты. Заплывали сразу, от места стоянки. Я отмерил сто пятьдесят махов-гребков. Среднее течение, глубина около трёх метров — лучше не придумаешь для Томи. Метрах в тридцати от меня, ближе к берегу с нашей палаткой, закорились Николаенко с Ларионовым. Что-то нам принесёт первая рыбалка?

Ожидание первой поклёвки, как всегда самое волнующее и тревожное — клюнет ли? Но какая-то уверенность во мне на сей раз: должна здесь быть рыбка! Не может её здесь не быть...

На дальний крючок настроя насадил манку, сдобренную пахучим ванилином — сам бы ел... И начались... чебацьи поклёвки. Такой бешеной теребёжки даже в Берёзове не слу-

чалось. Только опустишь кольцо — поклёвка. А вот с подсечками — швах. На десяток поклёвок одна рыбёшка до лодки доходит, да и та частенько сходит с крючка совсем уже рядом. Ладно, не велика потеря.

Минут через сорок наконец-то дёрнуло. Решительно, уверенно в своей силушке. Уже почти забытая за июльское бесклёвье тугая потяжка. Тут же подсекаю. Ага, есть! Давит вниз. «Не лещ,— определяю я уже с профессиональной точностью,— не его повадки. А подсак-то ещё не собран. Вот, головушка-то, беспечная...»

С натугой, трением о кормушечный шнур подается кольцо кверху. Вот уж и само кольцо показалось — матово свинцовое. Дёргает, растягивает резинку-амортизатор непокорная рыба. «Как же быть-то без подсака?» Беру леску в зубы и начинаю собирать свой треугольный подсачек. Рыбы рывки чувствую уже через зубы. «Нет, голуба, подожди». На последнем крючке настроя, в пяти метрах от лодки, рыба выходит на поверхность воды. Делает рывок и со шлепком уходит вниз. «Здесь. Сидит, давит... Это хорошо...»

Веня с Ларионовым поворачивают головы на булькотню моей рыбыны. Наблюдают.

— Кто попался?— спрашивают меня.

«Да кто же спрашивает, когда рыба ещё в воде?»— сержусь я на них.

Подсаком взял с первого разу. Подустала, видать, уже рыба. Забился в зеленоватой шелковой сетке подсачека краснопёрый язь. Вот теперь можно и ответить:

— Зятёк! Граммов на восемьсот! Ну, вот, уха уже обеспечена!

— На что взял? — интересуется командор.

— На манку. На манку пробуйте... Были поклёвки?

— Нет пока. Ельцов по парочке поймали,— отвечает Веня.

Спряталось солнышко за крапивинские домишки, почти за излучину село. Облаков на закате, вроде, не видать. К погоде, стало быть.

До одиннадцати было ещё две пустых поклёвки. «Это ничего, что пустые. Раз клюёт, будут и уловистые.» Растёт моя уверенность в удачном исходе рыбалки.

Люди какие-то прошли поверху, над обрывом. Лошади затемнили своими силуэтами. Со стороны Фомихи, повыше выхода из протоки, трактор «Беларусь» спустился к самой воде, покатыл вдоль берега в нашу сторону. Мимо палатки протарахтел. Люди

сидят на сене в двухколёсном прицепе-тележке, вилы топорщатся длинными черенками метальщиков – косари домой поехали. Поздновато, однако...

Ничего так и не поймав, около полуночи, выплыли на берег мои напарники. Лодки к палатке подтащили. Костерок оживили. Заплясало оранжевое пламя, выхватывая из темноты суесящихся у костра Веню с Ларионовым. Доносятся до меня их приглушенные голоса.

– Третьего поймал! – кричу я им.

– Большого?

– Подлещика, граммов на семьсот.

Расклёвывается у меня. До того, как выплыли мужики, был один сход, да фанерка трехсотграммовая села. Есть лещ здесь, есть!

– Четвёртый, – оповещаю напарников минут через десять.

– Пятый! Шестой! – Во попёрло! Шестым оказался уже лещ килограмма на полтора. Давненько не приходилось подымать таких в Берёзове в этом сезоне – с самого половодья. Два-три схода... Обрыв поводка, привязывать некогда. Рыбачу на два оставшихся. Вот это клёв! «Зря, пожалуй, мужики поторопились выплыть.»

– Восьмой!

– Хватит, выплывай! Куда нам столько?

«И впрямь, чего это я? Сплав ещё только начинается. Что с рыбой-то делать? И съесть не съедим, и домой довезём ли? Соль, правда, взяли...»

Около часу ночи выплываю. Совсем темно, да звёзды яркие-яркие...

«Звёзды чиркают по небу косо, и созвездья летят за окном,» – вспоминаю Визбора.

Николаенко с Ларионовым встречают меня у самой воды, чёрной, как асфальт. Я забираю свой улов и несу в мешке к палатке, а они, взяв за уключины мою лодку, бредут к костру вместе со всем снаряжением. Даже якорь не выбросили.

У костра я вываливаю из мешка мой улов, повергая в изумление и восторг своих спутников. Восемь штук. Около десяти килограммов весу!

– Неужели, столько рыбы в Томи? – удивляется Веня. – Никогда бы не подумал!

– Саня, ты ловил таких?

– Нет. На Оби, правда, с самоловов стерлядь с кострюками приходилось снимать. Что с рыбой делать-то будем?

– А ничего. Оставим до утра – не испортится. А там видно будет... Присолим, в крайнем случае...

Я пью чай и возбужденно рассказываю о небывалом клёве.

– Ладно, завтра и вам повезёт... Утречком пораньше заплывёте, поймаете...

– Федька, – спрашивает меня Саня, – водку будешь?

– Нет, не хочется.

– А мы с Венечем причастились... А «Слёзы Мичурина» выпил бы? Поди не отказался?

– «Слёзы Мичурина»? Пожалуй, бы выпил, – смеюсь я.

– А нэ-эту! Х-х-х-ха-й! – заливается в присядке Саня и рассказывает Вене, как в Чумае Гера-командир на открытие стройотрядовского лагеря в матрасовке, как дед Мороз, через плечо приносил плодово-яблочное вино «Осенний сад», которому наши остряки тут же и подходящее название придумали.

Забираемся в палатку. Николаенко зажигает шахтовый фонарь и с Саней вдвоём устраивают охоту на комарьё. Я втаскиваю свой надувной матрац, пристраиваюсь с левого края. Саня с Веней в спальниках. Пока в палатке тепло, не успел ещё воздух остыть.

Ларионов рассказывает байки из киношно-кинематографической жизни. Я ворочаюсь, и перед глазами всё мелькают красочные картинки борьбы с рыбой.

Сверху, над обрывом, кто-то сильно топает, храпит, фыркает. «Должно быть, лошади, – догадываюсь я, – выбрали местечко для стоянки...» Кто-то дребезжит на телеге по камням. «Да кого же это носит по ночам? Как бы лодки не утащили...» Забываюсь лишь под утро. Ворочаюсь, шурша своим матрацем – прохладно стало. «Чем бы укрыться? Где-то фуфайка была. В лодке, должно быть, оставил. Сколько же времени?» Глухо в палатке, как в танке. Ворочаются и напарники.

Я решаюсь выбраться наружу. Смотрю на часы – около пяти утра. Сейчас светать начнёт. Темно ещё, но чувствую, что сел довольно густой туман, будто всё молоком забелил. Пора, однако, рыбаков будить. Развожу костерок, раздув тлеющие головёшки. Чаёк подогреваю.

Веня вставать отказывается, ссылаясь на радикулит. И Саня выбирается из палатки без особого желания – угрюмый, невыспавшийся. Глотнув чайку, становится повеселее.

– Садись в мою лодку. Снасти мои бери. На кольцо, правда, всего два крючка осталось, да тебе хватит, путаться меньше будешь.

Отсчитывай сто пятьдесят гребков и бросай якорь, – советую ему. – Ну, а дальше – уже знаешь, действуй, как объяснял вчера вам. Смотри, подсачек мой не утопи...

Туманную пелену рассвет едва-едва начинает прорезживать. Я беру свою телескопическую удочку и с берега, в проводку, пытаюсь ловить. Ельчишка попался, другой. Туман то совсем скрывает Ларионова, то на секунды выхватывает его контуры, сидящего в лодке. В тумане река кажется совершенно неподвижной, как озеро. Проходит минут тридцать.

– Саня, клюёт?

– Поводок с крючком оборвал! – доносится до меня его возбужденный голос. И почти следом слышу его вопль:

– Есть! Попался!

Я четко слышу плюханье его рыбы. Судя по всему, крупной. «Э-э, паря, да ты ещё не взял его, а уже победу празднуешь... Рыба в воде – ещё не твоя рыба...»

Нет, повезло Ларионову. С четвертой попытки оказалась рыба в подсачеке, видать, крепко зацепилась крючком, глубоко заглотнула, если позволила себя одолеть такому профану. Уже в сетке оборвала всё-таки она последний поводок настроя, да поздно.

Около семи утра Ларионов выплыл на берег с Томи. Радостный, возбужденный – сияет его рыжевато-желтое лицо. Фиксы желтые поблескивают, жесткие волосы на голове топорщатся. Руки в рыбьей слизи и чешуе. Язь попался. И весьма приличный – на кило с четвертью! И мне-то таких не часто на Томи ловить приходится, не то, что Ларионову – новичку. На четвереньках Саня пробирается в палатку со своим язем в руках; Вене сонному тычет рыбиной в лицо, хвалится...

– Саня, ловил таких? – спрашиваю его

– Нет, первый раз в жизни! Вот это рыбалка! Вот это плюхи! Ещё бы поймал, если бы поводки не пообрывал... Давайте, остановимся тут ещё на ночьку, – предлагает он.

Окончательно одолело солнышко туман лишь часам к девяти. Пригревать стало, припекать. Раза два пытались в воду забраться, да минут через пять обратно выскакивали – как-то уж слишком резко вода похолодала после дождей.

Распластал рыбу. Парочку килограммовых лещей на уху оставили, остальную присолили по темновской технологии в мешке полиэтиленовом. Мешок в яму поставили, что Веня ножом в глине, у выво-

ротка, выкопал. В холодок, да сеном прикрыли сухим. Авось, и до дома довезём.

Пока я с рыбой возился, Ларионов с Веней соревнование устроили по отлову ельцов. Заплыли метров на двадцать от берега, кормушки с кашей вчерашней опустили, и в проводку наяривают одного за другим. У Вени, между прочим, лучше получается. Десятка три надергали, и не маломерков, каких я утром поймал, а добрых, увесистых.

Казан семилитровый под уху полным от рыбы оказался – ложка стоит. Уху сварили, похлебали наваристую, и половинки не осилили. Пить, однако, не стали – на вечер, после рыбалки, решили перенести это занятие. У костерка посидеть. Рыбод Веня на мелочишку налегает – рыбы скелеты в огонь летят один за другим. Мухоту отгоняет от себя липкими руками. Саня с головами лещовыми, как классный анатом, расправляется: каждую косточку обсосал, покрывает от удовольствия.

После ухи в сон меня потянуло. Забрался в душную палатку – нагрелась на солнце уже, да деваться некуда. Проспал до вечера.

Уж чем мои напарники занимались – не знаю. Философствовали, должно быть. А как Вене без этого? На то он и Вениамин Алексеевич! Да и Ларионов не промах. Ларионов – шукшинист. И как филологу, и как киноведе – есть где разгуляться. Большой знаток Василия Макаровича! Монографию даже написать успел Ларионов. В Алтайское книжное издательство приняли, да тянут что-то с изданием.

Проснувшись часов в семь вечера, искупался, освежился. Вроде, нормально, жить можно. Переоснастили оборванные поводки с крючками на настроях. Из картофельной сетки да проволоки, что на берегу валялась, Сане подсачек соорудили. Узковат и мелковат получился, да ведь всё лучше, чем с никаким. Так же, как и вчера, около десяти вечера, заплывать наладились. Солнышко уже село.

Первым я успел заякориться, примерно, во вчерашнее место. Снасть в воду опустил. Ларионов с Веней ещё у берега копошились. Поворачиваю голову в их сторону и обомлел... от невиданного зрелища.

Со стороны Кемерова по направлению на Зеленогорск, через всё небо, движется НЕЧТО: что-то похожее на диск, размером с солнце, но не такой яркий. Внутри диска отчетливо видны светящиеся огоньки, но какие-то блуждающие: то четыре-пять за-

горится, то один-два останется, в виде ярких звёздочек. От самого диска идет яркое свечение, и на расстоянии трех-четырех его диаметров – яркий кольцевидный нимб. Всё это передвигается по небу с севера на юг. И достаточно быстро, но абсолютно бесшумно.

– Мужики! – кричу я, – смотрите, что это такое?

– Где? Где?

– Да за вами, со стороны поляны, от Кемерово, над лесом...

Обрывистый берег и высокий лес за небольшой полянкой на плато, видимо, скрывали первоначально от них движущийся объект.

Первым его увидел Саня. Он уже успел отчалить от берега. Затем и до Вени дошло видение.

Вдруг диск, пройдя с четверть небесной сферы, вошел в кучевое облако. «Ага, значит не ниже восьми-десяти километров идёт,» – подумал я.

То, что выходило из-за облака, повергло меня в некоторый животный страх. Из-за сизоватого облака выглянула огромная круглая физиономия. Мне показалось, что я чётко различаю рот, глаза, нос... Потом эти блуждающие светящиеся точки снова перегруппировались, и лицо приобрело совсем иной вид.

Втроём, с разных ракурсов наблюдали мы всё это не менее минуты. Также бесшумно это НЕЧТО, что мы определили как НЛО, скрылось где-то за Зеленогорском.

– А какого дьявола они тут разлетались? – изрекает Веня.

Под впечатлением виденного мы находимся достаточно долго, возвращаясь к этому в своих разговорах, обсуждая, что же это могло быть? Сошлись всё же на НЛО.

Рыбалка, между тем, разворачивалась, примерно, по вчерашнему сценарию. До одиннадцати вечера у меня было три пустых поклёвки, не считая, разумеется, чебачьих. Одну из них я определил, как язичью. Однако...

После половины двенадцатого Ларионов и Николаенко вновь выплыли пустыми. Хотя и стояли на сей раз за мною, по самому фарватеру.

Вдоль нашего берега, как и вчера, начали шастать трактора, бродить полуночные люди со стороны Фомихи.

На берегу друзья мои распалили костер. А у меня зазвучала лещовая симфония: поклёвка за поклёвкой. Были и пустые, и

много сходов. А между ними и удачные. С наступлением темноты снова подошел крупняк. Взял даже одного на два килограмма!

Выполнив свою восьмивостовую норму, при общем весе не менее десяти килограммов, выплыл к моим береговым романтикам. Опять были восхищения Вени и Ларионова, сетования на собственную невезуху.

– А если бы каждый по столько поймал, куда рыбу девать? – спрашиваю их.

Разогреваем уху, что осталась недоеденной. Достали белоголовую.

– Ну, за тебя, Афанасьич, за твой успех! – тамадит Саня.

– Лучше за НЛО, – отговариваюсь я.

– И чего это они тут разлетались? – повторяет философ Веня свой вопрос.

Эх! Хорошо пошло под ушicu! Откуда-то со стороны Зеленогорска выглянула ущербная луна. Посветлее стало, вроде, вокруг, жарче и веселее.

Глухо, по-жестяному, звякнули наши эмалированные кружки по другому разу. Потом и по третьему. Моя перцовка в ход пошла. На лирику потянуло.

Месяц спрятался за тучи,
Спят речные берега.
Хороши июльской ночью
Сенокосные луга,

– заводит Ларионов свою любимую.

... Да и часто так бывает,
Что не спим мы до утра.
Ой, ты, ночка луговая –

Сенокосная пора..., – подтягиваем мы с Веней.

Ладно, задушевно получается. Или нам так кажется...

Песни песнями, а подвыпивших философов – хлебом не корми – поговорить дай. Веня садится на своего любимого «конька» – этику.

– Да какая этика с моралью в наше время? – возражает Саня.

Веня мастерски перепасовывает от современности в историю философии. До Фрейда дело дошло. Ясное дело – о чем ещё могут говорить поддатые мужики, хоть и ученые – о женщинах. Ну, а Фрейд – как нельзя лучше – для этой темы подходит. От Фрейда ниточка к Кьеркегору протянулась. Заикнулись на экзистенциализме. Мелькают имена Хайдеггера, Ясперса, Кафки, Камю, Поля Сартра, Симоны де Бовуар... От изначальной концепции Кьеркегора с его «Либо-либо» переметнулись к теории пограничной ситуации.

Я, как истинный дилетант, начинаю им возражать, по-софистски, схоластически. Дескать, в искусстве, и до Кьеркегора эти вопросы неплохо отображались. Ещё во времена античной трагедии. А Гамлет? С его извечным вопросом «Быть или не быть?» А «ваша» пограничная ситуация для индивида, мол, и в нашей литературе вполне прилично отражена. Да вот, хотя бы и в «Сотникове» у Василя Быкова... А Януш Корчак? Это ли не живой пример этики в пограничной ситуации?

— Ну, ты — Цицерон! — определяет Веня. — Тебя не переговоришь и не переслушаешь — рта открыть не даёшь...

Что правда, то правда. Сам себе потом противен бываю. Как начну вспоминать наутро — чего понавороочал — будто кошки по живому царапают. Стыдоба...

Забираемся в палатку. И там, нет-нет, да и вернёмся опять к НЛО.

— И чего это они тут разлетались? — достаю я Веню его же вопросом.

-5-

Утреннюю рыбалку, естественно, пропустили. Поднялись лишь часов в девять, когда желтолицый пилигрим уже давно плёлся своим извечным августовским маршрутом. Квёлые, мы бредём к воде — выгонять остатки ночного змия.

Водичка взбодрила, а ещё лучше — подобное подобным. Как-то опять веселее стало жить. Выпотрошили вчерашнюю рыбу. Присолили, оставив парочку крупных, кило по полтора, лещей. Свернули свой табор и около двенадцати дня отправились дальше.

Течение фомихинского плёса подхватило наши лодчонки и ровненько понесло вниз. Перед крапивинским водозабором несколько усилилось. Бурунчики заиграли на поверхности. И снова выровнялось на повороте. От водозабора Томь делает петлю, почти на сто восемьдесят градусов разворачивается. Вдоль излучины, по левому, довольно высокому и обрывистому берегу, разбежались крапивинские строения.

Устье Мунгата миновали, Каменушку. И вовсе течение пропало. За вёсла братья пришлось. Часа два маячила крапивинская фанза — так мы окрестили возвышающуюся стеклянную веранду на втором этаже домика с крышей, края которой загибались вверх, наподобие китайских фанз.

Перед очистными, на обрывистом берегу, пирамидка памятника забелела.

— Колчаковцы, небось, кого-нибудь рас-

стреляли — высказываю предположения я, вспомнив памятник в Чумае.

— Может, причалим — посмотрим, — предлагает Саня.

— Как-нибудь в другой раз, — отвечает командор. — Вон, видите островок с песчаным берегом. Давайте-ка туда. Перекусить надо бы да искупаемся.

И впрямь, жарко совсем стало. Перед островным водоразделом шумок послышался нарастающий, вода зарыбила спереда — пережат обозначился. Потряхивает на мелкой бойкой волне наши лодки. Каменное дно быстро проносится под водой. Успеваем даже заметить снующих рыбешек». Хариусы? Или ельцы? Скорее, хариусы...

Пониже пережата пристаём к чистому песчаному берегу-бугру, метра на два с половиною возвышающемуся над водой. Подымаемся на бугор и оттуда, с разбега — в воду. «Ай, хорошо! Ай, благодать!» Почти сразу от берега — обрыв. Зато дно, как и берег — песчаное, замшевое, ногам приятно.

Саня демонстрирует нам нечто необычное: скатывается прямо на животе с самого верха и уходит головою в воду. Раз, другой, третий. Понравилось. Я фотографирую его. Половина туловища с головою уже в воде, а зад в плавках и голые ноги ещё на берегу.

Перекусили. Дальше поплыли. Остров миновали, длинный плёс потянулся. По правую сторону, вторым ярусом, за широким плато, лесистые горы с увалами сопровождают нас. Прямо по курсу, справа, к самой воде гора подобралась. Далеко видать. Вроде, и течение неплохое, а всё одно, гора почти не приближается. Часа полтора до неё тянемся. Слева, на равнине, дом из красного кирпича, этажа на три, виднеется.

— Это кто же успел тут устроиться?

— Фермер какой-нибудь, вроде нашего Толкова, — высказывает предположение Веня.

— Откуда у фермера деньги на такой домике?

... Голова разболелась: должно быть, солнцем напекло. Аж в глазах зарыбило.

Всё отчетливее проступает высоченная опора на самой макушке горы. Километра два до неё. Вдоль низкого берега, в самую гору огромная тополиная гряда упирается. Начинаю узнавать эти места.

Змеинка. А у подножия горы, где заканчивается тополиная гряда, лет семь назад,

мы с Малютой стоянку делали, сплавляясь от Крапивина по большой воде, в конце мая. Тут, в черемошнике, впервые пенье соловьев всю ночь слушали.

Поравнялись с горою, под проводами высоковольтки проплыли. Тополиная гряда берег поменяла. За Змеиной горой, по правому берегу, огромное ровное плато. Когда-то здесь была весьма приличная деревня. Осталась же улочка, десятка в два домишек. Дачники, в основном, обосновались. Даже кемеровчане встречаются – таку-то даль. Как добираться до Змеинки? «Заря» – и та перестала ежедневно ходить. И паромов нет. Оторваны от цивилизации совсем. Единственное благо – электричество. А может оно и лучше так-то...

Тягун пошел. Совсем течение исчезло. А глубина-то ого-го! До семи метров ямы попадаются. И это в самое летнее мелководье... По самому фарватеру бурую пену – грязь крупными пятнами тянет, а между ними поблескивает что-то. «Ба! Да это же хариусы!» С десятков насчитали.

– Афанасьич! Ты, кажется, хотел хариусов половить? Собирай! – с горечью сетует Веня. – Да-а-а, крепко где-то траванули...

Вдоль Змеинского плёса гребём уже с полчаса. Голова до рвоты раскалывается. И красоты не радуют.

– Веня, давайте причаливать, – почти умоляю я.

Почти перед самым островом, откуда начинается Банновская протока, причаливаем. Меня мутит. Выпиваю пару таблеток анальгина и бросаюсь на надувной матрац прямо у самой воды. Вырвало. Однако, не полегчало. Третью таблетку проглотил. Худо совсем. Ребята без меня палатку ставят, сушняк на костер стаскивают. До меня доносятся запахи свежей жареной рыбы: обоим лещей в огромную глубокую сковороду умудрились уторкать.

– Иди рыбу есть, – приглашают меня.

– Нет, не могу.

– Тогда – чайку!

Я с трудом поднимаюсь с матраца. Меня всё ещё колотит, как от озноба. Во всём

теле непонятная слабость. Подхожу к костру. Пью, обжигаясь, чай, заваренный по Саниному рецепту и из его компонентов. Ни к чему другому не притрагиваюсь. Вроде, полегче становится. Другую кружку Саниного зелья выпил.

– На, черёмухи пожуй, – предлагает мне Ларионов. Наломал где-то в черемошнике небольших веточек, унизанных гроздьями черной спелой ягоды.

Высасываю терпковатую, немного вяжущую ещё, мякоть черёмухи, косточки сплёвываю на землю, отворачиваясь от костра. Саня хрумкает с косточками, словно мельница, дробит своими золотыми зубами.

Полегчало. Решаюсь всё же остаться на берегу костровым. Веня с Ларионовым заплывают вдвоём. Я наблюдаю, как повыше нас, карпы плюхаются на тихой закатной поверхности воды. Раз, другой, третий, пятый, десятый... Будто поддразнивают рыбаков, заывают: «А попробуйте-ка, возьмите нас, поборитесь!» Невольно поворачивают свои головы и Саня с Веней на каждый громкий всплеск.

Смеркаться начинает. Вдоль нашего берега, на мелководье, темнеющее зеркало словно закипает. Сплошные рыбы всплески: то ли плавится, то ли кормится рыба мошкой мелкой, кишачей над поверхностью. Видимо, хариус, а может, и другая какая мелочевка. Я не могу удержаться от искушения половить удочкой. Беру телескопическое черное удище, червя насаживаю. Пробую в проводку. Дальше, ближе забрасываю, глубину меняю – хоть бы одна дёрнула. Просто издеваются надо мною!

Около полуночи выплывают Саня с Веней. И в третий раз без рыбы. Веня умудрился встать на зацепы и оборвать настрой. У Сани была лишь одна пустая поклёвочка...

В палатке засыпаем быстро: сказываются две бессонные ночи и некоторое пресыщение уже костровой романтикой. Ларионов, правда, пытается спеть свою «Ночку луговую», но не получает нашей поддержки и замолкает...

Людмила Тарасова- Чидилян

Тарасова-Чидилян Людмила Ивановна родилась в Белове. Окончила Кемеровский государственный институт культуры. Призер поэтических конкурсов, автор нескольких книг, публикаций в литературных изданиях, на радио и телевидении. Работает в Кемеровском городском классическом лицее. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Все случилось до меня

Сочи. Пляж, разогретый солнцем.
Малолюдно. В шашлычной «Гранат»
Из раздаточного оконца
Улыбается официант.

Волны пляшут в лучах заката.
Про несчастную про любовь
Под гитару поют ребята.
Осы тырят гарнир-морковь.

Мальчик худенький с парапета
Не решится никак нырнуть.
Разгоняется, как ракета,
Тормозит, и в обратный путь.

Пахнет морем, Мы с Алей – дочкой
О Булгакове говорим,
Вспоминаем Шекспира строчки,
«Каберне» пьем и сыр едим.

Ах, продлись, не кончайся лето!
Время, время, прерви свой счет!
Но, пусть мальчик тот с парапета
Все же прыгнет и поплывет.

Солнечно-рыжий день.
Осень. В тени горсада
Я на скамейку сяду.
Томно и думать лень.

Дел на сегодня нет.
Редко, но так бывает.
С тополя лист слетает,
Ветви кивают вслед.

Нежат лучи теплом,
Пахнет бархоткой прелой,
Муха на астре белой
Греется перед сном.

Дальнего смеха звук,
Рдеют плоды рябины,
Вывесил паутины
Позолотить паук.

Господи! Благодарь!
Что же еще мне надо?!
Хочется в листопады
Внучку из школы ждать.

Старый парк Железноводский.
Сколько лет
Приезжаю я к тебе. Фонтан, бювет,
Металлическое кружево оград.
Галерея, где который год подряд
Шел ремонт. Открыли, наконец,
Все увидели диковинный дворец:
Купол, башенки со шпилем

рвутся ввысь.
Все несущие конструкции сплелись
В небывалый и причудливый узор,
Блещет крыша серебром на фоне гор.
Весь стеклянный и ажурный, словом, вид,
Будто он средь зелени парит.
В парке арочных беседок хоровод,
Где опять кого-то кто-то ждет и ждет.
И сиянье экзотических цветов,
И продажа паутинчатых платков,
Кружек с носиком картинно-расписных,
Меда, тапочек, кореньев золотых.
Через каждые сто метров – музыкант:
Гитарист ли, вокалист ли – все талант
Из страны, которой в мире нынче нет,
Согревает сердце музыка тех лет.
Клены, ясени стеною разрослись,
Ветви их вверху переплелись,
Получился вдоль дорожек коридор.
И поет разноголосый птичий хор.
И сквозь кроны пробиваются лучи
И нежны, и веселы, и горячи.
Воздух свежестью насыщен и теплом.
И собаки у киоска за углом
Вместе с кошками на солнышке лежат.
И слезинки на моих глазах дрожат:
Уезжаю. Все останется, как есть,
Будто время в парке вздумало присесть,
Да забылось, засмотрелось, видно, вслед
Той стране, которой в мире нынче нет.

На бетонно-литом постаменте
Перед входом в клуб цинкзаводской
Два вождя всех народов на свете
Охраняли районный покой.
Они вдаль неотрывно смотрели,
Будто в небо руками рвались,
От дождей и метелей калели
И на солнышке летом пеклись.
Мы с подружками Тоней и Галей
У вождей в великаньих ногах
В заколдованный замок играли,
Троны делали на сапогах,
Клад из бус у подножья хранили,
На ботинках кот Васька дремал,
И вождей мы по-детски любили,
А за что, никто точно не знал.

Но однажды, ночью порою,
Вождь усатый куда-то исчез.
Увлеклись мы другою игрою,
Стали бегать на речку и в лес.
Вождь в ботинках на месте остался,
Но, казалось, чуть взгляд опустил.
Он и раньше-то не улыбался,
А теперь и совсем загрустил.
Я его понимала, жалела.
И чтоб как-нибудь развеселить,
Прислонившись к ноге, звонко пела
О стране, где мне радостно жить.

ГАСТРОНОМ НА УЛИЦЕ ТЕЛЬМАНА

За футбольным школьным полем стали
строить гастроном.
Мы в детсадике мечтали,
что как замок будет он:
Золоченые прилавки и хрустальные весы,
И ковровые дорожки.
И лари для колбасы.
А продукты, ах, продукты –
все бесплатно и для всех,
Но у нянечек мечтанья
вызывали тихий смех.
В год, когда пошли мы в школу,
сдали новый гастроном.
Хрусталя и позолоты не было,
конечно, в нем.
Двухэтажный, на два входа,
но в витрине – красота:
Нарисованные фрукты,
рыба красная кета
И с ромашками корова, и шампанское,
и торт.
И еще светились буквы там,
где выход и где вход.
А внутри ну просто – чудо!
Чудо, что не говори!
До сих пор я не забуду,
что увидела внутри:
С красочной «мозаикой» стены в птицах,
листиках, цветах.
Пол из мрамора с узором,
потолок весь в зеркалах.
И зеркальные витрины
в окруженье пирамид
Из консервов и згущенки,
а на полочке блестит
Лесенка из шоколадок,
будто веерная вся.
(Я тот час засомневалась в том,
что сладкого нельзя.)
А в молочном загляденье!
Как чудесно хороши
Маргариновые астры, розы, голуби, ежи.

В кадке, возле кассы с ручкой,
 фикус важно процветал
 И В витрине отраженный,
 как заморский гость блистал.
 А кассирша с продавцами нарядились
 в колпаки,
 Кружевные с отворотами
 из розовой фольги.
 Как царевны улыбались,
 будто это для кино.
 Мы сперва их чуть боялись,
 но ходили все равно
 В день по три, четыре раза за халвой,
 за молоком,
 То за хлебом, то за квасом,
 жили-то недалеко.
 С продавцами подружались,
 знали всех по именам,
 Они тоже изменились,
 даже радовались нам.
 Но из «винного» тетя Надя,
 не по злобе, от души,
 На мальчишек наших глядя,
 говорила: «Алкаши
 Мужики! И ваши тоже,
 погодите, подрастут
 И за рюмкой с папиросой,
 как шальные побегут!»
 Мы смеялись. Газировку автомат
 нам наливал.
 Ах, как нам хотелось счастья!
 Каждый верил. Каждый ждал!

Мы собираемся на концерт

Сегодня в клубе смотр талантов
 цинкзавода,
 Из всех цехов придут
 на праздничный концерт.
 И мама достает из шкафа и комода
 Шифоновый костюм, сережки и браслет,
 Из креп-жоржета шарф
 и замшевые туфли
 На шпильках, с бантом,
 ах, вот мне бы их надеть.
 У мамы в пошлый раз
 в них пальчики опухли,
 Но мне до каблучков сто лет
 еще взрослеть.
 Опять мне белый бант
 повяжут на макушке,
 Красивый, но хочу с листочком ободок,
 Зато на платье есть и вышивка, и рюшки,
 И на концерте я должна вручить цветок.
 А в зале на столе, покрытом одеялом,
 Недавно с братом нас на санках
 в нем везли,

Людмила Тарасова-Чигилян

Бостоновый костюм папуля
 гладит с паром
 И просит, чтоб еще водички принесли.
 Мой папа – музыкант, руководитель хора,
 И в хоре у него плавильщики поют.
 Собрал их по цехам, и говорят, что скоро,
 На смотре областном
 им выступить дадут.
 Утюг шипит,
 и пар над брюками клубиться.
 Мы с папой «Буря мглой»
 в два голоса поем,
 А мама пудрит нос,
 слегка чернит ресницы
 И говорит, что в клуб
 мы братика возьмем.

Живу, изнемогая
 Без радости полета.
 Мне скажут: «Блажь какая!»,
 А все ж взлететь охота.
 Да, невозможно, знаю,
 Но живы ощущения,
 Когда в окно врываюсь
 Я в мир из помещенья.
 Без лишнего движенья
 Врываюсь на свободу,
 Как будто я с рожденья
 Плыла по небосводу.
 Блаженство, упоенье,
 С душой согласно тело,
 Вот так без пробужденья
 Летела б и летела.
 Но утром просыпаюсь
 И не могу смириться,
 Что ввысь не поднимаюсь,
 А мой полет лишь снится.
 И иногда, признаюсь,
 Болит мускулатура:
 Тайком взлететь пытаюсь,
 Подпрыгиваю. Дура.

Приметы Сибирской весны
 Когда растают на полях снега,
 Пополнят ручейками рек течение.
 И станут дождевыми облака,
 И радужных мостов мелькнет течение.
 И ветер донесет черемух цвет,
 Щемящий запах с улицы Весенней.
 И дворник вдруг, поймет, что он – поэт
 И луже посвятит стихотворенье.
 С работы трезвым явится сосед
 (Бутылку все же принесет с собою).
 И контролер подарит мне билет,
 И улыбнется, и дыхнет колбою,
 Тогда вороне я дворовой подпою –
 «Весна пришла на родину мою!

Джалалү

Облака на горы прилегли,
Ветер травы трепетные клонит,
На закат пастух отару гонит,
Дым костра виднеется вдали.
Испокон веков Кавказа вид
Наблюдали прадеды Джалала.
Как бы жизнь по свету не мотала,
Все ж душа без Родины болит.
И в своих счастливых взрослых снах
Ты нашел заблудшую овечку
И стоишь, прижав ее к сердечку
На азербайджанских на ветрах

Анүфрнєвой Танє

Танечка – красotka
Из мальчишьих снов.
Бьет стрела – походка
В сердце пацанов.
Ангел светлоокий
Танька-сорванец.
В воспитанье строгим
Был ее отец.
Дочку вместо сына
Жизни он учил:
Починить машину,
Врезать, что есть сил.
В огороде-поле
Сеять и копать.
И стараться в школе
Отвечать на «пять».
Словно чудо-птицу
Муж ее словил
И увез в столицу,
Да гнезда не свил.
Нынче вся в заботах
И без выходных,
Да на трех работах
Пашет за двоих.
Папу схоронила,
И болеет мать,
Но дает Бог силы
Сына поднимать,
За рулем девятки
По Москве кружить,
Другу без оглядки
Денег одолжить.
Устает от боли.
Танечка, не плачь!
Хватит еще воли
Внучке бросить мяч.
Помнишь, как с крылечка
Он влетал в наш двор?!
Пусть скатился в речку,
Но плывет с тех пор!

Моя свєкровь

Мама Олик-Рипсима старенькая стала,
Не спускается во двор.
«Нет сил, устала».
А, бывало, обежит рынок на Нафтлуге,
И проворнее нее не было в округе.
Ростом метр пятьдесят,
чуть спина согнута,
Крючковатый нос,
а взгляд проникает будто
Прямо в глубину души и теплом ласкает.
Маму Олик-Рипсима весь Орхеви знает.
На заводе ЖБИ, и откуда силы,
Дозировщицей была и бетон грузила.
Сыновей и дочерей к делу приучала,
И бесчисленных гостей,
как родных встречала.
Вечерами перед сном изучала прессу,
Говорила:
«Вай, ме, вай! Что творят балбесы!»
Вмиг осунулась, когда рухнула держава
И партийный свой билет
на виду держала.
Далеко теперь живут ее дети, внуки,
И сжимается, щемит сердце от разлуки.
Плохо видит Рипсима, и беда со слухом,
Без зубов, едва встает, но не пала духом.
Говорит, уже давно смерти не боится,
Но у Бога просит сил,
чтоб за нас молиться.

Дней былых не обновить,
Время быстротечно.
Я жила, живу и жить
Собираюсь вечно.
Травы нежные мои:
Лопухи, ромашки,
Старожилы воробы,
Бабочки, букашки,
Ветер в кронах тополей,
Во дворе тропинка,
Волны зреющих полей,
По-над Томью дымка,
Запах сена на лугах,
Меда и полыни,
Сок малины на губах,
Радужные ливни,
Долгожданный летний зной,
Теплые рассветы –
Невозможно, чтоб со мной
Умерло все это.
И не знаю я пока
К вечности дорогу,
Но смотрю на облака,
Доверяюсь Богу.

Все случилось до меня:
Рыбы бездну заселили,
Птицы небо веселили,
Звери жили, как родня.

Прародитель мой, Адам,
Не просил за грех прощенье.
Зыбкий круг жизневращения
Был за это миру дан.

Благодатная Земля
Кровь и пот перерождала,
Терпеливо возвращала
Травы вешние в поля.

Запах леса и лугов
Перевоплощался в трели
И стихи, и акварели
Окрыленных чудаков.

Все случилось до меня:
Нрава моего зачатье,
Воскресенье вслед распятью,
Жажда завтрашнего дня.
Все случилось для меня.

Людмила Тарасова-Чигилян

А. Гержидовичу

Л уна меж елями в окошке
Е два мерцает. Кот и кошки
О пять у ног мурлычут. Печь
Н агрела за день избу. Лечь
И спать пора, да вот не спится:
Д уша на божий мир дивится.

Мой стих не прописался
В распахнутой тетради.
Он сам себя стеснялся,
Скитался Христа ради.

В нем было ожиданье
Внезапной тихой встречи.
И зыбкость обладанья,
И простодушность речи.

Он верил всем на слово,
Надеялся на милость.
Как школьник, бестолково,
Я у него училась.

Эльмира Афанасьева

Афанасьева Эльмира Маратовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ и кафедры литературы и русского языка КемГУКИ. Автор более 60 научных работ, среди них: Русская стихотворная «Молитва». Антология. Томск, 2000; Феномен книги в художественном мире М. Ю. Лермонтова. Кемерово, 2007. С 2005 года ведущая авторской рубрики «Невыразимое» о русской литературе, культуре и мифологии (областное радио Кузбасса).

НЕВЫРАЗИМОЕ: Д.С. Лихачев и русская культура

Запись интервью на областном радио
о Лихачевских чтениях в Кузбассе

Горё душа летит,
Всё необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.
*В.А. Жуковский «Невыразимое»
(Отрывок)*

Авторская рубрика «Невыразимое» о русской литературе, культуре и мифологии впервые вышла в эфир на областном радио «Кузбасс» 6 июня 2005 года. Вполне предсказуемо, первая передача была посвящена жизни и творчеству А. С. Пушкина. Таким образом, день рождения «Невыразимого» стал своего рода «точкой отсчета» в осмыслении до-пушкинской и пост-пушкинской истории в контексте предлагаемых сюжетов. Задача, которая стояла на тот момент передо мной, как автором нового проекта, заключалась в формировании диалога с аудиторией, уже в какой-то степени отвыкшей от серьезных разговоров и раздумий над судьбой национальной культуры. Отказавшись от жанра «монолога», «беседы», более характерных для радиопередач, я настаивала на диалогизации в осмыслении каждой темы, ориентированной на широкую публику. Выполнить эту задачу было невероятно сложно, но был выбран, как представляется, единственно верный вариант её реализации. Ещё до выхода передачи в эфир, в большинстве случаев материал «проверялся на реакцию». Первыми критиками становились иногда случайно встреченные люди: студенты, заглянувшие в аудиторию, секретари и лаборанты университетских кафедр, преподаватели; чаще в диалог вовлекались друзья и родные. В ответственный момент записи передач в студии безошибочным критерием становится реакция звукооператора, который в данной ситуации является единственным (и подчеркну – профессиональным) слушателем. Удивительная вещь – человеческие эмоции: радость, недоумение, раздумья и т.п., и т.д. – рождающиеся в процессе размышлений о русской культуре и литературе, в частности. Это тем более важно в авторской рубрике, ведь подавляющее большинство тем «Невы-

разимого» – адаптированные для широкой публики варианты научных исследований, поисков и находок.

Отдельный жанр, который с неимоверным энтузиазмом осваивался в процессе работы на радио, это жанр интервью, именно он отвечал идее реализации высокопрофессионального диалога. Раскрыть личность собеседника, максимально представить область его деятельного созидания, научных открытий – то, что требуется в предлагаемой ситуации. А так как в большинстве случаев я была в эпицентре научных событий, хорошо знала область исследовательских интересов, тематику конференций, сферу поисков людей, приглашенных в студию, создавалась та атмосфера, о которой можно только мечтать. О чем бы ни шла речь, рождалось открытие, о котором мы всегда говорили после записи передачи.

Предлагаемая публикация – это расшифровка интервью, вышедшего в эфир областного радио «Кузбасс» в 2006 году. Я рада предоставленной возможности познакомить читателя с размышлениями над истоками русской словесности филологов, область научных поисков которых всегда находится в поле моего внимания. Ведь радиопередача, как маленький спектакль, сиюминутна. Публикация даёт возможность продлить сиюминутность, ориентируя поднимаемые вопросы в сферу читательского сознания. Остальное – в интервью о «Лихачёвских чтениях», где раскрывается лаборатория исследовательской деятельности, идет речь о древнерусских житиях и литературном творчестве царя Алексея Михайловича.

Афанасьева Э. М.: Здравствуйте, сегодня мы открываем новую страницу невыразимой мощи и глубины нашей культуры, связанную с судьбою человека, посветившего свою жизнь осмыслению истоков русской литературы. 2006 год проходит под знаком празднования 100-летия со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Он родился 15 ноября 1906 года (по новому стилю – 28 ноября). То есть родился он еще в царской России, на его глазах она превращалась в новое государство. Человеческой болью проникнуты воспоминания учёного о разрушении церквей, об искажении облика старорусских городов, о забвении истории. Основной темой научного исследования Лихачёва была Древнерусская литература, литература периода летописания. С переводом древнерусских текстов на современный

русский язык стало возможно их изучение не только в вузовской программе, но, что немаловажно, и в школе. Почему этот факт столь значим для национального самоопределения? Дело в том, что история литературы, восходя к духовным, религиозным первоосновам, начинает осмысляться в контексте духовной тысячелетней истории России. Свою исследовательскую концепцию Д. С. Лихачёв представлял в ведущих мировых вузах, в частности, в Англии и в Италии. Последние годы жизни академика совпали с годами перестройки. 20 августа 1991 года, на следующий день после путча, Лихачёв выступает на митинге против государственного переворота. Его человеческая позиция проявляется в отказе подписать письмо против академика Сахарова, и – в реализованной инициативе перезахоронения царской семьи. Он ушел из жизни 30 сентября 1999 года, и вместе с ним ушла целая эпоха.

Сегодня мы говорим об уникальном исследовательском диалоге, который был организован специалистами гуманитарного профиля: преподавателями Кемеровского государственного университета и Университета культуры и искусств. Я представляю гостей нашей студии: заведующего кафедрой литературы Кемеровского государственного университета культуры и искусств Александра Викторовича Шункова и профессора Загребского университета, откликнувшуюся на инициативу сибиряков, – Наталью Петровну Видмарович.

Первый вопрос к Александру Викторовичу: «Скажите, пожалуйста, как организован научно-исследовательский диалог, связанный с осмыслением трудов Д. С. Лихачева в Кузбассе?»

Шунков А. В.: В последнее время, начиная с мая, весны, 2006 года, <...> в Кемерово установился поистине потрясающий диалог преподавателей двух гуманитарных вузов Кузбасса: это Кемеровский государственный университет культуры и искусств и Кемеровский государственный университет. Объединив свои усилия, преподаватели решили отметить дату 100-летия академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва таким образом: организовать научные чтения, посвященные обсуждению проблем, которые постоянно интересовали Д. С. Лихачева на протяжении всей его творческой жизни. Это вопросы изучения древнерусской литературы, русской культуры, русского искусства. И такой диалог состоялся в мае 2006 года с приглашением двух известных в России исследователей средневековой русской литературы, непо-

средственно работавших с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Это – Елена Константиновна Ромодановская, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, член-корреспондент РАН, и Ольга Николаевна Бахтина, профессор Томского государственного университета. Обе исследовательницы предложили <...> темы, наиболее интересные в изучении средневековой русской литературы. Ольга Николаевна Бахтина вела речь о старообрядческой литературе. Елена Константиновна Ромодановская прочитала открытую лекцию как для студенческой аудитории, так и для профессорско-преподавательского состава двух вузов, посвященную осмыслению русской литературы XVII столетия. Диалог продолжается до сих пор между гуманитарными кафедрами двух вузов. И как следствие интереса диалога преподавателей состоялось еще одно мероприятие, инициатором которого выступил департамент образования Кемеровской области <...>: организовать научные чтения для учителей Кемеровской области «Д. С. Лихачев и русская культура», прошедшие 9 ноября на базе ГОУ «Губернаторская женская гимназия-интернат». <...>

Афанасьева Э. М.: Итак, речь идет в основном о педагогах, о преподавателях вузов, учителях школ. Скажите, пожалуйста, а насколько школьники задействованы в этом событии – осмысления истоков русской литературы и идей Д. С. Лихачёва?

Шунков А. В.: Последние полгода, с мая месяца, действительно, можно говорить о том, что в Кузбассе, в Кемерово непосредственно, царит особая атмосфера. Наследие Дмитрия Сергеевича Лихачёва привлекло внимание не только специалистов, постоянно занимающихся изучением средневековой русской культуры, древнерусской литературы, но и школьников, причем самого разного возрастного уровня. Это и среднее звено (5–7 классы), это и школьники 10–11 классов. Департамент образования предложил школам провести конкурс творческих работ, посвященных осмыслению наследия Дмитрия Сергеевича Лихачёва, той роли, которую сыграл Д. С. Лихачёв в развитии русской культуры XX столетия. Конкурс вызвал неподдельный интерес как со стороны учителей, так и учащихся общеобразовательных учреждений. Насколько мне известно, департамент образования на свой адрес получил огромное количество творческих работ, итоги которых будут подведены в конце ноября 2006 года.

Афанасьева Э. М.: То есть и преподаватели университетов, и учителя школ в этом году ориентированы именно на школьную аудиторию, на осмысление и древнерусской литературы, и основ нравственности, о чем писал Д. С. Лихачёв.

И мы можем говорить о создавшемся научно-исследовательском диалоге.

Шунков А. В.: Совершенно верно, диалог между учеными двух университетов; преподавателями вузов – и учителями школ – и учениками.

Афанасьева Э. М.: Хотелось бы отметить, что Александр Викторович является исследователем истоков русской литературы и представлял свою концепцию на конференции, посвященной памяти Д. С. Лихачёва, которая проходила в Ярославле. Скажите, пожалуйста, насколько ярославский контекст по-новому осмысляет идеи Д. С. Лихачёва?

Шунков А. В.: Ярославль (музей-заповедник «Слово о полку Игореве») как место проведения научного форума, посвященного юбилею Д. С. Лихачева, был выбран неслучайно. Именно здесь, 13 сентября 1985 года, при участии Д. С. Лихачёва был открыт музей «Слово о полку Игореве». Чтения, посвященные изучению литературы, истории, культуры России и приуроченные к этой юбилейной дате, являются очередными. Седьмые юбилейные чтения собрали огромную аудиторию исследователей, многие из которых были лично знакомы с Д. С. Лихачёвым. Доклады, прочитанные на пленарной части, <...> были посвящены рассмотрению роли личности Д. С. Лихачёва в развитии русской медиевистики. Выступали сотрудники Пушкинского дома – Отдела древнерусской литературы, выступали сотрудники ярославского музея-заповедника с исследованиями, посвященными «Слову о полку Игореве», памятнику, который занимал центральное место в исследованиях Д. С. Лихачёва.

Афанасьева Э. М.: Действительно, «Слово о полку Игореве» – перевод, комментарии к «Слову...», составление «Энциклопедии к «Слову о полку Игореве»», открытие музея – это всё было в поле зрения Д. С. Лихачёва. Настолько ли органично восприятие этого памятника древнерусской литературы на Западе – также как и в России? Были ли проблемные, спорные вопросы <на ярославской конференции>?

Шунков А. В.: Казалось бы, «Слово о полку Игореве» является уже хрестоматийным текстом. Это произведение, которое широко известно. Литературный памятник, публикуемый во всех школьных хрестоматиях, по

сути, это единственное произведение средневекового периода русской литературы, которое хорошо было известно в советский период. И, казалось бы, каких-либо проблем в изучении и восприятии «Слова о полку Игореве» быть уже не может у современного читателя. Однако проблемы существуют, и о них в своем докладе говорил А. Г. Бобров (вед. науч. сотр., д-р филол. наук Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Докладчик, рассматривая историю сборника, обнаруженного Мусиным-Пушкиным, в составе которого находилось и «Слово», обратил внимание аудитории на активные попытки современных западных исследователей вновь представить памятник как литературную подделку, выполненную в XVIII веке. Именно эта точка зрения высказана в исследованиях американского исследователя Эдварда Кинана (профессора Гарвардского университета), который утверждает, что мусин-пушкинский сборник никогда не существовал, и это историческая фикция. А. Г. Бобров еще раз напомнил аудитории о той титанической научной работе по изучению «Слова...», которую вел Д. С. Лихачёв, опровергая доводы скептиков и доказывая обратное <...>

Интересно было сообщение такого плана. Профессор из Франции Евгений Вольский <...> поделился своими впечатлениями о той ситуации, которая до сих пор сохраняется во французской славистике, основателем которой является всем нам хорошо известный Андре Мазон, который в XX веке активно высказывал идею о фальшивости «Слова о полку Игореве». Идея, которая была опровергнута отечественной школой медиевистики во главе с Д. С. Лихачёвым. Но до сих пор в Сорбонне, по словам докладчика, имя Андре Мазона является авторитетным. И западноевропейская славистика считает точку зрения Андре Мазона непоколебимой в изучении «Слова о полку Игореве», в установлении исторической истины: написано ли «Слово...» в конце XII столетия или есть более позднее произведение, сочиненное или Мусиным-Пушкиным, или близким ему окружением? Для французской науки это однозначно: «Слово...» – есть памятник новейшей эпохи.

Афанасьева Э. М.: Да, конечно, этот вопрос, этот спор имеет для русской культуры – ключевое значение, потому что через «Слово о полку Игореве» по большому счету идет самоопределение, национальное самоопределение. И этот спор, естественно, будет

продолжаться, и мы должны ориентировать и школьную, и учительскую аудиторию на осмысление всей древнерусской литературы, всех сохранившихся, опубликованных памятников, чтобы суметь отстоять национальные позиции. И я передаю слово человеку, который занимается агиографией, и приезду которого мы несказанно рады. Это – профессор Загребского университета Наталья Петровна Видмарович, занимающаяся изучением житийной традиции. Наталья Петровна, расскажите, пожалуйста, что такое агиография и в чем природа славянского, русского жития.

Видмарович Н. П.: Я приветствую всех слушателей. И для меня, конечно, является большой честью принимать участие в Лихачёвских чтениях. У меня осталось очень хорошее впечатление. Я, конечно, расскажу нашим коллегам о том, как проходили чтения, о том, какие были заслушаны доклады. Что касается агиографической, житийной традиции, об этом можно было бы говорить бесконечно. Начну с того, что агиография и житие – это одно и то же, только одно греческое слово, а другое чисто русское слово. Дело в том, что когда касаются проблемы жития, и когда произносят слово «житие», всегда в памяти возникает что-то очень скучное, очень неинтересное. И, действительно, если неподготовленному, неискушенному читателю открыть любое житие и прочитать, то он там практически ничего для себя не сможет найти. Проблема связана с тем, что отношение к житиям, к сожалению, очень сильно изменилось. Жития воспринимают очень часто как литературный памятник. А житие не является литературным памятником, оно является, прежде всего, частью нашей религиозной жизни, частью православной культуры, частью религиозного сознания. Ведь разве не удивительно то, что такие выдающиеся писатели, как Толстой, Достоевский, Лесков, Гаршин и многие, многие другие, <...> создавая свои самые знаменитые образы, опирались, прежде всего, на житийную традицию. То есть они видели что-то в житиях такое, что мы, к сожалению, сейчас уже не можем видеть. Что же они могли увидеть в житиях? По-моему, интригующим является, прежде всего, название самого жития. Очень часто житийный текст носит двойное название: «Житие и страдание», «Житие и подвиги», «Житие и мучение». А иногда носит совершенно непонятное название: «Житие и жизнь». Разве это не одно и то же? Выясняется, что это – не одно и то же. Жизнь – в смысле жизнь человека от рождения до

смерти, и житие — как путь духовного подвизания. Вот если подойти к житию именно с этой точки зрения, если его не просто прочитывать, как обыкновенный текст, а подходить к нему с благоговением, трепетно, так, как это делали когда-то наши предки, тогда житие постепенно (не сразу, конечно) откроет перед вами все свои тайны. Точно также, когда мы приходим в церковь, мы иконе молимся — мы ее созерцаем, но ни в коем случае не рассматриваем, такое же отношение должно быть к житиям.

Жития — это не просто биографии святого. Это, по сути дела, даже и не биографии: парадоксально то, что мы в житиях практически не найдем каких-то сведений о чисто практической, повседневной жизни святого, мы найдем довольно мало исторических сведений. Это — путь подвижника, путь человека, который посвятил себя, как говорится в святоотеческой литературе, самособиранию, то есть восстановлению в себе образа и подобия Божия. Это очень древняя традиция. Она формировалась еще в Византии, в первые века христианства или, даже можно сказать, почти с рождением христианства (чуть позже). Прошла очень длительный путь развития в самой Византии — это около семисот лет. И в уже законченном виде — и в языковом, и в композиционном, и в содержательном, — перешла на Русь сразу после её крещения.

Афанасьева Э. М.: Д. С. Лихачев, обращаясь к духовным основам русской культуры, говорит о таком понятии, как исихазм. Поясните, пожалуйста, в чем суть этого явления — исихазм?

Видмарович Н. П.: Дело в том, что Д. С. Лихачёв указал на один очень важный аспект, который <...> является ключевым в подходе к житиям и к анализу житий. Это — понятие исихазма. Лихачёв упоминает этот термин, когда говорит об особом стиле, распространенном в XIV–XV веках — плетение словес. Позднее многие ученые, опираясь на идеи Лихачёва, доказывали, что стиль «плетения словес» существовал даже ранее XIV века, в XII и XIII. <...> Лихачёв очень осторожно употребляет этот термин, поскольку в советское время к понятию исихазм, к этому явлению, относились крайне негативно. Оно характеризовалось, как некое реакционное течение внутри монашества, которое отличалось неким изуверством, нетерпимостью и мракобесием. Естественно, такая формулировка отталкивала. Между тем, если посмотреть сочинения отцов церкви, то там всё как раз противоположно перечисленному

мною. Исихазм Лихачев связывал со словопотреблением в XIV веке. Он говорил, что в XIV веке, когда повысился интерес к личности человека, к человеческому внутреннему миру, тогда книжники в рамках знаменитой реформы Евфимия Тырновского стали заниматься активно словотворчеством в поисках адекватных форм для выражения внутреннего состояния человека. И исихазм связывался с невыразимостью, с невозможностью познания Бога, с невозможностью познания запредельного, что приводило на языковом уровне к эмоциональности; невыразимость Божественного в слове приводила к многочисленным языковым экспериментам, которые и отразились в житийной литературе XIV, и как утверждают некоторые исследователи, XIII веков. Дмитрий Сергеевич здесь указал на этот важнейший аспект, потому что жития, как я сказала, формировались еще в Византии. А вот как раз в Византии исихазм являлся сердцевинной православия, православие было стержнем византийской культуры, а исихазм являлся как раз тем ядром, на котором покоилась православная (тогда она, конечно, так не называлась) — восточно-христианская культура. Исихазм формировался, прежде всего, как особая монашеская практика, практика аскетической жизни, которая включала в себя уход от мира для восстановления в себе образа и подобия Божьего. С чем сопрягался этот уход от мира? Спустя много-много веков Серафим Саровский скажет, что подвижник, аскет, удалялся от мира не из ненависти к этому миру, но из нежелания созерцать те грехи, которые в изобилии присутствуют в этом мире. Он говорил, что мы, монахи, являемся носителями ангельского чина, а носителям ангельского чина не пристало бывать везде, где оскорбляется величие Божие. Именно в этом состоял мотив, который побуждал будущего аскета удалиться от мира, чтобы там уже предаваться самособиранию. Аскетизм был чрезвычайно ответственным, потому что необходимо было избежать духовного дичания, которому были подвержены многие монахи, не оценившие вовремя трудности этого пути. Поэтому первые аскеты-подвижники (это были величайшие аскеты-подвижники) по крупицам выстраивали практически тот опыт, который потом уже получил теоретическое обоснование. В чем это выражалось? Я приведу только один пример. Антоний Египетский замечал у различных аскетов монахов добродетели: в одном отмечал кротость, в другом он отмечал безгневие, в третьем нестяжательность, — а затем пытался в

себе самом явить все вот эти добродетели. И естественно, описывал, делился этим потом с другими. Так вот по крупницам и выстраивалась эта практика, которая постоянно сопрягалась с теорией.

Афанасьева Э. М.: И, в частности, разрабатывалась идея Божественного молчания. Исихазм и практика молчаливчества: отказ от слова, — как Вам представляется, какое значение имел и для монашеской практики, и для житийной традиции?

Видмарович Н. П.: Я начну сначала с монашеской практики, а потом перейду к житийной традиции. Дело в том, что монашеская практика включала в себя две стадии: праксис и феорию. Вначале необходимо было преодолеть в себе всё то негативное, что отягощает нашу душу, всё то, что приковывает её к телу. То есть победить в себе страсти, приучить своё тело стойко переносить все тяготы жизни, если можно так выразиться. А затем, уже победив в себе эти страсти (конечно, это был очень длительный процесс, иногда он продолжался даже всю жизнь), приступить к феории: божественному созерцанию, к умному деланию, к погружению в самого себя, к анализу своего внутреннего духовного мира, удалению всего того, что называлось душевным вредом, — для того чтобы достигнуть степени так называемого обожения и воссоединения души и тела. Поскольку человек был создан как единство души и тела, но плотское всегда тянет душу вниз. С течением времени, с течением жизни эта греховность увеличивается, если тело берет главенство над душевными, над духовными образами.

Что же касается словесной практики — это звучит парадоксом: с одной стороны, проповедовалось мистическое молчание, а с другой стороны, как бы вопреки этому, вот такое невероятное словообилие, которое просто потрясает, потому что многие слова невозможно семантически разложить на какие-то составляющие, а этими словами, этими выражениями жития буквально перегружены. Это вовсе не парадокс. Поскольку Божественное невозможно отразить в слове, невозможно выразить единым словом или двумя-тремя словами, поскольку оно принципиально невыразимо (но, тем не менее, его надо представить, как-то показать, как-то донести), то книжник и прибегал к описанию, скажем того же святого, с разных сторон, с разных аспектов. И он уже заранее знал, что его попытки обречены на неудачу. И тем не менее, стремясь донести истину до слушателя, он пытался высветить образ с самых различных

сторон. Значит это не просто словесные эксперименты, а поиск адекватных форм, которые он искал и заранее знал, что не найдет.

Афанасьева Э. М.: Я бы хотела обратить внимание на то, как формировалась русская культура, как формировалось особое сакральное отношение к слову на уровне житийной традиции и летописной традиции. И потрясающее, удивительное явление русской культуры — это литературное творчество русских царей. Я вновь обращаюсь к А. В. Шункову, в поле зрения которого — литературное творчество царя Алексея Михайловича.

Шунков А. В.: Надо сказать, что Алексей Михайлович, как писатель, личность интересная и уникальная. До сих пор полный архив царя не введен в научный оборот. Российский государственный архив древних актов располагает свыше 900 единиц хранения бумаг царя. Творчество Алексея Михайловича было разнопланово. И архивные источники еще требуют своего изучения.

Что из себя представляет литературное творчество Алексея Михайловича? Один из ведущих литературных жанров в творчестве царя — жанр послания, который был популярен на протяжении всей истории средневековой русской литературы. Вообще сама ситуация обращения великого князя, чуть позже — царя, к перу — уникальна. До XVII столетия, и даже еще ранее, не существовало практики писательского труда князя. Об этом неоднократно говорилось. Можно упомянуть А. М. Панченко, который отметил этот факт в своих трудах, говоря о том, что на протяжении истории Киевской Руси киевские князья собственноручно не писали. Одна из версий, объясняющая запрет брать в руки перо князю, — это церемониал, который был воспринят еще от Византии: император не писал собственноручно, для этого был штат писцов, которые записывали речи императора. Как объясняет А. М. Панченко, Киевская Русь просто унаследовала церемониал от Византии. И до XVI столетия случаи, когда великие князья проявляли себя как писатели, были буквально единичны <...> Всем хорошо известна личность Ивана Грозного, который является не менее гениальным писателем в истории русской литературы. Но, к сожалению, творчество Ивана Грозного не представлено его автографами. В ситуации с Алексеем Михайловичем мы имеем возможность «видеть руку» царя, второго царя из дома Романовых. Причем рукописи позволяют увидеть творческий процесс создания текста. Когда царь собственноручно делал поправки, вычеркивал

фразы, вносил наиболее приемлемые, с его точки зрения, словесные обороты, соответствующие литературному этикету или более полнее раскрывающие содержание создаваемого произведения. Еще историками XIX века этот факт был подробно описан. Царь настолько увлекался составлением грамот, что иногда терял мысль, высказанную в самом начале. То есть царь любил писать и в этом смысле, чувствовал слово. Его литературное творчество, как я уже сказал, было многопланово <...> Это и документы, и хозяйственные записки царя, и собственный дневник, который он вел на протяжении определенного времени. Сохранилась, например, тетрадь, где царь собственноручно вносил распоряжения хозяйственного характера... Другая сторона писательского наследия Алексея Михайловича – церемониальные тексты. Один из наиболее известных «Урядник сокольничья пути»: описание церемониала посвящения рядового сокольника в начальные. Охота была любимой потехой всех русских царей, история которой уходила своими корнями еще к эпохе Древней Руси и XVII столетия. Царь Алексей Михайлович в русской истории известен не только как страстный охотник, но и как автор сочинения, посвященного своему любимому увлечению.

Интересно и то, что литературное творчество царя представлено ещё и духовным наследием. Здесь речь идет о таких духовных произведениях, как «Сказание об Успении

Пресвятой Богородицы» и Богородичный гимн «Ис Тебе, Пресвятая Богородица Дево». Последний названный текст был открыт и введен в науку сравнительно недавно, в конце 80-х годов XX века. Лишний раз данные факты подтверждают, что средневековая русская литература еще не получила своего окончательного осмысления. Введение в науку новых текстов – это процесс, действительно, нескончаемый. Даже применительно к царю Алексею Михайловичу те 900 единиц хранения в фондах архива древних актов требуют ещё довольно длительного изучения.

Афанасьева Э. М.: Весьма интересная традиция, которую мы можем проследить в русской литературе: царь как писатель, как поэт (стоит вспомнить и Екатерину Великую) и придворные поэты: Симеон Полоцкий, Тредиаковский, Ломоносов, позже – учитель Александра II В. А. Жуковский. И, наверное, на Жуковском эта традиция <придворного поэта> так или иначе прервется. А «поэт и царь» – будет отдельной темой русской литературы.

Говоря об истоках русской литературы, русской культуры, русской письменности, формирования новых жанров, мы можем говорить о преемственности литературой нового времени тех традиций, которые были заложены у истоков русского слова, в литературе Древней Руси, о чем и шла речь в диалоге с А. В. Шунковым и Н. П. Видмарович. <...>

Всего доброго! До новых диалогов о русской культуре!

Любовь к Слову прививается в детстве

Мы хотим представить вашему вниманию небольшую подборку стихотворений воспитанниц Губернаторской женской гимназии-интерната, входящей в Центр непрерывного образования Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Это стихи разных лет. Некоторые гимназистки уже успешно окончили гимназию, другие же продолжают свое обучение.

В гимназии с момента ее открытия в 2001 году сложилось особое отношение к литературному творчеству, передаваемое от одного выпуска к другому. Многим гимназисткам вначале кажется, что писать стихи – это легко и просто. Главное, надо выразить все те девичьи страдания, переживания, которые переполняют душу. А позже уже сами юные поэтессы иронизируют по поводу своих первых стихотворных опытов, казавшихся им лучше, чем у кого-либо. Чего только стоит рифма «любил – забыл». И лишь постепенно, от слова к слову, от рифмы к рифме, от стиха к стиху рождается то, стихотворение, которому и суждено стать дорогим и единственным.

А не писать стихи, живя в гимназии, невозможно! Поэтическому полету мысли способствует множество причин. Даже ме-

стонахождение гимназии, спрятавшейся от города среди прекрасных сосен на берегу Томи. Но это не самое главное. Любовь к Слову прививается на уроках литературы, в студии «Литературное творчество». Девушки посещают литературные вечера, спектакли, встречаются с кузбасскими поэтами. В гимназии издается небольшой альманах «Ante lucem». Ежегодно гимназистки принимают участие в поэтическом конкурсе в рамках областной научно-практической конференции исследовательских работ «Истоки», где постоянно занимают призовые места.

**Екатерина
Сукорцева,**
учитель русского
языка, руководитель
литературной
студии гимназии

Юлия Петрова

Родной Кузбасс

Среди лесов, снегов безбрежных,
Что европейских больше в сотню раз,
Среди полей и речек нежных
Раскинулся Кузбасс.

Здесь небо звездами искрится,
А дождь пылает добротой,
Здесь чувства рвутся ввысь, как птицы,
И здесь мне хорошо с тобой.

Лариса Дмитриева

Осень

Как колдун, взмахнув рукой,
Осень пробудила ветер,
Опутав этот мир земной,
Что был так чист, красив и светел

Паутиной ночей звенящих,
Ожидающих дней роковых,
Суматохой листьев кружащих
И суровой зимы позывных.

Вот и звонкий рассвет восходит,
Вот и ветер гудит в набат,
Это Осень владенья обходит,
Превращая в золото сад...

Как незаконченная строчка
В стихотворении забытом,
Как непоставленная точка,
Она осталась неоткрытой.

Елена Зорина

Моя звезда

(Перевод с английского)

Все, что я знаю так точно о звездах,
Я в небо кидаю, как пламенный воздух.
И алые стрелы, блеск бледной лазури
Увидеть хотите сквозь темные бури?
И та, что ведет, называясь звездой,
Мне красным и синим дорогу откроет.
А после, как птица парящая, встанет,
Подобно цветку по дороге завянет.
А вам утешаться над этим Сатурном,
Но что мне звезда в этом воздухе бурном?
Мне душу она открывает, наверно,
За это ее я люблю так безмерно.

Белая роза

(Перевод с английского)

Роза красная – шепот страсти,
Словно сокол с огнем в крови.
Роза белая – голубь в ненастье –
Говорит о дыханье любви.
Я дарю тебе белые розы
С огоньками на тех лепестках.
Для тебя – это сладкие грезы,
Ну а мне – поцелуй на губах

Елена Крыжановская

Мы с тобой не встретимся в раю,
Хоть любовь моя к тебе сильна.
Окрыленная, я на краю стою,
Я тобою гибельно больна.

Мне любовь к тебе в подарок два крыла,
Как луну и солнце, поручила.
Убереечь я их уберегла,
Но любовь, вручив их, позабыла.
Что не встретятся ни солнце, ни луна
На одном бескрайнем небосводе.
И теперь я мучаюсь одна,
Полоненная тобою на свободе.

Мне б взлететь,
вспорхнуть с тобою ввысь,
Но я вновь хожу, а не летаю.
Я люблю, а ты не любишь, нет,
Для меня ты словно солнца свет,
А я снег – на солнце лишь сверкаю,
Но от солнца гибель мне...
Я таю...

Я безумно люблю вьюгу снежную,
Утра свежесть раннюю, нежную,
И траву от росы сырую,
И безбрежную тьму ночную,
Неподвластное буйство стихии –
Сердце, дух могучей России!

Непроглядная вьюга белою тьмой
Все вокруг собою закрыла,
Ветер в танец повел
белый снег за собой,
Пелена белый свет заслонила.
И не видно пути, лишь белесый цвет,
Колкий снег о лицо бьется,
А вокруг – ни души,
лишь прозрачный свет
Отовсюду струится, льется...
Вьюга, свежесть и ветер шальной
Все живое гнет – не ломает.
И в душе моей буйство и снежный зной
Все бывшее с пути сметает.

Анна Лоцманова

Рябина

Во мглу погружается вечер,
И слышится крик журавля.
Иду я, и вдруг мне навстречу
С пригорка рябинка сошла.

Горят ярко-красные бусы,
И платье закату под стать.
Ей осень с изысканным вкусом
Сумела наряд подобрать.

Поздняя осень

Ярко-красный, но студеной
Поздней осени накал.
Золотые листья с кленов,
Словно бритвой, ветер снял

И стоят, как новобранцы,
Зябко жмутся вдоль дорог.
Затянул хрустальным гляncем
Лужи тоненький ледок.

Не щебечут птицы в поле,
Над селом туман густой.
Только озимь в чистом поле
Зеленеет, как весной.

Жаворонок

Лишь к нам приходит добрый май,
Я слышу жаворонка пенье.
Весна, благословенье дай
Прекрасному земли творенью.
Чуть утром солнышко встает,
А жаворонок весь в работе.
Он так божественно поет:
Чудесный голос в позолоте.
Роняет звуки, как цветы,
И в синеву бросает песнь простую,
А нотки этой песни так чисты,
Как будто слышим мы мелодию живую.
Природа-мать, ты просто рай,
Нет, храм, в котором слышно песнопенье.
Ты чудо-пташку к людям выпускай,
И пусть поет всем нам на удивленье.

Ирма Гафнер

Лето

Лето – светлая пора,
На дворе стоит жара,
И растут кругом цветы,
Им порадуешься ты.

И природа так прекрасна!
Все цветет, все не напрасно!
Все нам радость придает
И гулять в лесу зовет.

Отблеск солнца на реке,
Искры видно на воде,
Словно при пожаре,
Жизнь в самом разгаре!

Лето многими воспето.
От жары земля прогрета,
Иногда идут дожди,
А потом растут плоды.

Проявление красоты,
Символ жизни, символ света,
Как и я, его любви
Лето, солнечное лето!

Нина Нинжина

Зима

Ах, зима— красавица,
Как она нам нравится.
Снова снег и снова горки,
Снова ждем веселой ёлки.
Не хочу идти домой,
Веселимся с детворой.
Но темнеет, ужин ждет,
Да и мать домой зовет.
Ну, а завтра снова снег,
На горе веселый смех,
Иней, ветер и мороз
Не пугают нас всерьез!

Татьяна Колодина

Бабушке

Тихая избушка с дымкой над трубой.
Бабушка-старушка склонилась над плитой,
В горнице просторной чистенько, светло,
На столе в кувшине млеет молоко.

И огонь задорно, весело трещит,
А на печке кошка ласково мурчит
Здесь же хлебец теплый остывает, ждет,
Бабушка-старушка песенку поет.

Вечер пред иконою. Тихая, она
Молится за внуков, радости полна.
И Господь внимает всем ее мольбам,
Скажет и подскажет, что же делать нам.

Бабушка родная, чистая душа
Не жалеет людям малого гроша.
Самой лучшей в мире бабушке моей
Пожелаю счастья, самых светлых дней.

Ночь

Звезды яркие в небе зажглись,
И луна возле них, как пастух.
Светом жгучим костры взвились,
Солнца яркого свет потух.

И прохлада ночи, как родник,
Опоила округу росой.
Клен к березке, как парень, приник,
Опьяняя ее красотой.

С каждым звоном травинки в тиши,
С каждым шорохом птицы ночной,
Чувства, словно каменья, с души
Все ушли в травянистый прибой.

И останусь я здесь до утра,
Отпущу свои мысли во тьму.
Беды все пусть уйдут во вчера.
Красоте этой ночи вниму!

Ксения Фалалеева

День ушел, и сумрак ночи
Перетек в ночную тьму.
Ни кузнечик не стрекочет,
Ни гудит пастух в дуду.

Спят коровы, свиньи, козы,
Рыбы спят в реке, в пруду,
Лепестки сомкнув, спят розы
В ботаническом саду.

Но не спится часовому
У военных у складов,
Как и сторожу ночному,
Что на взлом пальнуть готов.

Грабежи предотвращая,
Он своим дробовиком
Гулким выстрелом пугает
Вора в промысле ночном.

Луна

С нею связана недаром
нашей юности пора...
Помогает юным парам
до утра гулять без сна.
Удивительную силу
обретает Лунный Джинн.
Без Луны не быть приливам
и авариям машин.
Полнолуние ли не чудо
из больших земных чудес?
Кто она, Луна,
откуда, как создание небес?

Звезды прекрасные, светлые, ясные,
Блеском алмазным меня вы встречаете;
С неба загадочно вы мне мигаете;
Знаю, что дождь нам на днях обещаете.

Надежда Торопова

Три лягушки

Три подушки,
Три лягушки,
Три веселые подружки.
И все трое на диване
Говорят о таракане.
Таракан в углу сидит
И усами шевелит.
Погрозил им кулачком
И притопнул башмачком.
А лягушки –хохотушки
Взяли усача в лапчушки,
Взяли, в ротик положили,
Разжевали, проглотили
И обеду рады были.

Весна

Запели птицы радостно,
Вот верба расцвела,
И в мире слышу возгласы:
«Весна! ура, весна!»
Пора любви и прелести,
Тепла уже пора.
Повсюду крики детские,
Ликует детвора.
Уж сняли шубы теплые
И в кофточках спешат
Веселые, румяные
В цветущий, светлый сад.
Гуляют поздно парочки,
На убыль день идет
И слышен звук тальяночки,
И радостен народ!

Евгений Грибачев

Грибачев Евгений Алексеевич, 21 год. Студент пятого курса Кемеровского государственного университета культуры и искусств (факультет народного художественного творчества, кафедра эстрадного оркестра).

Рвется на волю душа

Стихия свободы

Я жил на свободе, был вольным,
как ветер:

В охоте, в делах налегке.
Но племя мое, всех милее на свете,
Манило огнем вдалеке.

Родная стихия: свобода и воля
В другой бы я умер с тоски...
Внезапного плена коварные цепи
Зажали, сдавили в тиски.

Враги ликовали. Холодные взгляды,
Косматые, словно зверье.
На копьях корявых мгновенно распяли
Могучее тело мое.

О, кто вы такие, пришли вы откуда?
Оставьте в покое меня.
Без воли моей и родимых просторов
Прожить не смогу я и дня.

Не чувствуя боли, я думал в неволе,
Что дальше постигнет меня?
Тяжелое рабство и горькая доля?..
Ни ночи, ни светлого дня...

Энергия зверя пружиной взметнула
Затекшие мышцы мои.
Сметая с дороги врагов ненавистных
Я мчался оскалив клыки.

И снова просторы, ну вот я и дома!
Бегу, от волненья дыша!
Не сможет никто удержать за решеткой,
Коль рвется на волю душа!

Знойной ночью
На пляже под луной,
В песке горящем,
Лежали мы с тобой.

Ласкали волны
Слияние двух тел,
И в звездном небе
Огонь любви горел.

Это все мы называли мечтой...
Так давай ее осуществим!

Давай все бросим,
Давай сбежим
На тихий остров.
И будем там жить.

На диком пляже
Построим свой дом.
Солнце, ветер, песок и волны,
И мы вдвоем...

Пытались звезды
С тобой пересчитать,
Но сбились на 2008-ой.
Теплые волны продолжали нас ласкать,
Пока мы наслаждались тишиной.

Не пожалев ни разу ни о чем,
Срывали звезды с неба перед сном,
Чтоб целоваться под ночным дождем.
Мечту свою исполнили вдвоем...

Маме

Проходит время незаметно,
Мелькают дни, летят года.
И в поиске тепла и света,
Я вижу мамины глаза.

Я слышу голос мягкий, нежный.
Он и сейчас звучит во мне.
Поток твоей любви безбрежной
Течет всегда в моей душе.

Я вижу днем сиянье солнца,
А ночью вижу свет луны.
Но с тьмой я не боюсь столкнуться,
Ты огонек моей души.

В момент побед и поражений,
Со мною рядом ты была.
Так много тягостных решений,
Принять когда-то помогла.

Утраченного не добудешь,
Года возьмут свое потом.
Но для меня ты есть и будешь
Неувядающим цветком.

Ты указала в жизнь дорогу,
Как мне тебя благодарить?..
Знай, ты не будешь одинока,
Сын будет мать всегда любить!

Вновь солнце взошло,
Мир волшебства дарит оно:
Мир вечных лесов,
Чистых озер, синих холмов.

Мир, свет мечты,
Вечных грез, красоты.
Дай мне взлететь,
В унисон с ветром спеть!

Нет в вечности слов,
Горестных слез, плена оков.
Стань вольным навек
Ведь живешь ты человек!

Я не хочу быть безликим рабом,
Везде и всюду угодным.
Слугой мне не быть, как не быть вожаком,
Я останусь навеки свободным!

Эй, ты назвал себя королем,
Грозя всех неверных казнить.
Ты их подчинил огнем и мечом,
Но меня тебе не подчинить!

Перед тобой не согну я колен,
И не сделаю шагу назад.
А если увижу, что кто-то согнул,
Пну в оттопыренный зад!

Без жалости пну, с отвращеньем,
За то, что поклон лишь отдал.
Ведь он, найдя снисхождение,
Свободу свою потерял!

И я не жалею покорных,
Кто остался сидеть на цепи,
Я орел в небе просторном,
Я мустанг в дикой степи.

Последнее слово всегда за тобой,
Ты вправе решать за себя.
Либо ты будешь чьим-то слугой,
Либо станешь свободным, как я!

Сон

Мы вместе с тобой, друг друга нашли,
Сбылась, наконец-то, мечта.
Теперь для меня живешь только ты,
А я живу для тебя...

И рад бы поверить я в эти слова,
Быть счастьем своим ослеплен,
Но кончится ночь, открываю глаза,
И вновь исчезает мой сон.

И вновь серый день, я увижу тебя,
Увижу свой сон наяву.
И сердце свое, как осколок стекла,
О стену реальности бью.

Но как только ночь прервет суету,
Не в силах тебя я забыть.
Я сердце свое по кусочкам сложу,
Чтоб завтра снова разбить...

Уж лучше бы я тебя не встречал,
И в сердце была пустота.
Тогда бы я небо не умолял:
«О, пусть мне приснится она!»

Сон это мир иллюзорной мечты,
В которой я вижу тебя.
А раз это мир, то в нем можно жить,
Если уснуть навсегда...

И я принесу в жертву себя,
Чтоб забыться, уснуть вечным сном.
Останусь тогда я с тобой навсегда,
Ведь во сне лишь мы будем вдвоем...

Гимн Красному Броду

В великой Российской державе,
Кузбасса надежный оплот,
Могучие плечи расправил,
Горняцкий разрез «Красный Брод».

С веселым и звонким задором
И ночью и днем, круглый год,
С блестящей улыбкой и взором
Врезается в недра народ.

Доблесть шахтерская, слава народная,
В деле рабочем важны...
Воля к победе — мечта благородная!
Люди — богатство страны!

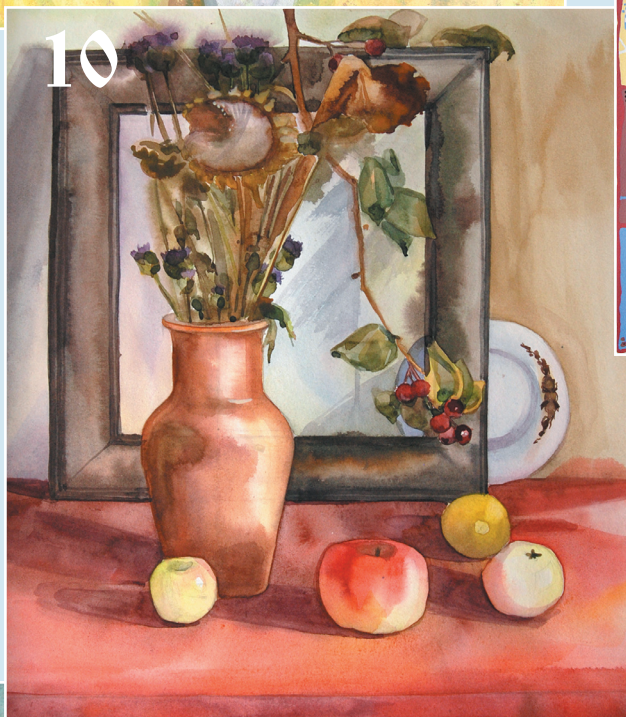
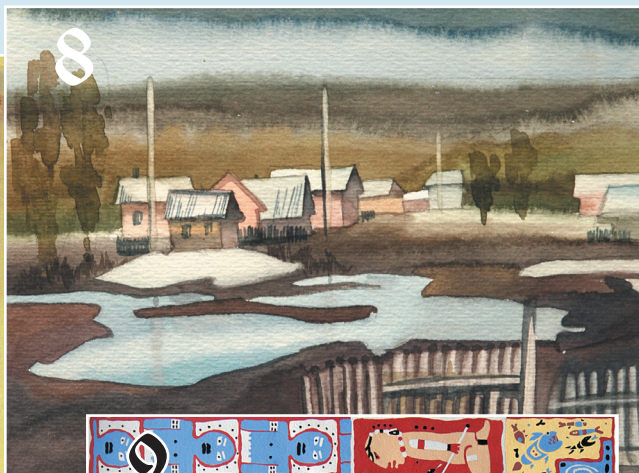
Рожден ты на зареве века
В Сибирской морозной дали,
Упорство и труд человека
Окрепнуть тебе помогли.

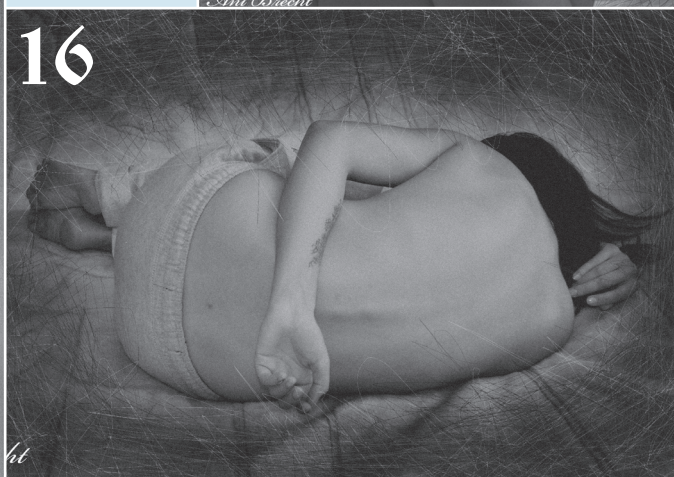
В лихую годину, в ненастье,
Ты лишь становился сильнее.
Бороться с врагом и напастью,
Своих посылал сыновей!

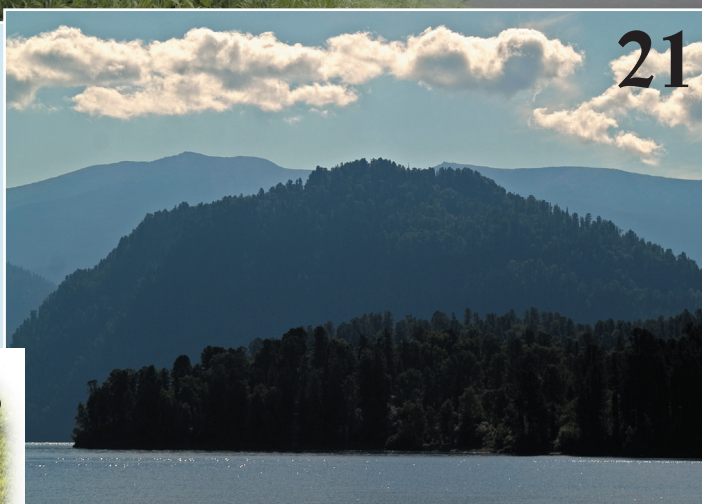
Когда-то рабочий поселок,
Теперь целый угольный край.
Вобрал в себя веси и села,
Живи Красный Брод, процветай!

Пускай зеленеют равнины,
Жнивьем косятся поля,
Листву распускают осины,
Родит плодородьем земля!

Юлия Лавряшина

Лавряшина Юлия Александровна родилась в 1965 году в Кемерове. Окончила библиотечный факультет Кемеровского государственного института культуры. Работала в НТБ КузПИ, библиотеке школы №89. С 1995 года занимается литературной деятельностью. Прозаик, автор тридцати трёх романов, из которых на сегодняшний день издано двадцать четыре, нескольких повестей, серии рассказов, сборника поэзии, ряда пьес, киносценариев. Издавалась в Москве, Новосибирске, Кемерове. Публиковалась в журналах «Знамя», «День и Ночь», «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс». Лауреат литературного конкурса памяти С.Н. Дурылина (2009 год) в номинации «Драматургия» (пьеса «Улитка в тарелке»). Лауреат премии Кузбасса за большой личный вклад в культуру Кузбасса (2000 год). Номинант литературной премии «Русский Букер-2006» (роман «Фальшь истины»). Пьесы готовятся к постановке в Московском областном ТЮЗе. Член Союза писателей России. Живёт в городе Королёве, Московской области.

СВОБОДНЫЕ ОТ ДЕТЕЙ

(Фрагмент романа)

Мне все мерещится, что он вот-вот задаст этот вопрос. Что его пересохшие губы, по которым то и дело пробегает острый кончик языка, наводя на мысль о сахарном диабете, сейчас прошепчут, пробормочут, проорут этот проклятый (хотя и новый для России) вопрос в прямом эфире на всю страну. И тогда я вынуждена буду признаться:

– Я просто не люблю детей. Не хочу их. И, судя по всему, уже не буду их иметь.

Пошлости насчет того, что на самом деле это дети имеют нас, не добавлю. И возраста своего – рубежного для рождения ребенка – не назову. Не в нем ведь дело... Я просто не люблю детей.

Элька, с которой что-то необъяснимое свело меня еще в школе и держит до сих пор, всегда отвечает именно так. Утверждает это своим сознательным выбором («My choice!»), и вскипает маленьким блестящим чайником, когда ловит меня на том, что я до сих пор отношу свое неприятие визжащих, пакостных, беспардонных представителей рода человеческого – к патологии. Она отказывается понимать, почему я считаю неправильным то, что мне глубоко противны эти маленькие изверги. Порой меня и саму удивляет это, ведь здравый смысл подсказывает, что иначе и быть не может: стоит только присмотреться внимательнее к тому, что творится на уровне наших колен...

Один из таких кудрявых ангелочков только что, когда я ехала в Останкино, корчил рожи с заднего сиденья семейной машины, ползущей передо мной. Он мотал башкой с высунутым языком, оттягивал уши, пальцем сплющивал кончик носа, пользуясь моей полной беспомощностью: не выскочишь ведь из машины посреди проспекта, и не бросишься догонять их машину, чтобы выволочь его на дорогу и сделать то, на что его родители по высшим соображениям не решаются.

Вчера в кафе мне тоже просто до жути хотелось перекинуть одну девчонку через колено, отшлепать от души, но сдержалась, проявив нечеловеческую невозмутимость. Хотя существо, которое ни с того, ни с его вырвало

у меня блокнот, куда я хотела кое-что записать для работы, и принялось носиться с ним по залу с хохотом питекантропа, заслуживало порки. Или то, что мы сидели за соседними столиками, дает право на хамство такой пробы? На ее взгляд, видимо, да. И я просто чего-то не понимаю, когда дело касается детей, потому что родители этой чудо-девочки спокойно сидели и улыбались, поглядывая, как она уничтожает мой блокнот.

— Она только поиграет немного и отдаст, — мило заверила меня ее мать.

— Не стоит, — отозвалась я, поднимаясь. — Он уже осквернен вашей паршивкой... Теперь ему место только на помойке, куда я и вашу дочь отправила бы.

Пока шла к выходу, не оборачиваясь, видела их перекошенные лица. Души переполнены священным негодованием: «Как посмела?!» К своей малышке — никаких претензий.

И все же во мне продолжает жить глубинное ощущение, что это моя беда, некий порок зрения — то, что я замечаю только таких незрелых чудовищ, которые, не дай бог, дозреют, особенно не изменившись, и не вижу ангелов, которые наверняка ведь есть. Ангелов с нежными овалами светлых лиц и теплыми маленькими ножками, о которых столько говорят все рожавшие женщины... Что за пагубный фетиш — эти розовые ножки?

Элька в ответ вытягивает ногу: «Своими любоваться надо! Ты просто мало любишь себя».

Люблю. Только себя и люблю настоящему. Никого другого так не знаю, как себя, ни в ком так не уверена, как в себе, ни на кого другого не положусь... И потому ревностно оберегаю свой покой, свой талант, который требует работать по десять-двенадцать часов — главная радость жизни, а потом крепко спать. И чтобы ничьи вопли среди ночи не заставляли вскакивать с постели в холодном поту. К чему так издеваться над собой?

...Но сейчас, перед телекамерами, я не собираюсь обсуждать всего этого. Неугомонный язык моего интервьюера опять мелькает перед глазами. Кажется, что рядом со мной голодный хищник, готовый вцепиться в горло... Впрочем, такое впечатление журналисты производят независимо от того, что выделяет их язык.

Голос звучит вкрадчиво, будто слабый луч пробивается сквозь темноту, поглотившую пространство позади софитов. Там — черная пропасть, уцелел только маленький пятачок суши, окруженный камерами, как зона особо строгого режима сторожевыми вышками. Не вырваться.

Под прицелом прожекторов как всегда жарко, но перед съемкой меня напудрили на славу, надеюсь, блеснуть не начну. С телевидения всегда выходишь с чужим лицом и напряженно всматриваешься в зеркало, пытаешься понять: нравишься себе или нет. Потом на экране тоже смотришь на себя с сомнением, свой голос едва узнавая, и начинаешь верить воплям ящиконенавистников, что на телевидение и впрямь другой мир, где живут похожие на нас существа, но все же не люди.

— А теперь, если позволите, несколько личных вопросов...

Слова действуют задымлением, одновременно проявляя, будто рельеф монетки проступает сквозь бумагу, которую заштриховывают карандашом, что и в обволакивающем голосе нет никакого света. В чем он почудился мне? И сам молодой акуленыш, наделенный языком, похоже, отбил от цыганского табора — черные кудри жесткими спиральками, во взгляде мрачное обещание хлыстом попотчевать, если ретивое не уйму.

Но профессиональная журналистская бодрость, сообщая медный привкус, уже набирает силу:

— Тем, кто только включил телевизор, рад сообщить, что у нас в гостях Зоя Тропинина — модный московский драматург и любимая многими писательница... Или все же писатель? — Ухмылка подчеркивает, что будь перед ним мужчина, подобного лингвистически-полового разбора не возникло бы вовсе.

Поочередно улыбаюсь интервьюеру, имя которого забыла в первую же минуту — зачем оно мне? — и черному глазу камеры. С обратной стороны он ячеисто распадается на миллионы глаз, среди которых больше требовательных, чем восхищенных — всегда кажется именно так. Где в такие минуты тысячи моих читателей? Почему я не чувствую их, хотя помню, что они существуют? Меня допрашивают, распинают перед ними, и никто не ворвется в студию с револьвером Лепаж...

Господи, что за бред успевает пронестись в мыслях за пару секунд, пока отвешиваешь улыбку всему свету!

— Я не стыжусь своего пола, если вы об этом. «Писательница» вовсе не значит плохой писатель. «Драматург» не имеет женского рода, тем не менее, в драматургии женщины всегда интересно работали, несмотря на то, что социальные условия не потакали этому. Вспомните хотя бы знаменитую Афру Бен. Или «шотландского Шекспира» — Джоанну Бейли.

Он нетерпеливо задвигал смуглыми, сухими пальцами, сложив их щепотью, будто пы-

тался добавить перчика в наш разговор. От одного движения чихнуть потянуло...

– Зоя, вы опять о творчестве, а нашим зрителям хотелось бы узнать о том, как складывается ваша личная жизнь.

«Какой деревянный язык! – я едва удерживаюсь, чтобы не поморщиться. – И как его держат на таком канале? Ведь дурак дураком... Даже жалко. Сам явно не понимает».

– Что именно вас интересует?

Один из пальцев пытается вознестись к небу:

– Не меня! наших зрителей.

Вот тут я все же не могу справиться с собой, воздеваю глаза к небу:

– Они там – ваши зрители?

Деланный смех, безупречный ботинок, уложенный на колено:

– А вам палец в рот не клади!

– И не пробуйте.

Надеюсь, камера не показала мои глаза крупным планом... Сама почувствовала, что взглянула на журналиста волчицей. Если сейчас дают общий план, то мои читатели по-прежнему видят маленькую женщину, с мягким, улыбчивым лицом, немного девчоночьим – до сих пор! Незначительная округлость носа, едва заметная неправильность прикуса, все недостатки намеком. Волосы древесной дымкой стекают на шею, но едва касаются плеч. Когда улыбаюсь – сама женственность. Правда, готовая отхлпать полруки, если кто потянется без спросу...

Мне грозит длинный сухой палец:

– А вы достаточно жесткий человек, Зоя Тропинина!

– Ну, что вы!

Старательно скалюсь в камеру, чтобы не отпугнуть последних зрителей, задержавшихся у экрана. Кто, интересно, слушает тот бред, что мы оба несем?

– А то, что вы пишете, гораздо мягче вас, полно полутонов, теней... О каких-то вещах вы не любите говорить прямым текстом, о многом приходится только догадываться.

– На то человеку и дан интеллект.

подавшись ко мне, он лукаво прищуривается:

– А вам не кажется очевидным стремление подавляющего большинства читать ту литературу, что не заставляет напрягать мозг? Или создавать иллюзию интеллектуальной деятельности?

– Вы о современных детективах? Без комментариев.

Откидывается с таким довольным выражением, будто удовлетворен по самое не хочу.

– Пытаетесь никого не обидеть? О так называемой гламурной литературе вас тоже лучше не спрашивать?

– Даже термина такого лучше не произносить! Давайте вернемся к тому, что пишу я.

И он охотно подхватывает:

– Я уже говорил о полутонах вашей прозы. Вы словно рассеиваете вокруг себя тень... Немного холодноватую, но такую спасительную в наше жаркое время.

«Дурак, – изнемогаю я. – Что он несет?!»

– Знаете, Зоя, я сравнил бы вас с прекрасной сакурой.

Это неожиданно даже для меня. Я начинаю ерзать в кресле, чуя подвох:

– Почему именно с сакурой? Вы обнаружили в моей прозе японские мотивы?

Смех уже наготове:

– Нет-нет! Я имел в виду, что сакура очень красиво цветет, но не дает плодов. Понимаете, о чем я?

Больше всего мне хочется сейчас встать и уйти, но я, как бабочка, прищиплена микрофоном, шнур которого придется вытаскивать из-под блузки на глазах у телезрителей. Это будет сильное зрелище...

И я упрямо наклоняю голову.

– Нет, не понимаю. Разве мои книги, мои пьесы нельзя считать весомыми плодами?

Тут ему, наконец, надоедает ходить вокруг да около. Или просто страшно становится чересчур затягивать беседу:

– Зоя, у вас есть дети?

Я по глазам вижу, что ответ он уже знает. Но интервью спланировано таким образом, чтобы хоть бочком спихнуть меня с пьедестала, которого на самом деле и нет. Раньше мужчины дрались друг с другом, в крайнем случае, с ветряными мельницами. Теперь все чаще замахиваются на женщин – бессильно, безрезультатно. Жалко их... Так жалко!

– У меня много детей, – губами ощущаю материнскую нежность своей улыбки. – Причем разного возраста и пола. Есть младенцы, и есть старики. Есть собаки и кошки. Даже рысь была.

– Вы о своих героях!

Так и хочется воскликнуть: «Надо же, догадался!» Я смотрю на подрагивающую передо мной слегка стершуюся причудливым пятном подошву его летней туфли. Люблю разгадывать пятна и размытые рисунки кафельной плитки. Сколько карикатурных профилей, сколько смешных уродцев находишь на них... Минуты, проведенные в туалете, так развивают воображение! Но в том коричневатом, что маячит передо мной, не вырисовывается ничего, кроме расплющенного гигантского таракана.

– Зарождение замысла, его вынашивание и рождение романа – это все сродни беременности. Наверное, это покажется вам крамольной мыслью, но, на мой взгляд, творчество вообще больше присуще женщине.

– Так у вас нет детей?

«Кто о чем, а вшивый...» Неужели всерьез думает, что я начну оправдываться? Удерживаю свою руку, потянувшуюся к кольцу на пальце – не обручальному. Дурацкая привычка крутить его выдает волнение, а сейчас этого нельзя показывать.

– У меня нет детей. Женщине творческой профессии противопоказано рожать детей.

– Даже так?!

– Если, конечно, она не хочет плодить несчастных детей.

Вспоминаю, что надо чуть опустить голову, так я лучше выгляжу на экране. Сестра говорит, что я чертовски фотогенична: всегда смотрюсь такой свеженькой, молодой, глаза блестят... Потом самой смешно смотреть – будто запись десятилетней давности.

Промелькнув над самым столиком, где лежит моя новая книга, расплюснутый таракан впечатался в пол. Оливковое лицо рванулось ко мне, точно цыган запах беды почуял.

– Позвольте, но ведь многие актрисы имеют детей, писательницы... Жорж Санд!

– У которой были няньки. Родить ребенка и отдать его в чужие руки? Зачем тогда вообще его рожать?

– Чтобы положить начало новой жизни! Кстати, ваше имя как раз и значит «жизнь», а вы...

– Я в курсе. Но имя дала себе не я сама, как вы понимаете. По-моему, бессмысленно углубляться в этимологию имен...

– О, Зоя! – темные кисти взлетают, пытаюсь вырваться из белоснежных манжет, опоясавших запястья оковами. – Я вас умоляю: попроще! Нас смотрят сейчас люди разных социальных слоев...

«Если смотрят...»

– Вот и объясните обычной домохозяйке, вы принадлежите к сообществу, именуящему себя «childfree»? Что значит – «свободные от детей», – поясняет он в камеру. – Если не ошибаюсь, вы даже являетесь одной из основательниц этого движения в России?

– Ошибаетесь.

Нахожу взглядом другой объектив, и объявляю как бы всему миру:

– Я вообще не принадлежу ни к каким сообществам. Не приемлю сектанства.

– Звучит резковато! Но вы же член Союза писателей?

– Член, член... Мне еще тридцати не было, когда меня приняли.

– В смысле – грехи юности?

– Я ни от чего не отрекаюсь в своей жизни.

– И если бы вам вернули ваши двадцать лет, вы точно также отказались бы от мысли завести семью.

– Заводятся тараканы и вши. А семья создается. Я, кстати, вовсе не считаю, что институт семьи полностью изжил себя, или является только клеткой.

– Вы поддерживаете институт семьи... Но по вашему последнему роману этого не скажешь.

Говорить с ним все меньше желания, поясняя в камеру:

– Героиня этого романа – художница. И она всерьез хочет подняться в творчестве на настоящую высоту. Это может себе позволить только свободный человек. Сальвадор Дали с Галой не имели детей. Чехов не оставил наследников. Бернард Шоу... Хемингуэй в свое время сказал: «Дети и книги делаются из одного материала – или ты хороший отец, или хороший писатель».

Мой визави то откидывается в своем кресле, то снова бросается ко мне, кажется, в глотку готов вцепиться:

– А как же Бах, у которого было, если не ошибаюсь, двадцать детей?! А Лев Толстой?

– Лев Николаевич, между прочим, говорил, что дети – мученье, и больше ничего. А он имел право сделать такой вывод...

Мне повезло, что он сам подкинул второе имя, ведь Баха крыть нечем. Гениальная музыка и вполне успешные дети, на которых природа не дала себе отдохнуть – необъяснимо! У самого ни славы, ни денег, но – музыка! Но – любовь...

Упустив шанс, он пытается пронзить меня черным прищуренным глазом. Зачем я согласилась на этот эфир? Видела же, как здесь вытягивают жилы.

– Вы пропагандируете жизнь, свободную от каких бы то ни было обязательств...

– Обязательство – это уже не свобода.

– Но ведь с издательствами вы подписываете контракты!

Мягко поправляю:

– Договоры. Да, подписываю, но меня никто не заставляет этого делать. Чувствуете разницу? Я иду на это добровольно. И срок действия договора строго оговорен, и известен обеим сторонам. Если же я рожаю ребенка, то приму обязательство на всю жизнь. Для вас, надеюсь, не новость, что мать – это навсегда. Это слишком большая ответственность, которую я не готова на себя взять. А вдруг я не смогу полюбить этого ребен-

ка? Не смогу обеспечить ему счастливую жизнь? Какой смысл давать человеку жизнь, полную нелюбви и нищеты? Нужна ему такая жизнь?

Он опять плотоядно облизывается:

– Да ведь вы – не бедный человек, Зоя Тропинина! Судя по тиражам и переводам... Ваши пьесы идут во многих театрах не только Москвы, но и всей страны. Гонорары каплют с завидным постоянством.

Вынуждает меня кивнуть:

– Сегодня дела обстоят так. Но кто знает, как будет завтра? Через пять лет? Ребенка назад не родишь, если вдруг иссякнет источник дохода.

– С вашим-то воображением?

Мне хочется что-нибудь кинуть в него, чтобы встряхнуть мозги. Но я только терпеливо поясняю:

– Мы не о том говорим. Дело ведь не во мне лично. Я считаю, что те люди, что объявляют себя «childfree» – обладают повышенным чувством ответственности. Вводить в существующий мир беспомощного ребенка просто опасно. Не вам же рассказывать, что творится в Москве! Да и в других регионах не лучше... Детей похищают и убивают, двухлетних уже насилуют, заставляют сниматься в порнографии. Даже если не касаться таких крайностей, им всем ведь предстоит пройти мясорубку школы. Скажут ли «спасибо» сегодняшние младенцы, когда дорастут хотя бы до семи лет? А если рассуждать более глобально, то не потакаем ли мы дьяволу, вгоняя в тело новорожденного бессмертную душу?

– В каком смысле?

– В том самом, что заковываем ее в телесную оболочку.

– Да ведь Господь и создал человеческое тело!

– Вы уверены?

– А вам не кажется, Зоя, – он уже зудит разъяренной осой, – что, подталкивая женщин к отказу от материнства, вы идете против воли Господней? Не боитесь, что Он за это лишит вас вдохновения?

Я швыряю себя на спинку кресла, изображаю расслабленность:

– Не думаю, что Господу не угодны спорные мысли. Он ведь, скорее всего, только посмеивается, наблюдая за нами. Если все, что мы творим с созданной Им землей, воспринимать всерьез, никакой рассудок этого не выдержит.

Как учуял мой главный страх?! Никакой цензуры не боюсь, все нравственные табу давно испепелила в себе, а то, о чем он ска-

зал и впрямь постоянно трусливо подрагивает в душе: а вдруг... Рассержу... Не ужогу... И все. Не просто главное может кончиться, если выведу Его из терпения, а единственное. Больше ничего и нет в моей жизни.

А грех за собой чувствую: несколько писем уже пришло на мой e-mail от тех чересчур доверчивых читательниц, которые готовы безоговорочно принять понравившуюся книгу, как руководство к действию. Моя героиня, свободная от любых обязанностей, и потому счастливая до неприличия в окружении людей, придавленных чувством долга, разбредила ими самими до того незамеченные ранки, заставила броситься на поиски живой воды. Прочь от гнезд своих, к которым чуть не приросли хвостами или тем, что под ними. На волю, пронизанную густым ветром полей, в спасительное одиночество, в целебную тишину...

Дети, непрестанно визжащие и чего-то нагло требующие, в тех гнездах и остались вместе с разинувшими рты папашами, до того считавшими себя кем-то вроде почасовиков: заглянули вечером, посидели у телевизора, повалились в кровати, и – снова в жизнь. Пусть их там... Сами разберутся.

Разобрались, да только таким образом, что отцы семейств мигом сдулись от укола самолюбия – насквозь. Как жить с детьми? Куда их? Зачем они вообще?!

Но моему интервьюеру с потерявшимся именем всего этого знать не обязательно. Да он и сам уже решил, что глубже копать – себе же могилу выроешь. Как щитом прикрылся банальным интересом к моим творческим планам.

– Как раз после нашей встречи я еду на прогон спектакля, – называю театр, с недавних пор вошедший в число тех, где идут мои пьесы. – Я сделала для них инсценировку сказки Астрид Линдгрен «Рони, дочь разбойника». Так что эта девочка сейчас занимает меня больше, чем все другие дети, существующие и возможные. Это очень современный для России персонаж – энергичная, храбрая, независимая девочка, которая уже рождается преемницей атамана. Швеция-то это, слава богу, прошла, у них женщинам давно нет нужды пробивать себе дорогу грудью... Половина министров – женщины. И председатель Союза шведских писателей, кстати, тоже. Переводчица Мета Оттонсон.

– Вы бывали в Швеции? – Воспользовался он возможностью ускользнуть от щекотливой темы еще дальше.

– Пока нет. Но мы собираемся туда на гастроли. Уже идут переговоры.

- Чего вы лично ждете от этой поездки?
- Чего я жду?..

Я ничего не жду с тех пор, как не стало тебя. Одиннадцать лет пустоты... Безвременья. Чего можно ждать от жизни, которую больше ничто не освещает? Беспомощной летучей мышью, забывшей, что она – вампир, вцепилась в свою писательскую жердочку в углу темного, затянутого паутиной веков чердака жизни, и боюсь оторваться, чтобы не лишиться последней опоры, не опрокинуться в бесконечность Вселенной, которой так панически пугалась в детстве. Зажмуривалась перед сном и представляла, как с немыслимой скоростью несусь сквозь тьму, проколотую крошечными звездами – даже они так далеко от меня, что вспыхивают искрами. Но как бы стремительно я не летела, конца полету не будет, это очевидно. Дна не достигну, потому что его просто нет, так говорят учителя. Значит, ужас будет вечным.

А тебя нет. Вообще нет в этом мире. Ты покинул его, опустошив землю, обесцветив ее. С тех пор я нахожу краски только в том воображаемом мире, где ты продолжаешь жить, и потому все мои герои чем-то похожи на тебя. Хоть улыбкой, хоть именем... Ты – мой проводник в мир несуществующего, откуда родом литература. Но там спуют вовсе не тени, мнившиеся принцу датскому. Ты до сих пор – плоть и кровь. Не только моментами в ночи, но почти постоянно я чувствую тебя так осязаемо, что иногда перестаю понимать, почему до сих пор не перебралась туда, к тебе окончательно... Ведь для меня уже давно в том мире все более выпукло и значительно, сочно и вкусно. Незабываемо.

А что было в этом, обыденном, неважном, хотя бы позавчера – как вспомнить? Разве здесь еще висают прозрачными родинками капли росы на узких травинках, острых, как слипшиеся после умывания ресницы? И встрепанные туи, как только поднявшиеся с постели любовницы, стряхивают с волос налипшие свидетельства их грехопадения? Неужели здесь тоже проступает в небе радуга, вызывающая неизменный восторг, какой испытывала только в детстве, когда мазюкала расплывающейся акварелью на шершавых альбомных листах?

Наверное, это все не умерло вместе с тобой, и кто-то другой продолжает находить эти чудесные мелочи, оправдывающие существование этой реальности. Только я утратила зрение, когда не с кем стало делить уви-

денное... Наверное, не так уж трудно было бы отыскать человека, способного совпасть со мной зрением, сердцем, мыслью. Но мне не хочется другого...

Я не пытаюсь обмануться: нет на свете того Авернского озера, на берегу которого укрылся от глаз людских грот Сивиллы – проводницы в царство мертвых. Не суждено мне повидать тебя, Никита. Энею это удалось, а я даже пытаться не стану. Не вернусь ведь назад, не закончу пьесу, что пишу сейчас, растворюсь в ядовитой воде обманчиво красивого, как сама жизнь, озера, чтобы только просочиться к тебе, окутать невидимым паром, слиться в одно, чего при жизни так и не удалось.

Не в твоей семье было дело, и не в разнице в возрасте, которая всем казалась чудовищной. И многие отказывались поверить в то, что я, двадцатилетняя студентка, с невинными косичками, перетянутыми розовыми резинками, и в неизменной короткой юбочке, могла влюбиться в старика... Причина была в тебе, желающем полутеней, полутонов, перешедших от тебя в мою прозу, прозрачных бликов, утренней прозрачности солнца. Тебе уже не хотелось страсти, ты искал нежности слов, не прикосновений даже, хотя и они были... Но чаще мы обвивали нагие тела друг друга словами, водружали на голову пышные венки только что придуманных фраз, нанизывали на пальцы рифмы – тогда и я грешила стихами.

После твоего ухода – ни одной рифмованной строчки, сплошная проза. Хорошая проза. Ты был бы доволен. Ты не любил занудства и тяготины, от которой пухли и без того «толстые» журналы. Заглянул бы ты в них сейчас... Сам ты писал так, что, глотнув первые слова, невозможно было оторваться от источника, не осушив его до конца. Все забрасывала, принимая к твоей рукописи. Обед? Лекции? Да пусть все катится к черту! Я не встану с дивана, пока эта история не войдет в меня целиком.

– Это было честью для меня, слышишь? Первой читать твои книги. Никому так и не уступила, хотя твоя жена обманывалась до конца, была уверена в своем праве первой ночи. Ей осталось на жизнь это утешение... По хорошему, надо бы узнать, как она там? Старенькая ведь уже... Но я не могу, понимаешь? Ты понимаешь. Не нужно даже спрашивать. Я хотела сказать тебе: моих книг никто не читает в рукописях. Не позволяю. Слишком интимно, слишком незащищена моя душа... Потом обложкой прикроют, ча-

сто не соответствующей тому, что в глубине, и произойдет отторжение. Пусть незначительное, но уже позволяющее отдать свое детище в чужие руки. Кстати, о детях...

Но тут Садовое кольцо распахивается неожиданной пустотой, зовущей, манящей, как последняя, в преисподнюю уводящая воронка. Хотя Москва не вымерла, в этом я уже убедилась. С облегчением или с разочарованием? Провоцирую выброс адреналина – скорость сто шестьдесят, губы расползаются плотоядной улыбкой. В грудь давит так, что вырывается кашель – мой вечный ларингит дает себя знать, по бокам резкие мазки фонарей, стремительно приближающиеся красные огни. Догоняю кавалькаду неторопливых, наверное, возвращающихся домой – чего спешить? Приходится и мне притормозить.

– Кстати, о детях... Ты ведь согласен, что для меня благо – быть свободной от них? Если б твоего ребенка любила хоть вполовину так же, как тебя, стала бы совершенно безумной мамашей. Как африканка носила бы его на теле, чтоб ни на секунду не отрываться. Карман отрастила бы на пузе... И весь мир возненавидела бы, чтобы не отобрал, не обидел, не повлиял – твоего и моего не вытеснил... Не вылезала бы из норы, и детеныша своего не выпускала бы. Эти ножки красненькие, гладенькие или в сеточке линий целовала бы сутками напролет, неделями, годами. Каждый пальчик вылизала бы, узнавая вкус невинного пота. Щекой прижалась бы к мягкому животу, и, замирая, слушала бы, что происходит внутри этого неведомого, обожаемого существа – единственного во всем мире... Вбирала бы, глотала, захлебываясь, запах младенческий, топлено-молочный, запомнившийся с той поры, когда мой брат родился, хотя мне самой едва десять лет исполнилось. Умрешь от этого наслаждения и не заметишь...

С трудом перевожу дух. Произносить монологи – это не мое. И все же продолжаю, ведь еще не закончила мысль, главный вывод не сделала:

– Но ты завещал мне писать. И этим все сказано, правда? Или писать, или рожать. Совместить это – и себя измучить, и ребенка вырастить недолюбленным, какой сама была. Правда, по другой причине... Разве мать имеет право сказать ребенку: «Не мешай, я работаю!»? Он ведь вправе ответить: «А на хрен мне нужна твоя работа? Играй со мной!» И будет абсолютно прав, тебе не кажется? Родила – играй. А хочешь работать – не рожай. Все просто. Все счастливы.

Повороты выписываю, уже не спеша. Выговорившись вволю, хотя оправдания тебе и не требовались, теперь прислушиваюсь к тому, как работает двигатель – на всякий случай. Машина не совсем новая, хотя в отличном состоянии, и не какой-нибудь калининградской сборки, а из Германии доставленная. Там набегала двадцать тысяч, но по их дорогам и больше можно проехать совершенно бесследно для автомобиля. Модель, конечно, не та, которую наши бизнес-леди предпочитают, и моя сестра в том числе, но я влюбилась в этот «BMW» с первого взгляда, как только он выкатил из подземного гаража – живая капля ртути. Как при встрече с человеком, которого суждено полюбить, произошло мгновенное узнавание: «Это моя машина!» И только делала вид, что рассматриваю, выясняю детали, а они ведь уже не интересовали. Недостатки в любимом – это тоже достоинства, ведь именно они делают человека живым и отличным от других.

Но наступает момент, когда они начинают давить... После выхода этой последней книги, в мое издательство пришло довольно много писем. Главный редактор вручил мне целую грудку, в которой я разбиралась весь вечер: в основном от женщин – не справились с желанием исповедаться. Печальные истории о родительской беспомощности, некоторые почему-то врезались в память так, что могу цитировать почти дословно: «Он был таким солнечным мальчиком... Всегда улыбался, глазки сияли, бросался туфли мне снимать, когда возвращалась домой.

И такой интересной личностью обещал стать: в художественной школе его картины только успевали по конкурсам рассылать, в балльных танцах был лучшим партнером, родители девочек чуть ли не взятки нам давали, чтобы наш сын танцевал с их дочерью. И учился хорошо, и читал запоем... Даже сам писать пробовал – фантастические рассказы.

А в пятнадцать лет в нем будто все будто корежиться начало, как смятая бумага в огне корчится. И тени на нашу жизнь легли просто чудовищные... Хотя я понимаю, что у многих бывает еще хуже. Но для нас с мужем и наша ситуация кажется трагедией. Мы стали чужими сыну, понимаете? Что может быть страшнее? Он стал возвращаться домой пьяным. Не то, чтобы очень, но почти каждый день навеселе. И врал прямо в глаза, утверждал, что вообще не пил, хотя и запах его выдавал, и глаза другими становились, даже голос... А когда уже отец припирали к стенке, наш мальчик бубнил, что все его од-

ноклассники после школы пьют пиво, что же он – хуже всех?

Рисовать забросил, дома вообще не мог находиться – метался по квартире, как по клетке, но наглости уйти без разрешения ему еще не хватало. Но стоило нам дать слабину и отпустить его погулять, взяв слово, что не будет пить, сын обязательно напивался, хотя божился перед отходом.

Когда его нет дома, я просто не живу. За руку водила чуть ли не до десяти лет, такой животный страх за него испытывала. Всегда казалось, что он немного не от мира сего, художник, таких опекать надо, беречь... Когда один стал в школу ходить, взглядом из окна провожала, мысленно вела его, энергетический экран ставила. От машин уберегла, а от деградации не сумела. Ему просто больше не хочется жить одной жизнью с нами, хотя я подозреваю, что их с друзьями разговоры – тупые, пустые. Но он говорит, что ему с ними интересно. Напиться и пошляться по городу.

Один раз его «хачики» уже ударили по голове и отобрали телефон. В крови пришел, как я не умерла на месте, увидев его, сама не знаю... У мужа виски поседели в тот день... Мы себе слово дали, что больше вообще за порог не выпустим, пусть проклинает нас, но сидит дома. Целее будет. Но что вы думаете? Позавчера звонит после школы, умоляющим голосом сообщает, что у девочки день рождения, можно пойти? Уж как он извивался, лебезил перед отцом, клялся, что все будет в порядке, пить не станет, но, мол, вы же должны меня понять! А девочку назвал хорошую, и она давно ему нравилась... И вот мы опять пошли ему навстречу, разрешили. И он пропал...

Нашли телефон этой девочки, она, оказывается, вообще в другом месяце родилась, и знать ничего не знает. Его сотовый «вне зоны», надеялись, что где-нибудь в метро, рано или поздно выйдет на поверхность. Так всю ночь и звонили ему по очереди... И теперь уже сами метались, как по клетке, не зная, куда бежать, где искать... Утром прислал sms с чужого телефона, попросил перезвонить на этот номер. Сообщил, что у него опять трое пьяных парней отобрали телефон, а ночевал он у какого-то Миши, потому что метро закрылось. И уже чувствуя свою вину, защищаясь, начал грубить, говорил тоном, ничуть не похожим на тот, каким умолял нас накануне отпустить его.

Повторяю, что я прекрасно понимаю: матери юных наркоманов или бандитов могли бы рассказать вам истории куда более страш-

ные. Но мне и наша, вполне заурядная, рвет душу... Ведь сын был смыслом моей жизни, а теперь я чувствую, что разочаровываюсь и в нем, и в своей жизни... Не на то она была потрачена. Как мать я потерпела фиаско: сын не любит меня, не дорожит нашими отношениями. А о карьере я перестала думать, когда он родился, мне хотелось заполнить всю жизнь одной только любовью к нему... Получается, напрасно...»

Другая мать писала о тринадцатилетней дочери, которую всегда считала невинным ангелом, шоколадки ей покупала, мультики, а потом наткнулась на обычную с виду тетрадку, оказавшуюся личным дневником. Поколебалась прежде, чем открыть, но любопытство пересилило. И сгубило, как ту кошку... Не выбирая выражений, девочка записывала (зачем?!), как в школьном туалете «берет в рот» у старшеклассников за деньги, потому что мать такая дура, даже не понимает, что ей нужно презервативы покупать, и сигареты, и косметику. Краситься приходится в подъезде, и после дискотеки умыться прямо в клубе, чтобы мать удар не хватил. А сексом заниматься, (который ей просто необходим – от воздержания беситься начинает!), она вынуждена прямо в парке, за кустами, если у парня своей машины не окажется... Счастье, если у кого-нибудь предки свалят на дачу, тогда там устраивается групповуха. Самое прикольное, как пишет девочка, партнерами меняться. Или когда двое сразу, тоже супер!

«Больше не хочется жить, – писала мне ее мать. – Ради чего? Я вырастила мерзкую гадину, которая презирает все, что я считаю ценным в жизни. Вы правы: дети – это всегда самое страшное наше разочарование. Лучше вообще не идти на этот риск...»

Но были, конечно, письма и вроде этого: «Я не понимаю, каким образом ребенок может помешать вашей реализации, как личности? Я мама двоих детей. И фотограф – не из худших, со многими изданиями мира сотрудничаю. У меня есть и военные репортажи, и художественные работы, но самыми любимыми, самыми поэтичными моими моделями всегда были и остаются мои собственные дети. Они у меня погодки, но не из соображений, чтобы «разом отмучиться», а просто так получилось... О чем я никогда ни минуты не жалела! Таких одухотворенных лиц и задумчивых взглядов, такого прозрачного свечения волос и естественной улыбки вы не найдете ни у одного взрослого...»

И моим малышам (у меня сын и дочь) по-настоящему интересно то, чем я занимаюсь.

Я показала им весь процесс: от проявления снимков по старинке до редакции цифровых фотографий на компьютере. Я брала их с собой во все поездки (тогда еще за границей приходилось одноразовые подгузники покупать). Они увидели со мной мир и потрясающих людей.

А я, благодаря моим детям, сумела заметить и снять такие детали, которых взрослый уже не видит... Мои ребяташки помогли мне найти свой угол зрения, свой взгляд, который так и ценят мои издатели. Так что, можно сказать, это они сделали мою карьеру!

Да, моментами было трудно, особенно когда приходилось перетаскивать обоих на руках через горную речку вброд (был такой случай!), или выдерживать, как они ноют от усталости и без конца требуют пить где-нибудь в джунглях (нас и туда заносило!). Но это все так незначительно, и так быстро забывается! А наша семья остается. Мы возвращаемся в Москву, где нас ждет наш папа, и чувствуем себя самыми счастливыми людьми в мире...»

...Наша мама умерла под наркозом, когда удаляли банальный аппендикс. Отец ушел от нас задолго до этого, так бесследно исчез, что до сих пор никак не проявил себя в нашей жизни. Трагедией это почему-то не стало... Впрочем, как и смерть мамы.

Она не любила нас с сестрой и не скрывала этого. Душа ее целиком принадлежала Антону, за которым она следила взглядом, полным тоски прирученной собаки, которую хозяин то и дело бросает ради других. Когда у нас родился брат, я внезапно ощутила, как мать ненавидит нас с Лерой. Ее приводили в бешенство наши голоса, наши шаги, которые всегда звучали громче положенного, а малыш спал, и мы обязаны были заткнуться. Раз и навсегда.

До появления Антона мы с сестрой еще надеялись завоевать ее любовь, тянулись слабенькими душонками, которые каждая брезгливая гримаса больно ранила. Мы замечали их, но всякий раз надеялись, что сейчас мама позволит припасть к ее теплу, погладит по голове, потормошит ласково... Высвобождаясь с раздражением из наших объятий, которые всегда были только попыткой, настоящих не получалось, она говорила по телефону: «Не люблю девочек». Это было не только о нас, о девочках вообще, но слышали только мы двое. Это не волновало ее, как вообще не волновало что-либо с нами связанное.

Однажды нас привели классом в Пушкинский музей – плановая экскурсия, которую мы все, малолетние кретины, восприняли

без восторга. И я впервые увидела «Поцелуй матери» Эжена Каррье. Других картин я в тот день не заметила, они все слились в одно – прекрасное, яркое, но не различимое. Куда позднее я влюбилась в пейзажи Коро, в которых смятенная душа проступала явственнее, чем во многих портретах, жанровых картинах. В его поразительное по контрасту покоя природы и гармонии женской красоты «Купание Дианы», в его безумный «Порыв ветра»... И в руки Мадонны Энгра... И в глаза художницы, замеченной самим Гойей, руки которой как раз не представляли для него интереса, как олицетворение техники, в его оценке уступавшей по значимости мысли и духу работы. И в «Песчаный пляж» Поля Синьяка... И в чаек на Темзе Клода Моне... И в Пикассо целиком...

Даже Одилон Редон, «Обновление» которого, похожее на пересвеченную фотографию, сразило меня позднее инверсией красок, в тот мой первый приход замечено не было, хотя находилось с Каррьером в одном зале. Но в тот раз я увидела только трех смутно проступающих из сумрачной дымки женщин, похожих на призраков. Одна из них, одетая в черное, отвернувшись, нехотя принимала поцелуй дочери, льнувшей к ней, все еще надеющейся на чудо. Но то, как подбочилась мать, выдавало ее нетерпение, неприятие, и полную безнадежность любви дочерей, которые тянулись к ней ростками. Вторая даже приблизиться не решалась...

Я смотрела на наши с Лерой души, которые этот невероятный француз рассмотрел сквозь время, и не могла даже сглотнуть – так перехватило горло. Передо мной была не картина, в обычном понимании слова... Я видела запечатленный плач, который мы с сестрой скрывали даже друг от друга. И я поняла, что мы обречены на нелюбовь, этого не изменить... И перестала ждать. Я постаралась сосредоточиться на себе.

А после ее смерти вдруг поняла, что нет никакой гарантии, что я смогу полюбить своего ребенка. Что это не происходит само собой: во время родов организм женщины, вытолкнувшей плод, не заполняется взамен любовью. А если ее нет, давать ребенку жизнь не просто бессмысленно – преступно! Обрекать маленькое существо, которое ни в чем не виновато перед тобой, на те муки, что выпали нам с сестрой? На то постоянное ощущение собственной неполноценности, которое сопровождало нас все детские годы? За что? Просто мы были девочками, а матери хотелось сына. Как говорится, ничего личного...

Я люблю приезжать к сестре одна, чтобы никто не мешал раствориться в величии леса. Дом у нее огромный, на втором этаже четыре спальни, внизу – гостиная, столовая, кабинет... Однако не в размерах его главная прелесть, а в том, что он полон света, вместо стен – сплошные окна, заключенные в серебристые алюминиевые ободки. Но меня все равно так и тянет выйти наружу, просто лечь на траву и смотреть на небо, тепло синеющее среди иглистых крон. У сосен теплая кожа, светлеющая к голове, и пушистые лапы, которые на самом деле не колючие, а мягкие. Хочется гладить их и гладить, прижимая иглы обеими ладонями, которые потом можно долго нюхать, замирая от тревожащих сердце многовековых воспоминаний.

Кем я была в своей первой жизни на этой земле? Таким вот деревом? Маленькой белкой, поселившейся в его дупле? Упрямым дятлом, это дупло продолбившим? По крайней мере, это во мне сохранилось: я все также упорно работаю головой, пытаюсь высечь из завещанного нам пласта Вечного Познания новые образы и сочетания слов, сюжеты и лица. Их ведь нет на свете – моих героев. Я вытянула их из другой действительности, как дятел извлекает из ствола личинки. Это не так-то просто, как чудится некоторым, знающим, как быстро я пишу. Этому отдаешь все силы, потому что пласт окаменел со временем, более податливый слой отработали еще древние греки, и те, что рождались за века до меня. Но только этим я и живу.

– У тебя ничего не случилось?

Не оборачиваясь, ловлю руку сестры и ставлю ее сесть рядом с собой. В таких домах, как у них с Егором, не принято сидеть на крылечке, это считается моветоном, хотя даже дворяне себе позволяли.

Не сопротивляясь, Лера устраивается рядом со мной, вошкается, тепло дышит. Я глажу ее тонкую, загорелую руку.

– Какая тишина, – говорит Лера шепотом.

– Тебя это не угнетает?

– Угнетает? Нет. Я люблю тишину.

– А я ненавижу, – вдруг вырывается у нее.

Теперь уже мне приходится удерживать ее руку.

– Тихо-тихо, – приглушенно говорю я и только в следующую секунду соображаю, что как раз тишины-то ей и не хочется.

– У нас такой молчаливый дом! Слишком большой. Огромный! Я когда-нибудь потеряюсь в нем окончательно.

Опять это ее страдание о детях, сказывающееся даже в устройстве сада: повсюду вы-

глядывают из-за деревьев и беседок смешные гномики в ярких колпачках, и деревянные чурбачки вокруг стола под навесом желтеют на разном уровне – повыше, пониже... Пока на те, что повыше взбираются только наши вездесущие племянницы, но Лера все еще не теряет надежды.

Только мне, кроме них двоих, известно, что Егор страдает бесплодием – последствия службы в армии, когда их, новобранцев, отправили тушить Чернобыльский реактор. Никакой защиты у них, естественно, не было... Все врачи говорили ему в голос, что он еще должен радоваться: жив остался, и лучевая болезнь его не иссушила. Карьеру сделал на славу, благодаря репутации героя-чернобыльца, которого сразу по комсомольской линии продвинули. Теперь свой банк у него, как и у всех, кто успел взбежать по лестнице незабвенного ВЛКСМ. Хоть и не из первой десятки банк, но на жизнь хватает. А что детей не будет, так разве это трагедия, когда детские дома переполнены – выбирай на вкус.

Но Лера боится усыновления. С моей подачи читалась ужасов о том, что все брошенные дети имеют врожденную зависимость от алкоголя или наркотиков. Не все, конечно, однако пойдешь найди здоровенького, без признаков наследственной шизофрении или физического уродства. Кажутся хорошенькими и несчастными, полные страдания глаза в пол-лица, на снимки в Интернете с подписями, вроде «Найди меня, мама!», смотреть больно. А возьмешь, потом проклятая генетика проявится, начнет воровать у приемных родителей, бегать из дома, душу им рвать в клочья.

– Черт, как же я раньше-то не додумалась?!

Сестра смотрит на меня с недоумением:

– Ты о чем?

Но мне нужно сначала прокрутить в голове: чтобы Лерка родила от другого, пусть и от анонимного донора, и речи быть не может. Егор ревнив, как Отелло, даром, что светловолосый и голубоглазый, как викинг. Он любит мою сестру просто как-то неправдоподобно: я специально вынюхивала – никаких сплетен о нем, ни малейших подозрений. Хотя банкиру, вроде как, по статусу положено. Но у них с Лерой все по-настоящему, как должно быть, но не бывает. Как даже у нас с тобой не было, ведь любовница у тебя имела. Я.

– Слушай, – начинаю осторожно, – у меня тут родилась такая мысль...

Она прерывает меня:

– Мне уже страшно... Когда у тебя такой голос, это значит, что ты задумала что-то зверское.

Ей, наверное, вспомнилось, как я по молодости занимала денег под проценты, чтобы издать книгу, и потом тебе пришлось меня выручать. Или то, как решила разводить голых китайских собак... Или как проиграла в казино все деньги и все золото, что на мне было, и звонила ей, умоляя, чтобы Егор подкинул немного – отыграться. Я была уверена, что отыграюсь. Но Леркин муж выволок меня оттуда чуть не за шкурку, и пригрозил, что если я еще раз зайду в подобное заведение, он упечет меня на принудительное лечение.

Я похлопываю гладкое колено сестры, похожее на перламутровую раковину. Хорошо представляю, как хочется любому мужчине прижаться к такой красоте губами...

– Не бойся, детка. Это никак не связано с деньгами.

– Тогда что?

Произношу нарочито равнодушным тоном:

– Я вот подумываю: а не родить ли мне?

Ловлю в темноте ее взгляд. Спокойное лицо сестры нервно передергивается:

– Что?

– Слышала про омолаживающие роды? По-моему, самое время... К тому же, мне с чисто профессиональной точки зрения просто необходимо, в конце концов, узнать, что женщина испытывает во время беременности и родов.

Лера откликается не сразу. Сидит, опустив голову, будто боится взглянуть мне в глаза и прочесть в них то, во что ей так хочется и страшно поверить.

– Ты же никогда не хотела ребенка, – наконец произносит она. – Ты говорила, что ты цветы и те забываешь полить... Сколько у тебя уже засохло?

– Цветовод из меня никакой, это точно, – соглашаюсь я без обиды. Попробовала бы она что-то подобное сказать о моих книгах.

Кусая губу, выскальзывающую из-под ее ровных зубов, Лера нетерпеливо спрашивает:

– Что ты с ним будешь делать?

– Отдам тебе.

Ее молчание затягивается, и мне уже начинает казаться, что она решила, будто я над ней издеваюсь. Но когда я собираюсь переубедить ее, Лера тоскливо шепчет, сцепив на затылке руки, придавив голову:

– Господи, как ты можешь так говорить об этом... Таким тоном! «Отдам тебе» – словно о безделушке какой-то речь.

– Хорошо, – смиряюсь я. – Пусть будет так: я рожу его для тебя. Так лучше? Не коробит?

Лицо ее обращено ко мне вполоборота – так оно мне особенно нравится, о чем Лера, конечно, не догадывается. Густые ресницы ее взволнованно бьются, словно мотылек попался в ловушку, поверив в свет.

– Так ты всерьез?

– А то! Я тебе первой говорю об этом.

– Родить и отказаться? Ты сможешь?

– Родить и оставить – не смогу. Родить и просто отказаться в роддоме – тоже не смогу. Не настолько я прогнила... Но если тебе нужен этот ребенок...

Она вскрикивает быстрее, чем я успеваю закончить:

– Нужен!

И вдруг вскакивает, точно в ней происходит взрыв той самой энергии, которой Лере всегда не хватало. Она рывком ставит меня на ноги и, обхватив за шею, благодарно прижимается всем телом. Сестра выше меня, я утыкаюсь ей в грудь. Она у нее такая, что и рожать не требуется.

– Спасибо, солнышко, – шепчет она мне в ухо, преклонив голову. – Господи! Мне все еще не верится! Если ты правда сделаешь это...

– Так, стоп! – я высвобождаюсь. – Давай без излишней благодарности.

Виновато кривятся губы: то ли улыбнуться пытается, то ли уже слезы сдерживает, которые у нее всегда были наготове. Так и видится из детства ее маленький дрожащий подковкой ротик... Стоило чуть повыситься голос, как Лера уже цепенела от страха. В ней никогда не чувствовалось ничего бойцовского, никакого стержня, и не выйди она так удачно замуж, не было бы у моей сестры сейчас ни бизнеса, ни загородного дома, ни такой машины... По сути дела, из нас троих только я заработала все своим горбом. Антон как был ни с чем, так и остался. Живет в той же двухэтажной халупе на южной окраине, где мы выросли, в квартире, оставшейся от матери, сам до старости не купил бы.

Я не злорадствую. Мне жаль, что из него ничего не вышло, ведь Антошка мог стать талантливым инженером, уже в три года что-то постоянно конструировал, и это здорово разнилось с тем, что пытались сделать мы с сестрой. Но институт он бросил уже после первого курса, когда выяснилось, что его Лиза ждет ребенка, и пошел работать в автосервис, который кормит их до сих пор. Все семейство во главе с матерью сидит у него на шее и только погоняет. Оттого, что Лиза с первого же захода

запустила двойню, была одна радость: Анто-на освободили от армии. Но вместо звездочки ему пришлось поставить на себе крест.

– Хорошо, что ты уже вся в шоколаде, и дите вас не пустит по миру, – говорю я Лере, продолжая думать о брате. – Не хотелось бы, чтоб и тебя ждала участь Антона.

Кажется, она удивлена:

– Да ведь он счастлив!

– Это можно назвать счастьем?

– Да ты посмотри на них! Они же без конца смеются, ловят взгляды друг друга. Им же хочется чувствовать реакцию другого буквально на все, на каждую фразу. Их притягивает, как магнитом!

– В том смысле, что он ее без конца лапает? Вот тебе и все охи-ахи вокруг модельных параметров... На кой черт всякими диетами себя изводит, когда вон такая биомасса по стулу растеклась, что не обхватишь, а сколько желания вызывает!

Знаю, что Лере невыносим такой тон. Сестра не просто подает себя утонченной особой, она такова на самом деле. Конечно, если б она хоть чуть-чуть покрутилась в настоящем бизнесе, то ее тонкие каналы забились бы в два счета. Но Егор позволяет ей чувствовать себя хозяйкой салона, пусть и мебельного, но звучит это вполне аристократично. И мне она нравится такой. Во мне самой никогда не было этой естественной женственности, ласковости. Я всегда была больше девчонкой, студенткой, чем женщиной. За это ты и любил меня...

– А ты точно не передумаешь? – Мне необходима ее уверенность. – Послушай, как орут эти монстры... Тебе это надо?

В ее улыбке – всепрощение сестры милосердия.

– Чужие дети часто раздражают... Со своими все по-другому, ты не знала? То, что бесит в чужих, в своих умиляет.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я читала.

Я давлюсь смехом:

– А! Ты решила сперва изучить теорию...

– Я думала, мне уже не узнать этого на практике.

Узкие кисти впиваются в плечи, все тело – сплошной излом. Меня тянет погладить ее, разгладить...

– Будет тебе ребеночек, старче, – я прижимаюсь губами к ее пальцам. – Не плакай.

Лера смотрит на меня так серьезно, что мне становится не по себе:

– Ты собираешься забеременеть от Власа?

С Власом Малыгиным, артистом театра, где меня ставят, однажды попала под дождь в

открытом поле... Уже не помню, как нас туда занесло, кажется, был день Ивана-Купалы, и мы пытались доехать до озера где-то во Фрязино или во Фрязево, оба корня слова от итальянских поселений, поэтому всегда их путаю. Кто-то расписал нам красоты этого озера, и Влас тогда с присущей ему мальчишеской беспечностью воскликнул: «А почему бы не съездить?» Хотя своей машины у него отродясь не было – не из ведущих актеров, на мою рассчитывал. А я почему-то не стала сопротивляться... Но по дороге ему приглянулся стог сена, судя по цвету, еще прошлогодний, всеми забытый, и Влас потребовалось приобщиться к крестьянской эротике. Он уговорил меня остановить машину, и за руку вытащил в поле.

Собственно, это не составило труда, потому что когда мы оказываемся с ним наедине, во мне начинает нарастать то напряжение, которое только Малыгин и может прорвать, проникнув в меня. Это происходит так редко, что мы не успеваем надоесть друг другу. Чаще не встречаемся вовсе не потому, что я опасаясь, будто ему приесться наша близость. На это мне как раз, честно говоря, плевать... Мне просто некогда. Да и ему тоже: артисту, которого держат на вторых ролях, приходится подрабатывать в нескольких театрах, на радио, на утренниках, свадьбах, да где угодно, лишь бы платили! Влас обаятельный и улыбчивый, он вписывается в любое общество, как хамелеон. Но, отчасти мимикрируя, все же остается самим собой, мгновенно выделяющимся из толпы, иначе не запомнят, не позовут больше.

– Есть возражения? – небрежно интересуюсь у Леры.

– А он согласится?

– Обязательно его спрашивать?

– А как же! Разве можно так – обманом?

– Почему – нет? Ему же не воспитывать его, алименты не платить.

Но сестра в ужасе трясет головой:

– Нет, ты должна обсудить с ним это! Заручиться его согласием. Ребенок должен быть зачат по любви.

– О! Вот с этим как раз проблема.

Я встаю, прислушиваясь, как похрустывает в позвоночнике. Возраст противенько напоминает: долго сидеть на твердом крыльце уже чревато. Можешь и не подняться... И понимаю, что тянуть с воплощением Лериной мечты некуда. Сейчас или никогда.

Но сестра сама притормаживает меня:

– Ты ведь, кажется, едешь с театром в Швецию?

– Надеюсь, еду.
– Тогда лучше это сделать после возвращения. Знаешь, тряска в поезде во время беременности...
– Мы полетим самолетом.
– Тем более! Перепады давления так опасны!
– Хорошо, – смиряюсь я тем охотнее, что страх все же дает себя знать и подначивает отложить задуманное.
Но это как раз и настораживает Леру. Подобравшись ко мне, она, чуть пригнув голову, заглядывает в глаза:
– Ты меня слушаешься? Ты ведь никого не слушаешься!
– Неужели?
– У тебя комплекс старшей сестры – ты всегда права, и знаешь, как надо поступать.
– У меня еще и комплекс отличницы. Если я за что-то берусь, то обязана сделать это на «пятерку»! Так что малыша я тебе произведу – загляденье.
Ее так и отбрасывает:
– Сплюнь!
И сама трижды плюет через левое плечо.
– Дура суеверная, – усмехаюсь я. – Все будет в порядке, я же здорова, как крестьянская девушка!

– А...
– Насчет его болячек я выясню, не беспокойся.
Лера вдруг отводит глаза, потом коротко взглядывает на меня, опять опускает ресницы.
– Ну? Что? – Не выдерживаю я.
– А у тебя больше никого нет на примете?
– Кроме Малыгина? Чем он тебе не нравится? Такой симпатюля... Мне казалось, что ты очень даже к нему расположена.
Ее так и морщит от неловкости:
– Он... Да, он ужасно милый и все такое... Но ведь не только внешние качества передаются по наследству, правда? А Влас... Он немножко... пустозвон. Или мне только так кажется?
Она виновато округляет глаза, вокруг напругшихся бровей возникают ямочки. Я разглаживаю их кончиками пальцев и целую ее в нос.
– Человек-фейерверк... Это тебя не устраивает? Ты хочешь, чтобы этот ребенок родился от человека серьезного и глубокого, талантливого и доброго? Знаешь, если б я родила его от Никиты – а это ведь его портрет! – ты никогда не получила бы этого ребенка. Потому что я его не отдала бы...

Юрий Клейберг

Клейберг Юрий Александрович – доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, Президент Международной академии социальной работы, заведующий кафедрой социально-политической психологии Ульяновского государственного университета. Выпускник и преподаватель кафедры культурно-просветительской работы (ныне кафедры социально-культурной деятельности) Кемеровского государственного института культуры в семидесятые-восемидесятые годы XX века.

Возвращаюсь к тебе

Опять звезды ночной сиянье,
И с каждым часом все полней
Свое ты чувствуешь слиянье
С молчаньем леса и полей;
С той тихой нежностью и грустью,
Что в мире вольном разлита,
Когда звезда горит над Русью
И бесконечна высота.

ТИШИНА

Березы кажутся ручными.
Река. Классический пейзаж.
Играют камушки речные,
Рисую утренний мираж.
Здесь в тишине растут фиалки,
Как чьи-то взгляды из окна.
И тишину задеть мне жалко –
Такая легкая она.

Так было, так есть и так будет:
И небо, и дождь, и луна...
И муза играет в свой бубен,
И жизнь, словно чаша, полна.

Завтра в степь...
И будет теплым вечер.
Распрямлю
В блаженном вздохе плечи
И на шелкотравную межу
Осторожно сердце положу.

И пойму,
Что я еще не стебель –
Только в землю павшее зерно.
И под этот
Звездный купол неба
Мне еще пробиться суждено.

Ребра старой скамейки белеют.
В тихом шорохе лиственных стай,
В этой желтой усталой аллее,
Вымеряю шагами печаль...
Вечер тихо струит над землею
Ароматов тягучую лень,
И бредет неотступно за мною
Моя серая длинная тень.

Не гляди так щемяще, не надо!
Жметесь нежность комочком в груди,
Коронованная листопадом,
Не жалеи ты меня, не щади.
Что мне нынче концы и начала,
Просто пахнет сырою землей,
Просто небо осколком попало
Нам в глаза бирюзовым с тобой...
В этом лиственном легком шуршанье
Промеж белых стволов подойди,
Прислонись тихо лбом и дыханьем
К отвороту плаща на груди...

НА ВЕКА

Среднерусские селенья,
Палисадники в сирени
И певучий разговор,
Словно вышитый узор,
Про зеленые березы
И минувшие морозы,
И еще издавека
Про надои молока.
Это все, конечно, просто,
Как дорога до погоста,
Как белая стена
И большая тишина.
Это все давно знакомо —
И корова, и солома,
И стоячая вода,
И дорога в никуда...
Перемолото, избито.
Хорошо, что не забыто.
Словно белая мука,
Сохранится на века.

Дремлет скучная природа,
Спит под пледом снеговым.
Только злая непогода
Дышит холодом своим.
Зимний день.
Мороз лютует.
Стонет вьюга за окном.
Свой приход зима ликует,
Ветви крася серебром.
Вновь печальные красоты
Ты, зима, несешь с собой.
Лес, охваченный дремотой,
Спит унылый и нагой.
Речка, некогда живая,
В лед тобой заточена.
Дремлет, тихо засыпая,
До весны теперь она.
И в поля, что белым снегом,
Словно скатертью, укрыв,
Ты несешь шальным набегом
Ветра бешеный порыв.

За песками в полудреме
Что-то сонно бормоча,
Под луною зябнет море
И мерцает, как свеча...
Волны нехотя сползают,
Как с огарка талый воск,
И, сползая, отмывают
С тела моря лунный лоск.
И на голой глади моря
Скорпион и Водолей
Светят дальним светом, споря
С близким светом кораблей.

У МОРЯ

Я шел на пристань наугад,
Упрямо с дерзким ветром споря.
Сквозь шум машин, сквозь снегопад
Навстречу рвался рокот моря.
Гудели волны: ух да ух...
И даже здесь, на тротуаре,
Был слышен водорослей дух
Сквозь запах копоти и гари.
И вдруг ракушкой золотой,
Так ненавязчиво и мило,
Блеснуло солнце над водой
И все вокруг преобразило.
Кружилась чайка в вышине,
Я шел в бушлате нараспашку,
А ветер полоскал в волне
Кусочек неба, как тельняшку.

НОЧЬ

В беспредельном сеченье,
От земли в стороне
Тучки в загнутой пене
Бегут по луне.

А внизу, у леска,
Там, где полю конец,
Распахнулась река,
Как волшебный ларец.

ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕБЕ...

Возвращаюсь к тебе, Армавир,
Хоть судьба все куда-то уносит.
И пускай обойду я весь мир,
Сердце встречи с тобою запросит.
Так хочу над тобою опять
Видеть радуг весенних сияние...
И дома, и деревья обнять,
И гремящие волны Кубани.
Я к тебе — с запоздалой тоской
И грядущего сладкою мукой.
Я — к тебе. Нет дороги иной,
Не приемлю я новой разлуки.
Так что вспомни меня и встречай,
И прости, я — не каждый, не встречный:
Если я уходил — невзначай,
Если я возвращаюсь — навечно.

Иосиф Куралов

Куралов Иосиф Абдурахманович родился в 1953 году в Прокопьевске. Окончил Кемеровский государственный институт культуры (кафедра режиссуры клубных массовых представлений). Работал в учреждениях культуры, образования, СМИ. Автор нескольких книг стихотворений и поэм, многочисленных публикаций в центральных и местных литературных изданиях. Главный редактор газеты «Культура Кузбасса», руководитель литературной студии КемГУКИ, член Союза писателей России, лауреат премии в области литературы и искусства имени Ф. Д. Федорова. Живет в Кемерове.

Мне довелось написать немало предисловий к книгам молодых литераторов. Предлагаю вниманию читателей два из них. Они имеют прямое отношение к авторам альманаха «Университет Культуры».

Всё наполнено теплом

Марина Брюзгина — молодая талантливая поэтесса, явление которой в поэзии неслучайно. Стихосложением она, правда, занялась несколько позже, чем иные её сверстницы, начинающие сочинять в рифму порой с детского сада. Но когда была маленькой девочкой, школьницей, довелось ей немало часов провести в нашем сообществе поэтов, никогда не прекращающих разговоров о поэзии.

Приходила она со своим отцом, нашим собратом по перу, который всегда трепетно опекал и продолжает опекать свою самую младшую и оттого самую любимую дочь. В отсутствие вечно занятого делами председателя организации садилась за его стол и начинала рисовать картинки. Когда приходил председатель, то, человек деликатный, он не сгонял Марину со своего места, а скромно садился рядом и занимался делами. А Марина продолжала рисовать или свободно перемещалась по нашему плотно насыщенному поэзией пространству и впитывать эту поэзию в себя.

И в то же время в нашем, по окрасу не светлом, бородастом сообществе она была лучом света, а отнюдь не впитывающей субстанцией. Своим детским обаянием и сиянием она освещала души и заставляла нас говорить о поэзии только на той высокой ноте, на какой и должно о ней говорить.

И вполне может быть, что эти открытые уроки, где Марина была и нашей ученицей, и нашей учительницей (правда, не осознающей себя в этой роли), поставили её на тропу поэзии и подсказали, в каком направлении двигаться. Непрерывная работа души привела её к первым стихотворениям, написанным лет в 15, а затем к первой книге «Тревога кочующих птиц», изданной в 19 лет, что стало большим событием в жизни юной поэтессы. Значительными событиями для Марины стали, на мой взгляд, и многочисленные публикации в центральных и региональных литературных изданиях. Они показали, что ценят её не только под отцовским крылом, не только друзья отца, но и в местностях, весьма отдалённых, люди совсем незнакомые.

Рукопись новой книги «Музыка пчёл» (название, правда, жужжит и жалит, хотя, может быть, это нюанс моего восприятия) объёмнее и поэтически весомее первой. Но в ней, кроме достижений, весьма очевидны резервы роста: Марине пока недостаёт мастерства. Впрочем, это характерно если не для всех, то для большинства молодых поэтов. Однако неказистость текстов одного молодого сочинителя никак не оправдывает другого. Марина, несомненно, понимает это.

Никогда не считал своё мнение истиной в последней инстанции. Поэтому никогда (или почти никогда) не настаивал на обязательном внесении предложенной мной правки в рукопись книги. Это право автора – согласиться с ней или не согласиться. Данный текст – признание того, что талант, явленный в лучших стихах Марины, позволяет ожидать от неё многого.

В рукописи есть такие строки:
Дом большой, большая печка,
Всё наполнено теплом.
Вот и счастье человечка
Неожиданно нашло.

Из этих строк веет маленькой светлой девочкой, которая живёт в моём воспоминании о тех временах, когда школьница Марина свободно и бесстрашно перемещалась по обители бородатого братства, одаривая нас бескорыстным светом, вбирая в себя звучащее серебро и золото наших слов – образы, эпитеты, метафоры...

Сегодня Марина – не школьница, она уже закончила наш вуз. И хочется верить, что она приложит усилия к тому, чтобы её, как счастье, нашло мастерство. А если это случится, то Марина найдёт свой единственный и неповторимый путь в Поэзии.

Я учусь познавать нераскрытое

Лена Дубицкая появилась в литературной студии «Свой голос» году в 1999-м, с тетрадками и записными книжками, в которых были записаны ее собственные стихотворения. Была она в ту пору школьницей, робкой и угловатой, как многие ее сверстницы. Но было в ее облике и то, что отличало ее от многих – сияние одаренности на лице и изредка вспыхивающий во взгляде почти незаметный, но дерзкий вызов, адресованный всем окружающим: я не такая как все, разве вы не видите?!

Я увидел это с первого взгляда в тетрадку Лены. Почти сразу мне попалось стихотворение «Голубые журавли». «Это тайна, это песня В заморающей дали – Как летели в поднебесье Голубые журавли. (...) Я распахиваю окна, Выходящие в поля. В вышине сияют стекла Голубого хрусталя... (...) Дальше все и все чудесней Песни Неба, день Земли... Если б жили в поднебесье Голубые журавли!».

Это фрагмент стихотворения. Пропущены две строфы, вторая и четвертая. Но и без них поэтический дар автора очевиден.

Лена Дубицкая стала постоянной участницей студии «Свой голос» и одноименных областных и городских детско-юношеских литературных конкурсов, была их лауреатом и дипломантом. И постепенно вырастала в поэтессу, чье слово начинало звучать тонко, изящно красиво, а иногда – страстно, напористо, яростно.

«...Прогуляйся по синему сумраку ночи – Не найдешь ни южней, ни нежней. Посмотри на меня – и в оазис цветочный мое дымное тело налей...», «...Пусти с ладони горсти лепестков – Они летят рекою между нами. Мы заблудились

в царстве облаков, Забыв уменьшить солнечное пламя...», «...Включилось радио «Весна». И над трубой витают глюки. О, это радиоволна – К теплу протянутые руки!..», «...Я учусь познавать нераскрытое. И иду босиком по стеклу, Вспоминая искусство забытое – Исцелять наболевшую мглу...», «...Я – одинокий чародей, А ты – синица. В моих руках крик журавлей Тебе приснится...».

Сегодня Лена – студентка Кемеровского государственного университета культуры и искусств, изучает музейное дело. Не перестает писать стихи. Посещает занятия литературной студии КемГУКИ, которые я веду со дня ее создания в сентябре 2006 года.

В литстудию вуза она пришла с весьма внушительных размеров папкой, в которой было сотни две ее стихотворений. После знакомства с содержанием папки стало ясно, что в ней таится первая книжка поэтессы. Немалым трудом и временем далось ей отыскание этой книжки – отбор собственных текстов: надо было в несколько раз сократить содержимое папки. Нелегкое это дело – просеивать собственные стихи, но необходимое. Такая практика – одна из важных составляющих литературной учебы, обретения мастерства.

Мастерства молодой поэтессе пока достаёт не вполне. Как, впрочем, большинству ее литературных сверстников. Но мастерство, при большом желании и старании нарабатывается, наживает. А талант благоприобретению не подлежит. Он дается (или не дается) от рождения и живет с человеком всю его жизнь.

Талант поэтессы Елены Дубицкой живет и развивается.

Юлия Мироненко

Мироненко Юлия Вячеславовна – студентка факультета гуманитарного образования и социально-культурных технологий Кемеровского государственного университета культуры и искусств. В 2008 году стала победителем университетского поэтического конкурса «Мой край родной – Кузбасс». Является редактором студенческой газеты КемГУКИ «Культурист», имеет поэтические публикации.

Вольною птицей расправила крылья свои

В стихотворная разминка

Спят синички, спят медведи,
Спят и взрослые и дети,
Спят в берлоге, спят в кустах,
Спят с улыбкой на устах,
Спят в квартире, спят на даче,
Даже не решив задачи,
Спит Мальвина в сладкой неге,
Спят зловерные соседи,
Спят машины, спит «Зенит»,
Всех он в мире победит,
Спит писатель, спит поэт,
Спит художник 200 лет,
Спит ведущая в эфире,
Ружья спят тихонько в тире,
Спят в пижаме, спят в трусах,
Спят на личных островах,
Спят в трамвае, спят в метро,
Спит на небе НЛО,
Спит профессор, спит певец,
Спит и парочка колец,
Спит священник, спит политик,
Спит известный злобный критик,
Спит хирург и спит студент
(Что-то съел он на обед),
Спят букашки, спит барсук,
Спит петух и спит индюк,
Спят на лестничном пролете,
Спят в кино и в самолете,
Спят у мамы, спят в гостях,
Спят в костюме и в туфлях,
Спит без денег человек,
Спит на Альпах белый снег,
Солнце спит за горизонтом,
Спит комар опять на ком-то,
Спят на Марсе, на Луне,
Спят все люди на Земле,
Только я сейчас не сплю –
Психологию зубрю!

О чем писать безликому поэту
В то время, когда губятся сердца,
Когда не улыбаются рассвету
И как клеймо святая чистота?
О чем писать? О злобе и о мести?
О том, что сила здесь решает все,

Об алчности, насилии, бесчестье,
О страсти дьявольской?

Про пьяное нытьё?

Кого воспеть в ругающемся мире,
Обросшем грязью собственных утех?
Кого любить? Да и вообще, любить ли,
Когда в ответ услышишь только смех...

Руины

Безумный ветер чем-то болен,
Песок не вечен и раним.
Какой же город здесь схоронен,
Сокрит в сумятице руин?
Бесследно гибнут государства,
В пустыню канули века...
А где найти того лекарства,
Что сдует пепел у виска?
Растрескавшись, шумят пустоты,
Напоминая о былом.
Где полчища твоей свободы,
Да мне ли говорить о том?
Что думал ты, сжигая храмы,
Глумясь над верою людей?
Где след твоей победной раны,
Где стаи белых голубей?
Да, ты добился славы...
Твой дух неведеньем томим...
Ты ждешь заслуженной награды? –
Так будь правителем руин!

Любовь распятая

К безмолвной древесине пригвожденной
Любви стекала кровь на белый снег,
И ей, как будто смертью прокаженной,
Бросали под ноги обмана желтый смех.
Она, в мученьях жутких пребывая,
Глазами полными страдания и слез
В небесный храм хрустальный улетала,
Не замечая дьявольских угроз.
Ее немое тело, содрогаясь,
Металл жестокий приняло как долг,
И ей, безмолвной, люди, издеваясь,
Венец терновый вознесли на лоб.
Она, возвысаясь над безумной гущей,
Глазами синими обнять успела всех...
Едва вздохнула... Вот уже отпущен
Людскому роду невозможный грех.
Ее черты воспиты будут в песнях
Сердец, заблудших в мире неидей.
Ну, а пока шептали ей: «Воскресни!»
Немые души обезличенных людей.

Тавро Кассандры

(По роману Чингиза Айтматова)

Под сердцем легкое движенье –
Оплот ночных и тайных встреч,
И кровь великого творенья
По тонким венам будет течь.
Он слишком слаб и слишком молод,
Чтоб смертных убивать людей,
Но – жуткий страх и мертвый холод –
Он полон дьявольских идей.
Его судьба – прослыть тираном,
Сравнявшим с пылью города,
Который сладким белым ядом
Своих детей убил тогда...
Он не просил о горькой доле
Быть покорителем морей,
Но мать его, живя на воле,
Полна коварства и страстей.
Смешав в своем ребенке злобу
И кровь властителей-царей,
Она теперь молится Богу,
Чтоб избежать чужих смертей.
Ее дитя, подобно ветру,
Способно разорить весь мир.
Она – возможность, только ветка
Огромной чащи темных сил.
Но он не хочет быть рожденным,
Чтоб не увидеть, не узреть,
Как в жалком мире покоренном
Пирует и ликует смерть.

Театр масок

Погаснет свет, затихнет многозвучье,
Отступит многозначность бытия –
И здесь, опять обычной фальши круче,
Протянется слепая нить вранья.
Обман – красавец всходит на помосты,
А с ним измены скользкая змея,
Непостижимо, в то же время просто
В театре жизни зреет роль твоя.
Мелькают маски злобных лицедеев,
Глумящихся над мудростью времен.
Здесь не была кровавою идея,
Но ты своим упорством не спасен.
Пройдут века, но маски неизменны,
В своем обмане подлинны они,
Но и в душе твоей еще нетленны
Останки похороненной любви.
Когда-нибудь театр масок сможет
Тебя сломать, бессильно покорить –
Ты будешь обезличенным... Но все же
Святую веру можно воскресить!

На стихи...

На стихи
Ложилась любовь благозвучно
И вольною птицей расправила крылья
свои.
На стихи
Бросалась ревностной тучей
Безумная дрожь, упоенная в море то-
ски.
На стихи
Налегала гнетущая жалость
Расплескавшейся жизни и горькой судь-
бы.
О стихи
Чья-то гордость не раз разбивалась,
Содрогнувшись от грохота тихой моль-
бы.

Возьми меня, небо,
Большими руками,
Раскрась меня белым,
Веселым и пряным,
Чтоб я умирала
От нежности этой,
Чтоб в душу вплетала
Иные планеты.
Хочу раствориться
В твоём благозвучье,
Хочу раствориться
В разбавленной гуще,
Твоею покорной
Навеки остаться,
Улыбкой Мадонны
Тебе улыбаться.
Возьми меня небо,
Возьми без остатка.
Я буду несмелой,

Я стану загадкой....

Голубоглазый музыкант –
Герой тургеневских времен,
Он каждому моменту рад,
Он жаждой жизни воспалён.
Его душа чиста, как храм,
Его игра, как брызги света,
Он эту благодать дарит нам,
Он дарит нам остатки лета!
Не нужно много говорить,
Он и без слов понять сумеет,
Что на душе немой лежит
И то, что редко душу греет.
Хочу, чтоб он всегда желал
Идти вперед и не сдаваться,
И чтоб его души запал
Был вечен и всегда взрывался!

Две сестры

Сомкнула очи легкокрылая заря
И тихо в мир Морфея погрузилась.
Ее душа, усталость не тая,
Невольно в сновиденьях растворилась.
Покрылось небо россыпью зеркал,
Алмазный гребень вдруг заторопился,
Чудесной ночи ветреный слуга,
В ручьях волос исчезнуть и разлиться.
Этих сестёр божественна игра,
Они смеются и глядят в оконце:
В одной короне теплится луна,
В другой – огромное сияет солнце!

Константин Захаров

Захаров Константин Андреевич родился в 1983 году в Кемерове. Окончил Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Публиковался в альманахе «Свой голос». Призер поэтических конкурсов. Увлекается поэзией, музыкой, фотографией. Живет в Кемерове.

Я вспоминаю ценность бриллиантового неба

Посвящается Лене

Это была любовь...

Это была любовь светлячков,
вырвавшихся из пламени,
Которые в ужасе меркли
перед влажным воздухом.
Это была любовь марширующих
с красным знаменем
По маленькой площади
утопического острова!

Это была любовь
восхитительного великолепия
Старых помятых листьев
под снежной периной.

Это была любовь
девятнадцатого столетия,
Явившаяся мне
импрессионистской картиной.

Это будет прощание
без сказочного фейерверка,
Без взрыва слез
по поводу неудачной победы.
И наступит конец...
А по человеческим меркам
Любовь была
не больше детского велосипеда.

Поэтому, прощай,
и не смей больше надеяться
На допущенную мной
старческую близорукость.
Любовь была необъятной
и мне искренне верится,
Что я смогу еще долго
радоваться ее звуку.

11

III

11

Сегодня дождь. Простуда.
Зеленоватый камень.
Рябина демонстрирует себя незрелой.
Мужчина в красной шляпе,
он похож на пламя,
Он раскрывает зонтик неумело.
Идет, слегка косясь на черепицу
Домов кирпичных,
ловит взгляды женщин.
А город сам себя
смог заточить в темницу...
И голод был в сознании уменьшен.

III

У кроликов безумные глаза. Разве
Титаны вращают
на указательном пальце планету,
Словно баскетбольный мяч?
Пальмовое масло
Смешивается с дымом от сигареты.
Дым ползет,
проникая в легкие с упорством...
Слишком мало
мне досталось твоих прикосновений.
Я хотел бы обладать гигантским ростом,
Чтобы спать на льду
из маленьких мгновений.

IV

Тишина.
Пыль осела ржавчиной на мебель.
Уши становятся похожими
на граммофон.
И непонятого цвета вьющийся стебель
Лианы бросается, словно змея,
на плафон.
Я вспоминаю ценность
бриллиантового неба,
Точнее, неба,
которое ломаного гроша не стоит,
Из большой любви несколько
молекул мне бы
Пригодились, ведь я любви достоин...

Николай Войтин

Войтин Николай Анатольевич. Родился в 1974 году. Служил в ВСРФ – в Отдельном Кремлёвском Полку. Окончил Кемеровский государственный университет культуры и искусств в 2007 году. Публиковался в газете «Родник».

Поклон мой низкий людям добрым

Какая всюду благодать,
В гармонии природа.
Словами мне не передать
Сиянье небосвода.

Здесь освежает ветерок,
А воздух горный, чистый.
Сияет под росой цветок,
От солнышка лучистый.

У речки чистой – как хрусталь,
Поют блаженно птицы.
Несёт она с собою в даль,
Из родника водицы.

Река впадает в океан,
Там набирает силы.
Он дарит жизнь и ей, и нам,
Все Богом мы хранимы.

Поклон мой низкий людям добрым

Родилась музыка прекрасная!
И оживает всё вокруг.
В ней мысль, глубокая и ясная,
Творцы образовали круг.
Объединились души светлые
И зазвучали их сердца.
Любовью к творчеству согретые,
Вселенной слышим голоса.

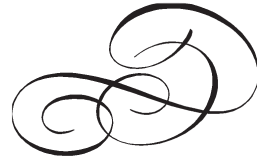
Вот исцелилась – Земля Матушка!
Трудом, молитвой мудрецов.
Искрятся лучиками солнышка
Деяния Святых Отцов.
Всё засияло светом Божиим,
А тьма, рассеялась как дым.
Поклон мой низкий – Людям Добрым,
Всем Матерям, Отцам, Святым!

Ты сердце моё говорить научила
И музыку слышать природы твоей,
Святою водицей меня напоила,
Согрела, спасла благодатью своей.

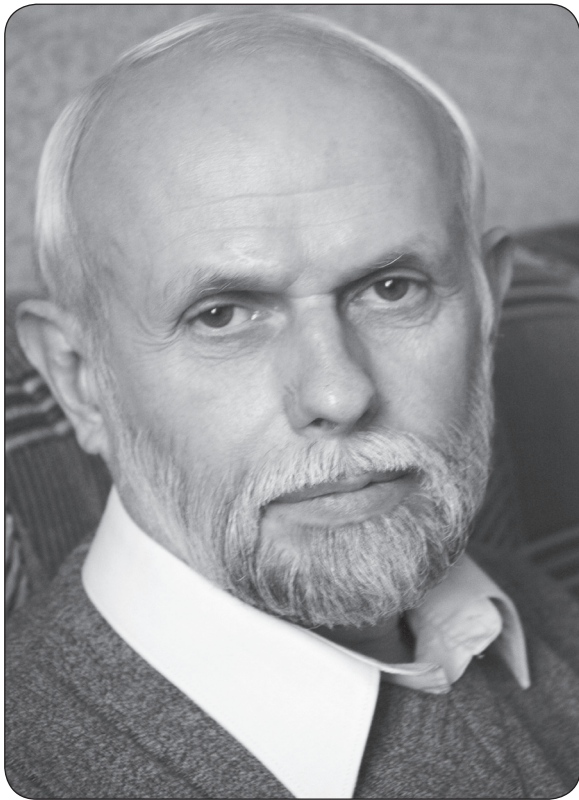
Как часто ошибался я,
не прав был глубоко.
Но вы меня прощали — с любовью,
так легко.

И я в своем духовном обращении
Колено пред тобою преклоню,
Скажу спасибо, попрошу прощения.
А ты поймешь, как я тебя люблю!

Как ты прекрасна, как стройна,
 Душой и телом совершенна.
 И сердце шепчет мне: она
 Так целомудренна, блаженна.
 О как я счастлив, Боже мой,
 Жить рядом с этим человеком!
 Благоухай, цветочек мой,
 Цвети, сияй небесным светом!

Владимир Еременко

Еременко Владимир Спиридонович родился в 1948 году в Мариинске. Служил в армии. В 1973 году окончил Кемеровский государственный институт культуры, режиссерско-театральное отделение. С 1975 года по сей день работает в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. В 2001 году окончил Московский Свято-Тихоновский Православный Богословский институт, катехизаторско-педагогический факультет. Печатался в газетах, журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Всерусский Соборъ» (Санкт-Петербург), коллективных сборниках «Собор стихов», «Поэты университета». Автор книг стихотворений «Белый инок» и «Высокий день». Живет в Кемерове.

Горчичное зернышко

Царство Небесное
подобно зерну горчичному
Мф.13:31

Зерно – один из центральных, самых значительных образов в жизни и культуре человечества.

Евангельское горчичное зерно – наверное, самый глубинный, сокровенный символ Священного Писания.

Притчею о зерне горчичном Господь Иисус Христос говорит народу о Царствии Небесном, которое в душе каждого человека, едва приметное вначале, при возрастании веры, старании человека, следовании его заповедям Божиим все более и более открывается. Душа такого человека становится вместилищем Божией благодати, храмом Божиим. Сам Господь, пребывая в человеке, очищает, освящает, укрепляет его, преображает для Царствия Небесного. Человек входит в Свет, становится Светом, живет в Нем. Человек живет в Доме Небесном, как сын, в Боге и с Богом.

А начинается все с едва заметного, малого веяния благодати Божией, прозрения Слова Божия в сердце человека, возрастания его души в Небо.

Это внутренний, сокровенный смысл притчи.

Еще важно сказать, что Евангельское горчичное зерно, по толкованиям святых, прообразует как личную веру каждого из нас, вводящую в Царство Небесное, так и в целом всю Церковь Христову, вначале малую, для мира неприметную, но возросшую на Земле так, что уже многие народы укрываются и укрепляются под сению ее.

«Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем.

Которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков, и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его». (Мф.13:31–32).

И самое главное, самое сакральное в толкованиях, то, что Евангельское горчичное зернышко прообразует в сердцах наших Самого Господа.

Господь самым малым из семян по желанию нашему («человек взял и посеял на поле своем»), по воле нашей спасительно прорастает в сердцах наших.

И сила этого зернышка – неизмерима.

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас. (Мф.17:20).

Все это вдруг вспомнилось мне летом 2004 года, в гостевой поездке по Германии, когда мы с женой, собравшись на вечернее богослужение, оказались в городе Ульме перед крошечным православным храмом Московской Патриархии.

Образ горчичного зернышка вспыхнул в сердце сразу.

Сравнение это теплом отозвалось в душе, вызвав одновременно и счастливую улыбку, и слезы.

Впечатление усиливалось еще тем, что вначале, прежде этого маленького храма, мы увидели гору – громадный Ульмский собор, самую высокую в мире кирху – 161 метр.

Собор потрясал воображение.

Только что кончился проливной дождь, и в пасмурном раннем вечере он предстал перед нами громадным китом, вынырнувшим из пучины вод, горой, уходящей высоко за серые облака.

Неужели, подумалось, он выше и Кельнского собора?

Да.

Собор молчал.

Службы в нем не было.

Но всем видом своим, всею своей мощью, он олицетворял силу человеческого духа, устремленного к Небу, к Богу.

Долго рассматривать это величие, поражаться нахлынувшими на тебя чувствами не было времени – мы спешили на богослужение.

Где-то здесь рядом – православный храм.

Справа от собора, метрах в двухстах, как нам сказали.

Вот он!..

Здание храма оказалось бывшей кладбищенской церковью собора.

Как потом выяснилось, отданным католическим приходом собора в безвозмездную аренду Московской Патриархии.

Необычно видеть в таком здании православную службу.

Готическая архитектура.

Небольшой каменный крест венчает шпиль церковки.

Нет привычных куполов.

Другая религиозно-архитектурная форма.

Конечно, внешние различия не суть важны, и, тем не менее, каждая архитектурная форма ОСОБО выражает внутреннее религиозное исповедание верующих, их духовный опыт, темперамент, характер.

Как пишет И.А.Ильин в книге «Аксиомы религиозного опыта»:

«Каждое исповедание дарует верующим свое Богосозерцание в образе своих храмов». Храмы Западной Европы – крепостные твердыни, свидетельствующие «о человеческом самоутверждении перед лицом Божиим». «Их дух точно выражается в словах гимна: «Ein feste Burg ist unser Gott» («Как крепость мощен наш Господь...»).

Таков дух готики.

Такова готическая религиозно-архитектурная форма.

Другой дух Православной Руси.

Другая форма.

«Православные храмы говорят о благодном упокоении в любви, – читаем мы в цитируемой уже выше книге Ильина, – о царственном смирении, о тихой молитве, о радости воскресения».

О радости Воскресения молились и ранние христиане. Они не имели еще своих храмов, не созерцали глазами своими золотых куполов православных церквей и готических шпилей католических соборов, но совершая в катакомбах Литургию на гробах мучеников, они исповедовали в сердцах своих ликующую радость Воскресения, жертвенно-волево противопоставляя себя всем страстям мира, вознося сердца свои Богу.

И это – самое главное в христианстве.

Хотя форма этого стремления, повторим, разная даже в христианстве. Различны и религиозно-выразительные архитектурные формы храмов, выражающие основные религиозные чувства верующих. «Эта форма, – читаем мы у Ильина же, – есть безмолвное исповедание: так – мы видим Бога; так осуществляем церковное единение: так очищаем, углубляем и возносим личную душу».

Слева от входа в церковь прямо на стене – большой латунный крест.

«На храме еще нет Православного креста, – вспоминаем мы телефонный разговор с настоятелем, разъясняющим нам дорогу к храму, – крест на стене, слева от входа».

Да, мы на месте.

Служба уже началась.

Мы успеваем к самому ее началу. Из сумерек входим в теплое, золотое сияние богослужения.

– Благословен Бог наш, – возглашает священник – всегда, ныне и присно и во веки веков!

– Аминь! – выдыхаем мы с клиросом.

А на клиросе-то, успеваем заметить, всего одна певчая.

Так бывает в маленьких храмах.

А всего нас в храме вместе со священником и диаконом человек девять-десять. Да, священник, диакон, трое служительниц-помощниц по храму. Одна женщина в церковной лавочке, другая служительница на свечах и третья, вот, на клиросе, певчая. И нас, прихожан, четверо. Двое молодых-мужчина и женщина – и мы с женой. Да, девять человек. Еще подходят люди. Теперь нас человек двенадцать. И – весь мир.

Господи, помилуй!..

Мы ставим в подсвечники только что купленные свечи и прикладываемся к аналойной иконе – «Воскресение Господне».

Господи, слава Тебе!..

Каждение в храме.

Клубы ладана.

Как хорошо!

Как в доме.

Как Дома.

А мы действительно Дома. Дома с большой буквы.

По христианскому пониманию, богослужение есть нисхождение Неба на Землю, присутствие Царствия Небесного на Земле. И это не просто умственное толкование церковной службы, не только духовное ее понимание, но и физическое, телесное ощущение домашнего уюта, тепла, родного Дома – Царствия Небесного.

И все оно содержится в этом маленьком горчичном зернышке – храме!

В сердцах наших.

В Любви Божией.

В Самом Боге.

– Дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней, – глас диакона.

И диакон, продолжая, руководит нами:

– Рцем (речем) вси от всея души и от всего помышления нашего рцем.

И мы вместе с клиросом поем:

– Господи, помилуй!..

Вместе с клиросом, на котором, как мы помним, одна певчая.

Но это – видимо одна.

А невидимо – каждому богослужению сослуживают ангелы небесные.

Они в Небесах и здесь на Земле воспевают хвалу Богу.

– Господи Вседержителю, Боже отец наших, молимся, услыши и помилуй.

– Господи, помилуй!..

– Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молимся, услыши и помилуй.

– Господи, помилуй!..

– Еще молимся о великом господине и отце нашем Святейшем Патриархе Алексии и о господине нашем архиепископе Берлинском и Германском Феофане и о господине нашем архиепископе Лонгине, представителе Русской Православной Церкви в Германии и всей во Христе братии нашей.

И мы опять вместе с клиросом трижды просительно восклицаем:

– Господи, помилуй!..

И диакон ведет службу дальше:

– Еще молимся о богохранимой стране нашей России, властях и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.

И мы опять трижды восклицаем:

– Господи, помилуй!..

Удивительно, мы здесь, в Германии, молимся о России!

Как хорошо, Господи!..

– Еще молимся, – продолжает диакон, – о блаженных и приснопамятных создателях святого храма сего и о всех преждепочивших отцов и братьях, zde (здесь) лежащих и повсюду православных.

Безвестных для нас католических создателей сего храма.

Но имена их знает Бог.

И о наших православных, здесь, в германской земле лежащих, (особенно во множестве воинов), и по всему миру христианах.

– Господи, помилуй!..

– Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих, братии святого храма сего.

– Господи, помилуй!..

– Еще молимся о плодоносящих и добродетельных во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатыя милости.

– Господи, помилуй!..

И священник возглашает из алтаря:

– Яко милостив и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков.

– Аминь!..

И нисходит на душу благодать.

Умиroтворение.

Врачуются усталые души.

Очищаются.

Возносятся к Богу.

К Святому Престолу Его.

К Дому родному, где всем нам хорошо.
Господи, слава Тебе.
Молимся и прибывают силы.
Как хорошо, Господи!..
Будто и не было и нет раскола в Церкви.
Будто не было страшных войн.
Будто нет на Земле непонимания и бед,
грозящих гибелью мира.

Но – есть...

Есть.

И здесь, рядом, за стенами храма и в сердцах наших...

Господи, помилуй!..

Молимся о всем мире.

О соединении церквей.

О спасении душ наших.

Молимся о граде сем, значит, – об Ульме.

О всяком граде и стране.

О всех нас.

Господи, помилуй.

Пресвятая Богородица, спаси нас.

Удивительно, мы стоим в Германии и молимся о городе и стране, из которой выплеснулись в мир две страшные мировые войны.

Господи, спаси и помилуй!

Скоро мы будем праздновать 60-летие Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

Как хотелось бы, чтобы это была последняя война.

Хотя бы мировая.

Но...

Но сколько уже страшных локальных войн вспыхнуло и потрясло человечество за эти шестьдесят лет!..

И продолжают вспыхивать...

Страшно, Господи, на Твоей (нашей) Земле!..

Но как порою радостно!..

Спаси и помилуй всех нас, весь мир и мирную Германию...

И здесь невольно я отклоняюсь от сюжетного повествования и вспоминаю, как уже после богослужения мы, умиротворенные, гуляя по площади у собора, тихо рассматривали выставленные на специальном подиуме под открытым небом документальные фотографии конца Второй мировой войны, краха фашистской Германии. Фотомонтаж. Большие панорамные фотографии на вертикальных ширмах.

Последние дни гитлеровской Германии.

Как хочется верить, что последние!

Немцы тоже хотят в это верить.

Во всяком случае простой народ.

Я в этом убеждался много раз.

Они очень напуганы тем ужасом, который

натворили в мире, напуганы тем безумием, которое выплеснулось из Германии на весь мир, напуганы теми темными тайниками душ своих, из которых (через которые) вырвалось это безумие. Они настолько напуганы, что не хотят даже вслух произносить имя Гитлера...

В одну из ширм вмонтирован телевизор. Идет постоянный сеанс – документальные кадры конца Второй мировой войны.

Германия.

Руины.

Ульм.

Один, как перст, собор среди разрушенных зданий.

Измощенные лица побежденных.

Немного похожи на наших блокадных ленинградцев... Но это лишь на первый взгляд... Только внешне... Ленинградцы терпеливо-смиренны и тем самым высоки в боли своей. Немцы подавленные. Да так и должно быть: ведь они ощущают вину, получают по заслугам. На лицах тяжелый отпечаток усталости, безысходности.

Вспоминается Генрих Бёлль. Его роман «Ангел молчал». Очень похоже по атмосфере.

Трудные дни немцев.

Трудные дни русских.

Трудные дни всего мира.

Господи, неужели это может повториться?

Это представить страшно.

Это представить почти невозможно.

Особенно, как ни парадоксально, в самой сегодняшней Германии.

Ничего здесь (во всяком случае внешне) не напоминает о войне. Только вот такие поканные панорамы.

Я удивляюсь – другая Германия.

Мирная.

Тихая.

Pazifistisches Deutschland.

Тихая Германия.

Как из нее могло прыгнуть на мир такое страшное чудовище войны?!.

Мне бы возмущаться ее тихостью.

Мне бы вспоминать о ранах, которые она нанесла России, всему миру.

Мне бы корить побежденного.

Но русский не так устроен.

Русский иного духа.

Русский прогоняет врага до дома его и дома его не разоряет.

А так и подмывает сказать: «А надо бы!..»

Но наша борьба по большому счету, (а Русь и живет только по этому счету), как говорит апостол Павел, «не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных». (Ефес.6:12).

Жертвенная Русь.

Святая Русь.

Богохраняемая Россия.

Неужели, Господи, мир так и не познает нас во времени?

Неужели только на Страшном Суде очнется?

Неужели только там, в предверии Вечной Жизни, Вечной Славы или Вечной Смерти увидит и узнает своего русского брата?

Хотя надежда есть, что еще и здесь.

Вот пример – Вальтер Шубарт и его книга «Европа и душа Востока», изданная у нас в 2003 году.

Какой прекрасный анализ Запада, какая интуиция Востока!

И другой, такой же немец – Людольф Мюллер с его книгой «Познать Россию». Он, солдат Вермахта, воюя на Восточном фронте, вдруг в окопах пишет стихи о Святой Руси! Называет землю нашу нашими словами — Матушка Русь!

Это поразительно, что сказали эти два немца о России.

Особенно, Шубарт.

Так не всякий русский о себе знает, как сказали они!

И надежда в нашем мире на милость Божию и таких людей, которые видят восходящие к Богу начала, а не разделяющие людей пропасти.

«На свете всегда будут существовать немногие люди, — пишет В.Шубарт во введении к своей книге, — устроенные так, что именно через них, возможно преждевременно, в мире появляется новый элемент духа».

Это о себе он сказал, о Людольфе Мюллере, о других людях, о нас с вами, дорогой читатель, если мы стараемся соответствовать этому определению. О мессианском человеке грядущей Иоанновской, как он определяет, эпохи.

«С тех пор, как стоит Россия — о русском народе сказаны такие слова впервые», — отзывался И.А.Ильин о книге В.Шубарта еще в 1940 году.

Быстро пролетает время богослужения.

Почему так быстро?

Ах, да, — служится только Вечерня... А Всенощное богослужение, постоянное, обычное во все субботы в российских храмах, здесь производится перед большими праздниками, как мы потом узнаем у настоятеля храма.

Заканчивается служба.

Священник читает отпуст (отпуск) — краткие молитвословия, завершающие службу и обращается ко всем нам:

Спасибо, братья и сестры, за совместное богослужение. Служба совершена. Дождь

омыл землю. За всё — слава Богу. С наступающим вас воскресным днем. Литургия завтра с 10 часов утра. Да хранит нас всех Господь, — произносит священник и осеняет еще раз нас всех крестом. —

Ангела Хранителя вам.

Мы идем прикладываться ко кресту.

Народу в храме к концу службы прибыло. Теперь нас человек 15.

Приложились ко кресту.

Подходим к иконам.

К иконам Богородицы, другим иконам святых.

К храмовой иконе святых мучеников Валентина и Пасикрата.

Мучеников III века, воинов славянского происхождения, за исповедание Христа после мучений усеченных мечом.

Память их празднуется — смотрю я уже дома по церковному календарю — 24 апреля (7 мая по новому стилю).

Невольно приходит мысль: в самый канун нашей Победы.

Господи, слава Тебе!

Молите Бога о нас, святые мученики Валентин и Пасикрат!..

Опять возвращаемся к аналойной иконе «Воскресения Христова».

Наступает воскресение. По церковному исчислению времени новые сутки начинаются с шести часов вечера. Всякое воскресение в христианской церкви празднуется как малая Пасха. «Христос воскрес!» — слышится восклицание в сердце. «Воистину воскрес Христос!» — радостный отклик в душе.

Настоятель выносит из алтаря складной аналой, Евангелие, крест.

Начинается, понимаем мы, приготовление к Исповеди.

— Благословите, отче, — спешим мы с женою к настоятелю храма, складывая руки под благословение, дабы успеть до начала исповеди, чтобы не прерывать ее течения.

— Бог благословит, — произносит священник и осеняет нас крестным знамением, — во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Аминь, — отвечаем мы и целуем руку священника.

Благословение Божие через руку благословящего нисходит.

— Вы откуда? — спрашивает нас священник.

— Из России, из Сибири, из Кемерово, — отвечаю я.

— О-о-о! Земляки, — восклицает тихо священник.

— Вы тоже из Кемерово? — в свою очередь удивляюсь я.

– Нет, – отвечает настоятель, – из Новосибирска. Вы бываете в Новосибирске?

– Да... Вы и родились в Новосибирске?

– Да. А учился в университете в Томске. В Новосибирске служил в кафедральном соборе. Вы бываете в нем?.. Кого из священников там знаете?

– Мы бываем в основном в Александро-Невском соборе, – говорит Лиля.

– Я знаю отца Александра Новопашина, – сразу же говорит настоятель.

– И мы знаем! – хором отвечаем мы.

– А Вас зовут отец Максим? – спрашиваю я.

– Да.

– Это я Вам звонила, – говорит Лиля, – спрашивала о службах.

– А Ваши имена? – спрашивает отец Максим.

– Еременко, – отвечает Лиля.

– Раб Божий Владимир и раба Божия Лия, – улыбаясь, уточняю я.

Хотя Лиля тоже правильно ответила – Еременко, наши имена сразу в одном имени...

– А Ваш Владыка здесь у нас на лечении, – говорит отец Максим.

– Да, мы знаем, – отвечаем.

– В Дюссельдорфе, – говорю я.

– К нам недавно сюда приезжали Владыка Берлинский и Германский Феофан и Председатель по делам епархии Владыка Голутвин.

Я просил Владыку Феофана, чтобы он привез, если Бог даст, Владыку Софрония к нам на службу.

– А Вы с Владыкой нашим знакомы? – спрашивает Лиля.

– Да. Я его еще знал отцом Димитрием в Новосибирске.

– Да! – радостно восклицаем мы.

– Вы у нас завтра на Литургии будете?

– К сожалению, нет, – отвечаю я. – Мы здесь у родственников и не полностью распоряжаемся своей свободой. Они привезли нас сюда на машине, за 70 километров, подстраивают свои дела и даже отпуск взяли специально.

– А вы еще сюда будете приезжать?

– Надеемся, – отвечает Лиля.

– Когда приедете, звоните, мы и машину для земляков можем организовать. Привезти вас и увезти.

– Спасибо, отец Максим, – улыбаемся мы.

– Подождите немного, – обращается отец Максим к прихожанам. – Я с земляками встретился, сейчас, минуточку.

И продолжает, обращаясь к нам:

– Храм этот маленький. Он – здание – принадлежит к кирхе (лютеранская сейчас, была католической). Передали нам это здание в 1948 году, после войны.

– В мой год рождения, – говорю я.

Отец Максим улыбается.

– С нас и плату за аренду помещения не берут, – говорит отец Максим, – и вообще нас здесь любят. И все знают, что здесь в тихой улочке есть наша Русская Церковь.

– А много у Вас прихожан? – спрашивает Лиля.

– В воскресные дни, в праздничные службы набирается до шестидесяти человек. Стоят, прижавшись плечом к плечу...

И вдруг сетует:

– Хор наш уехал сейчас на концерты. Хороший хор, – сожалеет отец Максим, что мы не слышали его пения.

– Хорошо пела и без хора, – говорю я о женщине клирошанке. – Мы ведь не на концерт пришли, – успокаиваем настоятеля, хотя понимаем, что ему хотелось бы в лучшем виде представить службу в храме.

– Отец Максим, – говорю я, чувствуя необходимость завершения беседы, – разрешите, благословите с Вами сфотографироваться на память.

– Наверное, свет нужно включить – соглашается-благословляет отец Максим – и идет в алтарь включать люстру.

Свет.

– Молодой человек, – обращаюсь я к одному из прихожан, – сфотографируйте нас, пожалуйста.

– Женя, сфотографируй, – говорит отец Максим.

– Конечно, – соглашается, улыбаясь Женя.

Мы с Лилей фотографируемся с отцом Максимом.

Спасибо, отец Максим, – говорю я.

– Хорошо получится, – говорит Женя и отдает мне фотоаппарат.

– Благословите, батюшка, – говорит Лиля.

Отец Максим благословляет нас.

Мы прощаемся.

Но еще остаемся некоторое время в храме. Кладем пожертвования в церковную кружку. Не в рублях, а что для меня удивительно – в евро, которые в свою очередь пожертвовали нам наши немецкие родственники, в основном, – мама, папа (мои тесть и теща). Отмечаю про себя, что пожертвования наши гораздо больше, чем на обычных службах в России.

Не считая, конечно, особых случаев. Но тут же приходит мысль, что в российских храмах мы за обычным богослужением не только кладем приношения в церковные кружки, коих в каждом храме несколько, но и в общую чашу, покупаем свечи, газеты, книжечки, жертвуем нищим. Наверное, получается столько же,

сколько мы пожертвовали здесь... Улыбаюсь тому, что считаю деньги... Становлюсь немцем что ли?.. Немцы любят считать... Да и мы – если есть, что считать... Хотя нам чаще приходится считать долги. Или это оттого, что в поездке вообще появилась навязчивая привычка – переводить германские цены и зарплаты в наши российские и не переставать удивляться, как мы вообще можем на наши зарплаты существовать. Но, слава Богу, не все в руках человеческих, а в Божьих и потому – мы живем, а не просто существуем. Живем по милости Божией и стараемся жить во славу Божью, на радость людям...

Отгоняю в сторону мысли о деньгах.

Попили святой воды.

Посидели немного в тишине храма.

Господи, как хорошо!

Горят свечи.

Взирают на нас Святые с икон.

Богородица держит в объятиях Сына Своего, Содержащего всю вселенную Царя Небесного Бога нашего, Невмещающегося в сознание человеческое, но Пребывающего в сердцах наших.

Идет исповедь.

Тихий разговор. Покаянные слезы. Радость.

Тихая домашняя работа.

Еще немного сидим, затем покупаем серебряные крестики для наших немецких родственников – православных христиан и идем к выходу.

У выхода еще раз поворачиваемся к иконостасу, алтарю, крестимся.

Господи, милостив буди мне грешному.

Господи, спаси нас и помилуй.

Господи, слава Тебе.

Выходим из храма.

Редкие капли дождя.

Собор опять удивляет своей громадностью. Но как-то уже по-родному: ведь он приютил, взял под крылышко – предоставил церковку свою для Ульмского прихода Русской Православной Церкви Московской Патриархии.

Самая большая кирха в мире и, наверное, самый маленький Православный Храм на Земле.

Горчичное зернышко.

Германия, г. Ульм — Россия, г. Кемерово.

Юрий Светлаков

Известный кинооператор, ведущий популярной некогда телепередачи на канале ГТРК «Кузбасс» «Шаг за горизонт», родился он в 1938 году в Киселёвске, после окончания Прокопьевского горного техникума отработал три года геодезистом в управлении главного архитектора города Прокопьевска. В 1969 году заочно окончил кинооператорский факультет ВГИКа. С 7 сентября 1961 года по 7 сентября 2006 года работал на Кемеровской студии телевидения. Снимал киноочерки, вёл циклы передач: «Кинология Кузбасса», «Рассказы о Кузбассе», «Колесо», «Люди земли Кузнецкой», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом». Юрий Светлаков – автор нескольких книг, преподаватель курса операторского мастерства в Кемеровском государственном университете культуры и искусств, доцент.

Театр одного актёра

**ВАЛЕНТИН АПОЛЛОНОВИЧ
ВАГРАМОВ**

Творенье может пережить творца.
Творец уйдёт, природой побеждённый.
Однако образ, им запечатлённый,
Веками будет согревать сердца.

Микеланджело

Мне выпало счастье встречаться и беседовать с известными в своё время людьми Кузбасса: актёром, народным артистом РСФСР А.К.Бобровым; шахтёром, Героем Социалистического Труда В.С. Костиным; директором Беловской ГРЭС, Героем Социалистического Труда П.А.Друзем; строителем, Героем Социалистического Труда А.С.Пашкиным; футболистом, мастером спорта СССР В.А. Раздаевым; учёным, доктором исторических наук А.И.Мартыновым; учителем сельской школы, народным учителем СССР М.А. Авериним; участником Октябрьской революции И.Я. Перцовым; руководителем детского хора «Родничок» В.И. Клениной и многими другими.

Все они рассказывали сами о себе. Каждый человек, что-либо создавший в этом мире, оставляет после себя память в делах и словах.

После пожара в студийной фильмотеке я нашёл среди обгоревших плёнок амбарную книгу, в которой регистрировались фильмы и передачи, подлежащие хранению. В ней были записи тридцати передач цикла «Люди земли Кузнецкой» (1986-1989). Из тридцати передач сохранилась лишь одна – о начальнике строительства Кемеровской ГРЭС Б.О. Норкине!

Другие уничтожены. И уничтожил их не пожар, а «свой брат» – редактор. В журнале, напротив всех передач цикла «Люди земли Кузнецкой», стояла циничная надпись, выведенная чьей-то равнодушной рукой: «Стереть, как не представляющую историческую ценность». Я-то знаю чьей, но не в имени дело.

Можно спорить о художественном достоинстве этих передач, но если эти имена «не представляют исторической ценности», то какие «представляют»? Мне объяснили, что

не было плёнки для записи других передач. Воистину, «что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Век человека не бесконечен. К сожалению, многие мои герои передач цикла «Люди земли Кузнецкой» ушли из жизни. Их не пересямешь. Да и время другое. Сохранились лишь звуковые фонограммы некоторых передач.

Расшифровку одной из них предлагаю вашему вниманию.

Разумеется, вы не услышите музыки, шлеста листьев, вздохов героев, вы не увидите мимику лиц, снятых на плёнку, — это всего лишь застывшие звуки в печатных словах.

Просматривая газеты в поисках каких-либо сообщений о киносъёмках в Кузбассе, я совершенно неожиданно в газете «Ленинский шахтёр» наткнулся на заметку, в которой сообщалось о том, что житель города Ленинск-Кузнецкого Ваграмов во время подготовки фильма «Первая конная» встречался с Будённым. В этой же заметке ещё говорилось о том, что режиссёром этого фильма был Яков Блюх. Я уже знал о том, что Блюх в 30-е годы приезжал в Кузбасс в составе Московской кинопередающей и снимал фильм на площадке Кузнецкстрое. Надо непременно встретиться с Ваграмовым, тем более что Ленинск-Кузнецкий не за горами, и... встреча состоялась.

Валентину Аполлоновичу в то время было за 90 лет.

Светлаков: — Как Вы встретились с Будённым?

Ваграмов: — В 1928 году фабрика «Культурфильм» Совкино решила снять картину о Первой конной армии. Съёмочную группу возглавлял я. Мне пришлось вместе с оператором выехать для отыскания мест съёмок. На одной из станций я посмотрел в окно вагона и вижу товарища в нательной рубашке,

очень похожего на Будённого. У вагона меня остановили:

— Вы куда?

— Мне кажется, что здесь Семён Михайлович. Мне к нему надо по личному вопросу.

— Я доложу.

Пошёл, доложил и сейчас же вернулся и говорит:

— Семён Михайлович просит Вас зайти.

Будённый любезно пригласил сесть и спрашивает:

— Ну, чем бы мог порадовать?

— Семён Михайлович, мы снимаем картину «Первая Конная».

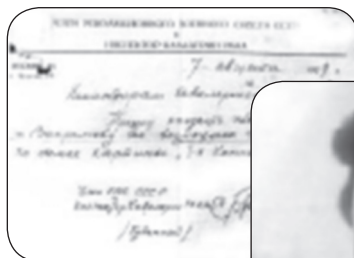
— Почему я этого не знаю? Почему не доложили?

— Для съёмки картины нужны кавалеристы для боёв, примерно, сабель четыреста.

— А где же я тебе возьму столько?

Напротив сидит тот самый товарищ, который меня не пускал. Это оказался его адъютант. Будённый говорит ему: «Пиши!».

Он стал писать: «Командирам кавалерийских частей. Прошу оказать помощь подателю сего тов. Ваграмову всё возможное содействие по съёмке картины «Первая конная армия». Член РВС СССР. Инспектор Кавалерии РКК Семён Будённый». Подписано 27 августа 1929 года.

Пока адъютант писал записку, я говорю: «Позвольте Вас заснять в такой домашней обстановке». Он говорит: «Конечно, пожалуйста».

Знаете, Будённый очень любил сниматься. Оператор его снял, мы попрощались и ушли в восторженном состоянии.

— Помогла Вам эта записочка?

— Ещё бы. Я тогда получил от дивизий, стоящих в Крыму, около 200 сабель.

— Картина снята была? Блюх всю картину снял?

– Нет. Он во время съёмки атаки кавалерийской попал под лошадь. Его сразу отвезли в госпиталь. Вместо Блюха остался оператор.

– Кто оператор был?

– Вначале был Лебедев Николай Александрович, а потом доснимал Евгений Славинский.

– В прокате картина называлась «За фронтом фронт, или Первая Конная». 6 частей. Союзкино. Московская фабрика Культурфильм. Выпуск 20 февраля 1931 года. Сценарий и режиссёр Блюх. Операторы Славинский и Лебедев.

Между прочим, Евгений Иосифович Славинский работал у нас в Сибири на новосибирской киностудии, снимал несколько фильмов. Случайно сохранились его кадры из фильма «Первая Конная».

– Валентин Аполлонович, помимо организации съёмок «Первая Конная армия» Вы, я знаю, принимали участие в съёмках картин Преображенской «Бабы рязанские» – это был один из первых цветных фильмов.

– Я снимался ещё в картине Абрама Матвеевича Роома «Предатель».

Абрам Матвеевич был моим «крёстным отцом». У меня сохранилась характеристика, которую дал Роом. Он пишет: «Ваграмов снимался у меня в ряде картин. Всегда, как и в съёмке, так и в деле проявлял достаточную киноактёрскую способность и усердие. Как работник Моспосредрабеса всегда был в высшей мере предупредителен, настойчив и актёрские дела всегда выполнял охотно и умело».

У режиссёра Сергея Юткевича я снимался в картине «Кружева».

– А ещё Вы работали в театре. Как Вы попали на сцену?

– Был такой театральный отдел, которым руководил Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Под его руководством меня обязали из тысяч безработных актёров формировать театральные коллективы.

На сцену попал очень интересно. Надо сказать, что я полтора года работал грузчиком в одесском порту. Я был тогда очень малокультурным человеком и очень малограмотным.

Один из грузчиков, упавший до последней степени алкоголизма, стал меня обучать грамоте. По образованию он был адвокат и, причём, очень хороший. Мы зарабатывали хорошо. Я стал посещать театр. Короче говоря, мои хождения в театр привели меня к тому, что мне очень захотелось вот так же, как те актёры, которых я видел, также приносить пользу людям. В это время ко мне подходит капельдинер и говорит: «Слушай, молодой человек, у нас расклейщик афиш ушёл. Ты не пойдёшь?». «Пойду». Я хотел избавиться от портовой обстановки потому, что этот «юрист», который меня обучал, он меня в один «прекрасный» день обворовал. Он вынес всю мою скудную обстановку. У меня был коврик, было бельё новое, был костюмчик один – единственный.

– А как на сцену-то попали?

– На сцену я попал таким образом. В театр Серебрякова приехали братья Адельгейм. Им понадобился молодой человек, для того, чтобы он сыграл в «Кручине» роль гимназиста. Выучил роль, наступил день спектакля. Помощник режиссёра почти вытолкнул меня на сцену. Он настолько сильно толкнул, что я вылетел на сцену и попал в объятия самой Манечки. Что она со мной выделявала! Это страшное дело! Во-первых, она посадила меня на колени, стала меня нацеловывать, стала меня нащипывать, стала меня наласкивать и всё такое прочее.

Гомерический хохот стоял в зале. А у меня такое было состояние, что я слова не мог вымолвить. У меня полная прострация была. Потолок пошёл вниз, потом вверх. В зале я видел только чёрную дыру, больше ничего. Дали занавес, я в полном отчаянии. Через 2 минуты такой гром аплодисментов пошёл. 15 раз давали занавес. Это было 24 апреля 1908 года. После этого пришёл антрепренёр этого театра и сказал мне, что я настолько понравился публике, что кончай со своими афишами, я тебя переведу в состав труппы и даю тебе 15 рублей. А расклейщиком афиш я получал шесть рублей.

Я даже с Комиссаржевской играл в «Бесприданнице». Потом война 1914 года. Ушёл на войну. Революция. Организовывал театры. В Луганске, в Армавире, в Липецке.

– Как Вы оказались в Москве?

– В Москву меня вызвал Анатолий Васильевич Луначарский. Ему Мейерхольд подсказал: «Давайте мы его в театральный от-

дел переведём». Организовывая актёров для периферийных театров, не забыл про себя. Я стал организовывать, по предложению Ярославского, в Москве, на Тверской улице, театр «Безбожник».

Первым спектаклем в этом театре у нас была пьеса «Праздник Святого Йоргена». В спектакле я играл с Михаилом Царёвым.

Недавно получил от него письмо, в котором он пишет: «Валентин Аполлонович, посылаю Вам поздравления и напоминаю, что мы с Вами лицедействовали вместе 50 лет тому назад в «Празднике Святого Йоргена».

Ещё он прислал мне свою книгу о Малом театре.

— Михаил Иванович Царев приезжал в Ленинск-Кузнецкий. Зачем?

— Чтобы ответить на этот вопрос, нужно, сделать небольшое отступление.

...Москва 1920-х годов. Это было время, когда театр стал самым популярным и распространенным из искусств. Театры возникали, как грибы после дождя, везде и всюду: на фабриках и заводах, на транспорте, в частях Красной Армии.

В небольшом помещении дома на углу Леонтьевского переулка и Мясницкой улицы (ныне улиц Станиславского и Кирова), где помещалось всего около трехсот зрителей, возник в конце 1924 года театр «Безбожник». Сегодняшней зритель считает, что театр это учреждение, где за представление зрители платят деньги, а работающие там актеры получают зарплату.

Тогда чаще всего было не так. Представления давались бесплатно. Артисты где-то на стороне зарабатывали на кусок хлеба, а здесь, в театре, им платой было признание зрителей. Таким был и «Безбожник», на сцене которого шел спектакль по роману датского писателя Раральда Бергстеда «Праздник святого Йоргена».

В спектакле показывался городок, куда должен, как заверяют служители церкви, прийти святой Йорген, чтобы облегчить страдания верующих. Вместе с богомольцами на религиозный праздник попадают два жулика — знаменитый вор-рецидивист Мякаэль Коркис и его друг, карманник Франц Шульц. Коркис выдает себя за святого, и, дабы все убедились, что он святой Йорген, «исцеляет» едва двигавшегося на костылях хитреца Франца, который на глазах изумленной толпы отбрасывал костыли и пускался в пляс.

— Все это помнят по фильму Якова Протазанова «Праздник Святого Йоргена».

— Так вот одного из героев спектакля, красавца Мякаэля, играл Михаил Царев, в то время молодой артист, только что приехавший в Москву из Петрограда. Его партнером, изображавшим воришку Франца, был я. Тот самый Ваграмов, который живет нынче в Ленинске-Кузнецком. Вот почему сюда приезжал Михаил Иванович Царев.

— Чтобы навестить своего старого товарища по искусству.

— Последний раз мы виделись в 1938 году

— У Вас очень редкое отчество — Аполлонович. Где Вы родились?

— Родился я в Италии. Там я, можно сказать, открыл глаза на мир. Мать пела в итальянской опере в театре Ла Скала, отец — итальянец, агроном. Отец был в движении Гарибальди. Власти стали отца преследовать, и семья вынуждена была уехать в Россию. Так я восьми лет вместе с эмигрировавшими родителями попадаю в Россию...

Пока Валентин Аполлонович рассказывал, я думал о том, какие далеко не козырные карты выпали на его долю...

В двенадцать лет его лишают родительского крова. Пастушонок, подмастерье, вор, (кстати, он однажды сидел в тюрьме вместе с Котовским). Потом портовый грузчик, расклейщик афиш, организатор кинопроизводства и, наконец, актёр. Встреча с Царёвым. И хотя недолго просуществовал тот театр — чуть больше года, и потом разошлись их пути, Михаил Иванович начал работать в Малом театре, а Ваграмов руководил театром в городе Торжке Калининской области. После этого работал в Кирове и Уржуме, Омске и Энгельсе, а в 1949 году судьба привела его в наш край.

— А как Вы оказались в Кузбассе?

— Было такое постановление правительства «Об укреплении театров Кузбасса». Я в то время был режиссёром и актёром в Виль-

нюсском республиканском театре. Не нашли никого, кроме меня, двинуть в Сибирь. Я был вынужден строить театр Ленинского Комсомола в Анжеро-Судженске.

В 1950-м году я ушёл на пенсию, потому что я держался всегда такого мнения: «Лучше уйти раньше, чем тебя увезут».

Руководство области предложило любой клуб, Дворец культуры, чтобы работать в художественной самодеятельности. Я выбирал, выбирал и довыбирался до Ленинск-Кузнецкого. В этом городе сейчас живу и работаю руководителем общественного Дома народного творчества.

– Не подсчитывали, сколько ролей сыграли? Сколько спектаклей поставили?

– Я одно время записывал. Получилось около 300 ролей и 120 спектаклей.

– Я желаю Вам в Ваши 90 с гаком лет, не терять той удивительной энергии, которая была всё время с Вами.

– Спасибо.

– Напомню слова В.В. Стасова из его письма Л.Н. Толстому:

«Какие счастливые будущие поколения – они будут видеть, слышать, знать, точно осязать глазами и слухом своих прежних великих людей – ведь это гигантское торжество над бессмыслием и враждебностью природы. Будущие Герцены, Гоголи и Грибоедовы будут перед глазами и воображением каждого и везде, – какое счастье, какое блаженство! Как не жить страстью, чтобы такое счастье началось уже и теперь, сейчас, нынче».

P.S.

А теперь я должен объяснить, почему этот очерк назвал «Театр одного актёра». После той первой встречи мы стали переписываться. Валентин Аполлонович не пропускал ни одной моей передачи цикла «Рассказы о Кузбассе». Его добрые слова и дельные замечания, особенно когда находишься в диком одиночестве, в стае недоброжелателей были мне ой как нужны.

Признаюсь, лучшего друга в те годы у меня не было. Несмотря на большую разницу в возрасте и не знаю, кто из нас был более пацанестее.

Однажды я приехал к нему в Верхотомский дом отдыха, где он был вместе с женой – добрейшей Зинаидой Семёновной. Пока Зинаида Семёновна «носила» по выражению Ваграмова по лесу в поисках грибов, Валентин Аполлонович в течении трёх часов разыгрывал по ролям эпизоды своей жизни, сцены из спектаклей для единственного зрителя. Я жалел лишь об одном, что эту потрясающую игру не удалось снять на плёнку, не записать на магнитофон.

Это был изумительный СПЕКТАКЛЬ ОДНОГО АКТЁРА для одного зрителя.

Ощущение катарсиса незабываемо. Я видел и слышал то, что не видели и не слышали другие...

Юрий Подковырин

Подковырин Юрий Владимирович в 2003 году с отличием окончил факультет филологии и журналистики КемГУ. Работает на кафедре литературы и русского языка КемГУКИ с 2006 года. Кандидат филологических наук.

«Азбука» кузбасской литературы

Среди многочисленных ярких событий в литературной жизни Кузбасса – выход в свет хрестоматии «Писатели Кузбасса. Проза, поэзия», предназначенной для внеклассного чтения в 5-11 классах школ Кемеровской области, стоит особняком. Впервые вниманию учеников и широкого круга читателей предлагаются собранные под одной обложкой лучшие произведения кузбасских мастеров художественного слова.

Значимость данного издания для литературного образования нашей области трудно переоценить. Изучение литературы в школе предполагает не только обращение к опыту мировой и отечественной классики, но и погружение в региональный литературный процесс. Многие школьники интересуются творчеством местных авторов, им важно знать, что литературные тексты создавались и создаются не только «где-то и когда-то», но – «здесь и сейчас». Некоторые же и сами сочиняют стихи или прозу, являясь таким образом участниками литературной жизни региона.

Хрестоматия открывает ученикам многочисленные грани литературного дарования писателей-кузбассовцев. Читатель найдёт в книге произведения различных литературных родов и жанров, представляющие творчество разных поколений художников слова: с пятидесятих годов прошлого века до современности. Здесь и такие известные литературные патриархи, как Евгений Буравлёв, Александр Волошин, Виль Рудин, и ныне работающие, известные всему Кузбассу, поэты и прозаики – Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов, Иосиф Куралов, Андрей Правда. Большое многообразие авторов и текстов позволяет ученикам выбрать чтение на свой вкус, а учителям подобрать разнообразный материал для занятий. Алфавитный принцип расположения материала в хрестоматии представляется удачным не только из-за удобства обращения, но и в силу того, что исключает возможность выстраивания каких-либо иерархий, расстановки ненужных акцентов. Читателю предлагается своеобразная «азбука» словесного творчества родного края.

В то же время данная книга – это широкая и пёстрая мозаика природной, социальной, духовной жизни нашего родного края. В стихотворениях известного берёзовского поэта Леонида Михайловича Гержидовича образы Барзасской тайги становятся просто физически ощутимыми:

(...) Орех налился силой млечной,
В логах, где запахи густы,
По смородинкам поречным
Пируют юркие дрозды.
Неугомонная кедровка
Освоила кедровый сук.
И по стволу шныряя ловко,
Вершину ищет бурундук (...)

А вот в другом стихотворении эти же знакомые образы окрашиваются сказочно-мифологическими оттенками – так создаёт в сознании читателя образ таёжного рая:

(...) Заливались серебряно трубы,
Восклицала торжественно медь...
Дикий лось целовал меня в губы,
Улыбался по-братски медведь.

По-ребячьи барахтался воздух
На ладонях уснувшей курьи,
И в сугробах горячи звёзды
Натыкались на лыжи мои (...)

В стихотворении Александра Ибрагимова «Таймени в Тайдоне» представлена уже иная стихия – водная, не тайга, а река. Однако чувство физической ощутимости образа то же:

(...) Таймени, таймени – бока-облака.
Застыла в томленьи
Тайменья река (...)

По взбывченным спинам гуляет восторг!
Пружинающий спиннинг
Стреножил поток.

И режет ладони – судьба, как струна.
И солнце в Тайдоне –
Блестит, как блесна!

Звонкие аллитерации, как речные брызги, окатывают читателя, заставляют кожей почувствовать красоту реки, азарт рыбной ловли.

Природные образы сменяются в стихах других поэтов – урбанистическими, но такими же родными, близкими и лирическому герою, и читателю, как, например, в стихотворении «Старцева грива» Валерия Зубарева:

(...) Но дым чёрно-белый,
комбината Кузнецкого дым
задышал над былинкой несмелой,
замешал молодое с седым.

Чтобы я, со своим интересом
в электричках столичных метро
по кузнецким катаючись рельсам,
про себя усмехался хитро.

Обращаются кузбасские авторы и к многообразию исторических событий. Так, в произведениях Виля Рудина и Владимира Мазаева затрагиваются события Великой Отечественной войны. В рассказе Владимира Мазаева «Небо раскачивалось» главный герой – представитель опасной в военное время профессии почтальона. Он словно бы вестник Судьбы: с его приходом в дом приходят или радость и надежда, или неизбежное горе. Впрочем, в конце рассказа героя объединяет со всеми общая радость – Победа. Текст Виля Рудина («Память горькая, память светлая») передаёт нам историю девочки из Белостока, потерявшей родителей, воспитанной во время войны польской семьёй и всё же нашедшей свою мать...

Поэзия и проза, собранная в хрестоматии, представляет не только разные стороны жизни земли Кузнецкой, но и различные художественные мировоззрения, взгляды на действительность. Так, в уже отмеченных ранних стихотворениях Александра Ибрагимова привлекает внимание шестидесятилетняя «громкость» поэтической речи, установка на публичность слова, раскатистость и полётность голоса в сочетании с подкупающей откровенностью. Автор, недвусмысленно напоминая о Евтушенко, Вознесенском и других титанах поэзии 60-х, смело соединяет далёкие понятия, большие и малые, обыденные и мифологические, пространственные и временные образы:

Первоклассники, первоклашки –
Точно новенькие промокашки! (...)
(«Первое сентября»)

В небе солнце! солнце! солнце!
Словно рыжий папуас (...)
(«В небе солнце! солнце! солнце!...»)

Мы нервы, как леску,
Швыряем в века (...)
И режет ладони – судьба, как струна (...)
(«Таймени в Тайдоне»)

Лирический герой Ибрагимова – по-детски искренний, с голосом иногда надрывным,

словно ломающимся, и в то же время серьёзно размышляющий об истине и лжи:

У нас предлоги, как подлоги,
Мы ловко лжём, причину скрыв,
И опускаем, как подложку,
На дно души святой порыв (...),

о поэзии и правде:

Мы поэты – мистификаторы!
Мы выдумываем людей,
Разогнав себя по экскаватору,
Как пращу в орбитах идей (...),

об уходящем навсегда детстве:

Уходит детство от мужчин,
Уходит с Дедами Морозами,
Уходит с вафельным мороженым,
Уходит, как мы ни кричим (...).

Думается, чувства и проблемы, тревожащие героев ибрагимовских стихотворений, будут просты и понятны юному читателю начала XXI века так же, как и читателю-шестидесятнику. Юность в поэзии Ибрагимова – не столько возраст, временем ограниченный период, сколько состояние, отражённое в формах мировоззрения и речи, категория не только временная, но, я бы сказал, интонационная.

В стихотворениях Владимира Иванова звучат иные – идиллические, есенинско-рубцовские – интонации. Поэт внимательно вслушивается в язык природного мира, который разворачивается перед ним, как книга:

Как токует оглохший глухарь
И кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует! (...)

Главные персонажи в поэтическом мире Иванова – ветер, ручей, река, яблони, журавли, лось, глухарь – все они живут своей жизнью, многообразной и значительной, и в то же время прочно, иногда трагически, переплетённой с жизнью и чувствами человека. Так, в стихотворении «Желание» герой чувствует острую необходимость слияния, физического сращения с «плотью» мироздания:

Судьбу свою вывалить в глине,
В зелёной измазать траве
И сердцем срастись с сердцевиной (...),
И вдаль простираться полями
И спелые зёрна ронять (...),

Да слиться судьбой воедино
Мне с миром высоких чудес,
Где вышит крестом журавлиным
Застиранный ситец небес!

Древнее тождество поэта-демиурга и вселенной оживает в этих строках! И тут же: проникновенное стихотворение, обращённое к любимой женщине, в котором возвышенное просвечивает сквозь бытовые подробности:

Вот вернулась ты с работы.
У тебя усталый вид.
И лицо твоё
Заботы
Дня минувшего хранит (...)
Вновь лицо твоё согрето
Тайным и глубинным светом,
И, меня сводя с ума,
Светит женственность сама!

Образы природного, деревенского бытия являются краеугольными камнями художественных «строений» большинства авторов хрестоматии, как поэтов, так и прозаиков: Виктора Арнаутова, Виктора Баянова, Анатолия Иленко, Виктора Коврижных, Валерия Козлова, Виктора Чугунова и других.

Читая представленные в книге рассказы, я обратил внимание, что во многих из них основной мотив – возвращение домой (в родную деревню, город), к родным корням, истокам, в мир детства, наконец. Михаил – герой рассказа Константина Акатнова «Паровоз», возвращаясь на малую родину, в свой «посёлок городского типа», никак не может привыкнуть к происшедшим там изменениям и, прежде всего, к огромному паровозу в парке железнодорожников. Этот паровоз – чужеродное тело в мире его детских воспоминаний, от которого необходимо избавиться любой ценой. Но для Сашки – сына Михаила – паровоз – часть его, Сашкиного, детства. В финале рассказа – намёк на примирение двух мировоззрений: детского и взрослого, обращённого в прошлое и открытого будущему.

В рассказе Виктора Арнаутова «На подергушку» главный герой во время командировки заезжает в свою деревню, на малую родину, и почти сразу же, не передохнув, отправляется на зимнюю рыбалку. События настоящего перемежаются в рассказе с воспоминаниями о рыбалке в далёком детстве, когда рыбы подо льдом было так много, что можно было её выхватывать из воды голыми руками: «Прямо под нами, не боясь ни нашего шума, ни самих нас, спокойно стояла, едва передвигаясь, рыба. Ко-

сячками, штук по восемь-десять, краснопёро пошевеливали воду темноспинные силуэты». А теперь в реке почти совсем не осталось – «Ушла куда рыба, или пораспугал? Нет, не сезон, видать, март месяц...» – да и сама река Николка, некогда, в далёком детстве героя, широкая и полная рыбы, стала «совсем мелководной». Однако в конце рассказа, неожиданно и сказочно для самого героя, словно бы оживает изобильный и радостный мир детства в сцене фантастической рыбалки: «Что это, мираж, мерещится? Я зажмуриваюсь, пальцами давлю на веки, прикрывающие глаза. Открываю... Вода шевелится от... рыбы!». Рассказчик и сам сомневается «а была ли та рыбалка, не приснилась ли сладким сном, не напридумывал ли я это всё своим горячим воображением?...». Эта, похожая на сон, рыбалка для героя как возвращение в детство, причащение его живительным силам.

Трогательно «умалённые» образы утраченного детства, невозвратимого, но бесконечно ценного, читатель может встретить и в лирике кузбасских авторов. Так, главный «персонаж» одного из стихотворений Бориса Бурмистрова: «состарившаяся» улочка, где прошло детство лирического героя:

Вот и состарилась улочка тихая,
Где моё детство прошло.
Часики летние тикали, тикали –
Время травой поросло (...)

Что же друзья, расплескаем по кружечкам
Памяти нашей вино...
Вот и состарилась тихая улочка –
Тихо в округе давно.

А в стихотворении Виктора Баянова «Изба моя, приветь меня...» на первом плане вечный символ Дома – одухотворённый, почти очеловеченный образ избы, куда лирический герой возвращается уже повзрослевшим:

Изба моя, приветь меня,
Побалуй давней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем бог послал, меня попотчуй (...).

Ещё один символ детства – Бумажный Змей, запускаемый мальчишками в небо в стихотворении Геннадия Юрова. Но одновременно это и символ свободы, полёта, достижимости Неба:

Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!
Чтоб верилось вам, чтоб сбывалось и пелось
У самой черты, за которую – зрелость!

Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!

Так в прозе и поэзии кузбасских писателей затрагиваются со всей художественной убедительностью животрепещущие проблемы прошлого и настоящего: конфликт поколений, война, разрушение красоты, чёрствость человеческой души, но также воспеваются важнейшие ценности человеческой жизни – красота природы родного края, гармония искусства и человеческих отношений, чистота детства, надёжность домашнего очага. Ценностные ориентиры, намеченные ещё русской классикой, актуальны и для кузбасской литературы. Можно с уверенностью сказать, что изучение творчества кузбасских авторов в школе гармонично дополняет постижение классических шедевров.

К сожалению, формат статьи не позволяет в равной степени отдать должное всем авторам, чьи произведения были включены в хрестоматию. Очевиден и тот факт, что многие заслуживающие внимания писатели, просто в силу ограниченного объёма книги, оказались «за бортом» издания. Равно как и целые литературные роды – так, например, драматические произведения в хрестоматию не включены. Также мне бы лично хотелось, чтобы на страницах хрестоматии более широко было представлено творчество совсем молодых авторов – старших товарищей предполагаемых читателей книги.

Впрочем, при всех имеющихся вопросах и пожеланиях, опыт создания хрестоматии писателей Кузбасса стоит признать успешным и заслуживающим продолжения.

Александр Шунков

Шунков Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и русского языка КемГУКИ. Автор научных работ, посвященных изучению русской литературы XVII века, среди них: Жанр послания в русской литературе XVII века (на материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). Кемерово, 2006; «Урядник сокольничья пути» как памятник русской художественной культуры середины XVII века. Кемерово, 2007. В 2006–2007 годах – обладатель гранта Президента РФ на проведение фундаментальных научных исследований по теме «Становление и развитие художественной культуры в России 2-й половины XVII века. (На материале обрядовых и церемониальных текстов XVII века)».

ЧитатЬ или не читать?

Еще совсем недавно проблема чтения не стояла так остро, как в настоящее время. Трудно себе было представить, что в России, которая считалась самой читающей страной, проблема падения интереса к чтению приобретает общенациональный масштаб и будет рассматриваться на государственном уровне¹. Наиболее остро ощущается проблема падения интереса к чтению и к литературе как предмета в школе. И в первую очередь, заложниками сложившейся ситуации являются учителя гуманитарного цикла: литературы, русского языка, истории. Учительская общественность (и не только) в средствах массовой информации активно обсуждает эту тему. В чем причина?

Парадоксальным в этой ситуации является следующее: с одной стороны, общество прекрасно понимает сложившуюся проблему детского, школьного нечтения, видит в этом первопричину всех социальных (как существующих на сегодняшний день, так и возможных в будущем) проблем. С другой стороны, из года в год идет сокращение количества часов, отводимых на изучение русской литературы. В результате в сознании ученика невольно закладывается и формируется представление о самой дисциплине, не имеющей первостепенного значения в его образовании. Так, современный образовательный стандарт (базовый учебный план 2004 года), к примеру, отводит 170 часов на изучение литературы в 10 кл. в профильном классе и 102 часа в непрофильном; 34 часа на изучение русского языка в непрофильном классе. Много это или мало? Позволю обратиться к примеру, который в одном из своих выступлений привел Е.А. Ямбург, заслуженный учитель РФ, доктор педагогических наук, член-корр. РАО. Он сказал, что

¹ В ноябре 2006 года на Санкт-Петербургском книжном салоне была подписана Национальная программа поддержки и развития чтения, принятие которой обусловлено необходимостью формирования скоординированной национальной политики в области поддержки и развития чтения.

2007 год был объявлен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Годом русского языка и предусматривал разработки и реализации программ по защите русского языка, развитие престижа чтения.

в фашистской Германии была принята программа, которая предусматривала изучение словесности (русского языка и литературы) в школах, расположенных на захваченных территориях СССР, в объеме 200 часов!

Подрывают интерес к чтению и многие эксперименты по внедрению новых методик литературного образования в школе. В последнее время можно услышать заявления представителей педагогической науки о чрезмерной загруженности ребенка в школе, поэтому необходимо сократить объем изучаемых произведений или рассматривать их обзорно, давая ученику лишь общее представление о биографии писателя, самом произведении. В этой ситуации под «сокращение» попадают не только имена русских классиков XVIII века (М.В. Ломоносова, Д.И. Фонвизина, Г.Р. Державина), но и представителей XIX столетия – «золотого века» русской поэзии. Аргумент один: надо изучать и читать только то, что понятно ребенку (произведения жанра «фэнтэзи», детективы, «сетературу» – литературу, «резвящуюся» в сети Интернет и др.); учитель должен владеть ситуацией современного детского чтения и вести разговор на языке современного читателя. Известны уже случаи, когда предлагалось ввести в школьную программу романы Д. Донцовой, Е. Гришкова. Одним из аргументов в пользу подобного подхода выдвигается якобы непонятный для современного читателя язык классического произведения.

Мне довелось быть свидетелем того, когда один из современных ученых-методистов, приглашенных в Кемерово из Института информатизации образования РАН (г. Москва) в марте 2008 г., выступая перед аудиторией учителей-словесников, заявил о бессмысленности знакомства современного ученика, например, с жанром торжественной оды XVIII века или с пушкинским «Пророком», т.к. современный школьник 9 класса не воспринимает и не может объяснить значение многих слов.

В результате в число «устаревших» и «неблагонадежных» произведений русской литературы попадает, например, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя как повесть, которая может быть прочитана и понята учеником 6 класса неправильно, поскольку в ней поэтизированы разбой и насилие, чинимые запорожскими казаками по отношению к полякам. Да и само употребление слова «ляхи» может звучать как оскорбление представителей польской нации. Нечто подобное уже было в мировой истории. Всем хорошо

известна кампания по запрету изучения в школах и изъятию из продажи в США книги Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». Причина была только в том, что в романе используется слово «негр». Марк Твен обвиняется, ни много ни мало, в расизме и разжигании межнациональной розни². Другой пример: стремясь соблюсти пресловутую политкорректность, западные издатели роман Агаты Кристи «Ten Little Niggers» («Десять негритят») переименовали в «And There Were None» («И никого не стало»). И если следовать этой традиции по изъятию из круга чтения шедевров мировой литературы, то настало время в российских школах, предвосхищая возможные межнациональные столкновения, запретить «Кавказского пленника» и «Хаджи Мурата» Л.Н. Толстого и много других произведений.

Самое странное в этой ситуации то, что подобные факты были и в отечественной истории. Так, в 1923 году вышло постановление Наркомата просвещения об изъятии из библиотек «негодной литературы и замене ее соответствующей»³. В составленный перечень попали произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Известно также, как Н.К. Крупская оберегала детское сознание от «отравляющего мистицизма» русских сказок.

Подобный подход в восприятии и оценке классического произведения в информационную эпоху иначе, как абсурдным не назовешь. Оправданием же подобной позиции служит стремление следовать требованиям массовой культуры: надо быть ближе к рядовому, обыкновенному читателю, не мучить его «заумью», не быть с ним излишне претенциозным и нравоучительным. В свое время академик Д.С. Лихачев в одном из своих интервью сказал, что он не приемлет само понятие «массовая культура». Культура не может быть массовой, по своей природе она элитарна, ее задача не опускаться до низменного уровня, а наоборот, заставлять подниматься человека к высотам духа. Именно эта роль принадлежит и классической литературе в школе, она формирует вкус молодого

² Например, в 90-х годах XX в. на территории некоторых штатов США было запрещено более 50-ти книг, среди которых «Приключения Гекльберри Финна» и «Приключения Тома Сойера» М. Твена, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Гроздь гнева» Дж. Стейнбека, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса, «1984» Дж. Оруэлла.

³ В 1924 году вышла «Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек». 1–7 июля этого же года проходил I Всероссийский библиотечный съезд, одно из постановлений которого касалось переклассификации библиотек

го читателя. Только на знании традиций, в рамках которых уже на протяжении 10 веков развивается отечественная словесность, возможно оценить литературу современную и говорить о ее достоинствах и недостатках.

Не менее ужасающим выглядит решение проверять знание ученика по литературе с помощью тестов. Причем эта практика внедрена уже не только в школах во время аттестации и аккредитации учебных заведений, но и на филологических факультетах вузов. О какой ситуации эстетического переживания прочитанного можно говорить здесь, если чтение превращается в стресс? От читателя требуется запомнить событийный ряд, имена героев, жанр, время создания, воспроизвести точно цитаты и проч. Проблема понимания текста, размышления над прочитанным, сопереживания, диалога автора с читателем (М.М. Бахтин) в этом случае уже не стоит. Литературное произведение превращается в орудие проверки общих знаний, оно отторгает от себя читателя.

Подобная методика восприятия литературного произведения, насильственно вводимая в образовательные учреждения и используемая при проверке знаний по литературе и понимания прочитанного текста, абсолютно не соответствует национальной традиции отношения к книге, которую высказал еще книжник в одном из старейших рукописных сборников – «Изборнике 1076г.». В первой статье сборника дается совет читать медленно, задумываться над прочтенным, трижды перечитывать одну и ту же главу, пока не постигнешь ее смысла. Реформаторы от образования, стремясь подвести национальную систему образования под западные правила, забывают или просто пренебрегают вековыми традициями русской школы, которая всегда давала подрастающему поколению духовное, нравственное воспитание, в основе которого всегда лежала словесность, уроки литературы. Причем эта традиция не пресекалась ни после событий октября 1917 года, ни в годы репрессий, ни в эпоху строительства коммунизма.

Другая причина потери интереса, желания и потребности к чтению – это та общая тенденция, которая наблюдается в современном информационном обществе. Изменились мотивы и характер чтения: оно стало функциональным и инструментальным, а также в чем-то прагматичным. Все больше людей читают для того, чтобы получить информацию для самообразования или для конкретных сведений. В то же время для многих чтение на досуге становится более легким, развлекательным, рассматривается

как средство приятного отдыха (например, чтение детективов и «дамских» романов, статей глянцевого журнала). Постепенно уходит «чтение для Души». Это – объективные процессы.

Можно назвать множество причин, которые приводят к потере интереса у современного человека к книге и процессу чтения. Одна из них, с моей точки зрения, – это выведение гуманитарных наук, в основе которых лежит слово, за пределы образования современного человека. Опасность подобной агрессивной позиции заключается в том, что она находит все большее число сторонников, которым свойственна, в первую очередь, прагматичность, становящаяся основой повседневной жизни человека.

Словесное искусство ими воспринимается и оценивается как бесполезное, создающее только «информационный шум, бестолковую и пустую болтовню». Стоит сказать, что подобный подход в умалении роли слова в русской культуре, выведении его за пределы культуры современного человека является серьезной и непоправимой трагической ошибкой, приводящей к сужению культурного кругозора человека, выражающемуся в удовлетворении только одномоментных потребностей. И именно в этой ситуации больнее и острее ощущается то состояние, переживаемое сегодня, которое в свое время Д.С. Лихачев назвал «тоской по слову».

Представить же себе историю русской культуры вне органичной связи ее со словом невозможно. Уже на заре христианства в Древней Руси евангельским текстом в сознании русского человека было укоренено особое понимание роли слова как первоосновы всего сущего: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Именно слово формировало русскую культуру и русского человека. Чтение книг являлось важной, если не главенствующей, составляющей образования русского человека, формирования его духовного мира. Книжное слово позволяло читателю приподняться над повседневностью, обратиться к высотам Духа. Из слова черпали силы для преодоления трудностей, препятствий, с которыми приходилось сталкиваться в истории Российского государства постоянно.

Что значит слово для русской культуры, прекрасно показал в одном из своих «Писем о добром и прекрасном» [3] Д.С. Лихачев. В письме 44 «Об искусстве слова и филологии» академик, рассуждая о филологии как об особом искусстве, формирующем систему духовных ценностей человека, выражаемых посредством слова и способствующем

установлению понимания другого, отмечает: «Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи...». Необходимо помнить, что русскому человеку свойственно образное представление об окружающем мире, формировавшееся веками посредством словесности.

В итоге, чтение – это путь духовного становления человека, это прежде всего труд, который требует как физических, так и духовных сил. И этот путь сложен и тернист. Не всем удастся пройти по этому пути, поэтому легче воспользоваться современными аудиовизуальными средствами, что предполагает минимизацию затрачиваемых сил в получении информации, их экономию. Современный ребенок настроен на получение информации посредством визуального восприятия текста, который существует в ярких зрительных образах (к примеру, рекламный текст, часто использующий цитаты из классической литературы, или мода на презентации с широким видеорядом, сопровождающим выступления).

Человек все меньше воспринимает текст на слух, слышит его, пропуская через себя. Последствия подобного «чтения» – несформированность навыков работы с текстом, несистематизированность полученной информации в сознании читателя. На сегодняшний день существует даже такой термин, как клиповое (калейдоскопическое) восприятие текста современным ребенком, которое вырабатывается мгновенной и неожиданной сменой различных впечатлений, не связанных друг с другом. Школьник, привыкающий только к зрительной информации, становится зависимым от иллюстрированных изданий. В конечном итоге все это приводит человека к его функциональной неграмотности, в основе которой лежат несформированные в детстве навыки чтения и письма.

Почему важна классическая литература в школе? Она является примером большого искусства, которое ведет к рождению нового внутри читателя. Она заставляет не повторять (хотя именно на этом принципе было построено преподавание и изучение литературы в советскую эпоху) поступки героя, а видеть и слышать глубину человеческой души, открывать для себя новые стороны как своей личности, так и личности другого человека. Именно классическая литература способна расширить границы культуры читателя, заложив основы духовной почвы. И если говорить о воспитательном значении литературы (о чем так любят рассуждать учителя старой советской школы, сводя чте-

ние к нравованию, отыскиванию универсальных формул?), то именно классическая литература формирует дух каждого читателя в отдельности, от которого зависит уже и поступок, совершаемый этим читателем.

Казалось бы, ситуация с чтением безнадежна и необходимо что-то предпринимать по привитию интереса к чтению у детей еще в школьном возрасте. Конечно, интерес и любовь к чтению формируется у ребенка еще дома его родителями. Читающие или нечитающие родители – это первый фактор, объясняющий функциональную безграмотность/грамотность учащегося. Вторым по значимости фактором является урок литературы в школе. Качество литературного образования в современной школе по-прежнему оставляет желать лучшего. Все, что носит характер обязательного, неизменно порождает неприятие и протест у человека, особенно в юношеском возрасте. «На уроке литературы необходимо постоянно связывать подлинное «удовольствие от текста» (Р. Барт) с настоящей исследовательской, герменевтически оправданной работой. Нужно пытаться каждое произведение, попавшее в поле зрения школьника, рассматривать и как некий самодостаточный организм, и как своего рода гипертекст, отсылающий читателя к иным произведениям и эпохам. То есть, говоря научным языком, связывать друг с другом имманентный, контекстуальный и интертекстуальный подходы к произведению» [1].

Именно такой подход в преподавании литературы в школе, который ликвидирует пробелы в литературном образовании школьника и прививает интерес к чтению, впервые в России был представлен в учебных программах и исследованиях теоретиков литературы: Н.Д. Тмарченко [5], В.И. Тюпы [6], С.П. Лавлинского [2], Л.Ю. Фуксона [7]. Результаты этих исследований успешно реализуются в практике их учениками (ныне школьными учителями литературы) не только в ряде школ г. Кемерово и Кемеровской области, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга и других городов России.

Но в формировании вкуса чтения нельзя пренебрегать возможностями, которые предоставлены человеку телевидением, кино, Интернет. Телевидение может быть одновременно и конкурентом, помехой чтению, но может быть и помощником. Известно, например, как обострился интерес к роману В. Гюго «Собор Парижской богоматери», к «Двум капитанам» В. Каверина после демонстрации мюзиклов «Нотр Дам» и «Норд Ост», как усилился интерес к «Идиоту»

Ф.М. Достоевского после роли, сыгранной Евгением Мироновым в экранизированной версии романа.

Нельзя не признать действенность мероприятий по популяризации чтения, книги, проводимых на уровне государства. 2007 год, объявленный ЮНЕСКО Годом русского языка и Годом чтения, показал значимость русской словесности для мировой цивилизации.

Решение проблемы – это ее обсуждение, причем не только на государственном уровне, но и в рамках проводимых библиотеками акций в поддержку чтения. Одним из таких проектов, набирающих свою силу и приобретающих все больше число сторонников, является международный проект «Большое чтение» («The Big Read»). Истоком проекта явилась программа ВГБИЛ им. М.И. Рудомино и Публичной библиотеки г. Чикаго «Одна книга – два города», когда в 2006 году в Москве и Чикаго читали повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Сегодня в России в данный проект включены библиотеки, университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Саратова, Пскова, Сургута, Кемерова и других городов.

Насколько действенными окажутся подобные проекты, объединяющие в единое культурное пространство читателей не только одного города, страны, но и мира, покажет время. Хочется надеяться и верить, что та похвала, которую еще в XII веке высказал русский летописец книгам, не померкнет и не потеряет своей силы под напором конъюнктурных псевдопросветительских решений. «Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лавлинский С. П. Из интервью «Учительской газете», 2001.
2. Лавлинский С.П. Диалог читателей в контексте литературного образования. – Кемерово: Изд-во КРИПК и ПРО, 2002. – 203 с.
3. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М: Детская литература, 1985. (2-е – 1988; 3-е – 1989).
4. Повесть временных лет // Библиотека литературы древней Руси: в 20 т. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 195.
5. Тамарченко Н.Д., Стрельцова Л.Е. Путешествие в «чужую страну»: пособие по литературе для 5-х классов школ гуманитарного типа. – М., 1995.
6. Тюпа В.И. Инновационный стандарт литературного образования. – // Дискурс. – 1996. – № 2. – С. 65–71.
7. Фуксон Л.Ю. Чтение: учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 218 с.

На внутренних сторонах обложки и цветных вкладках представлены работы студентов и выпускников кафедр графического дизайна, фотовидеотворчества, декоративно-прикладного искусства.

Е. Язева: 1, 2
Е. Кудинова: 3
Л. Емельянова: 4
А. Штейзель: 5, 6
О. Пичугина: 7
А. Веремеев: 8
К. Захарова: 9
С. Кузьмина: 10
Ю. Аплетина: 11
С. Анцупова: 12
А. Брехт: 14, 16
К. Захаров: 13, 17
Ф. Мартынов: 15, 18, 23
Б. Никита: 19, 20
А. Патрин: 21, 22, 24
Е. Бикеева: 25, 26
А. Важенина: 36
Т. Григорьева: 39
А. Лазбекина: 29, 30, 31
Н. Перешеина: 34, 35, 32
А. Радченко: 33
Д. Степанова: 27, 28, 37, 38
А. Гуслина: 40, 41

Литературно-художественное издание

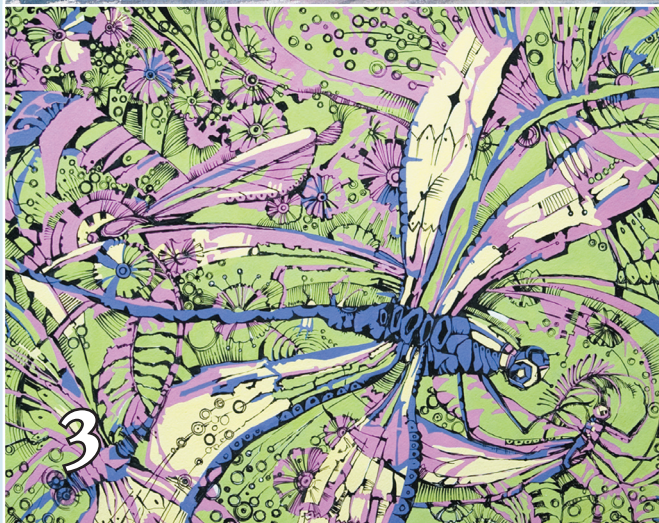
Университет Культуры:
Литературное творчество студентов, выпускников,
бывших и нынешних преподавателей
Кемеровского государственного университета
культуры и искусств

Литературно-художественный альманах

Компьютерная вёрстка: *А. С. Логиновских*

Подписано к печати 18.12.2009. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Отпечатано на ризографе. Усл.-печ. л. 14,6. Тираж 100 экз. Заказ № 446.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Университет Культуры

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

Университет Культуры

Интераттүрно-Художественный альманах

